

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 17 № 1 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио

Главный редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Бахтикирева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канагараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедево Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 06.03.2020. Выход в свет 20.03.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 10,48. Тираж 500 экз. Заказ № 11. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 17 No. 1 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University
of Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linkoping University, Linkoping, Sweden

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index (RSCI), by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, DOAJ, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

К читателям/To the Readers.....	6
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ/LANGUAGE CONSCIOUSNESS	
Дмитрюк Н.В., Арынбаева Р.А. Ядро языкового сознания этноса в диахроническом аспекте: казахские ассоциативные словари/ Dmitryuk N.V., Arynbaeva R.A. The Core of the Language Consciousness of an Ethnic Group in Diachronic Aspect: Kazakh Associative Dictionaries.....	8
Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В. Роль экспериментальных исследований в национально-ориентированной лексикографии (на материале русско-монгольских сопоставлений)/ Mamontov A.S., Tzedendorjiin E., Boguslavskaya V.V. Part of Experimental Researches in Nationally Addressed Lexicography (on the Material of Russian-Mongolian Comparisons).....	20
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ/LANGUAGES IN CONTACT	
Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур»/ Khilkhanova E.V., Khilkhanov D.L. Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the Former USSR in the Light of “Clash of Cultures” Theory.....	31
Темиргазина З.К. Насколько далеко заходит процесс гибридизации языков в транслингвальной ситуации?/ Temirgazina Z.K. How Far Does the Process of Language Hybridization Go in a Translingual Situation?.....	39
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА/THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION	
Фахрутдинова Л.И., Аминова В.Р. Перевод как форма межлитературного диалога (на материале перевода повести А. Еники «Эйтелмэгэн васыять» («Невысказанное завещание») С. Хозиной)/ Fakhrutdinova L.I., Amineva V.R. Translation as a Form of Cross-Literary Dialogue (on the Material of the Translation of A. Yeniki’s Novel “Unspoken Will” by S. Khozina).....	45
Сычёва А.В. Особенности воссоздания рифмы в русской поэзии средствами английского языка/ Sycheva A.V. Peculiarities of Reconstructing Russian Rhyme in English Translations.....	59
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ/LITERARY DIMENSION	
Шафранская Э.Ф. Бутылка с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста»/ Shafranskaya E.F. The Bottle Inscribed with “X”, or Search for the Unknown in Alisa Ganieva’s novel “The Groom and the Bride”.....	65
Гарипова Г.Т. Полилингвизм и транслитературность в контексте метафигиональных стратегий Хамида Исмаилова/ Garipova G.T. Polylingualism and Transliterality in the Context of Hamid Ismailov’s Metafictional Strategy.....	78
БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ/BILINGUAL EDUCATION	
Медведева Н.В. Понятие «культурная идентичность» билингвальной личности студента коми-пермяка в фокусе лингвометодики/ Medvedeva N.V. Concept of “Cultural Identity” of Komi-Permyak Student Bilingual Personality in the Focus of Linguistic Methodology.....	88
Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Трудные случаи в обучении студентов-иностранцев заимствованной лексике (язык СМИ)/ Afanasieva N.D., Zakharchenko S.D., Mogileva I.B. Difficult Cases in Teaching Foreign Students Borrowed Vocabulary (Language of the Media).....	101
ESSE EST	
Екшембеева Л.В. Образы билингвизма в моей монологической жизни (лирические фантазии)/ Ekshembeeva L.V. Images of Bilingualism in my Monolingual Life (Lyrical Fantasies).....	108
Сулейменова Э.Д. Глобализация и языковая политика/ Suleimenova E.D. Globalization and Language Policy.....	112

Разделяя лучшее

К читателям

Первый номер 2020 года получился очень разноплановым. В нем представлены все наши постоянные рубрики. Вы сможете ознакомиться с результатами психолингвистических и ассоциативных экспериментов, в частности, в лексикографии, вникнуть в особенности переводческих стратегий художественного текста; прочитать о литературоведческих подходах к анализу транслингвального произведения.

Профессор Л.В. Екшембеева делится своими наблюдениями о билингвизме, которые она назвала «лирическими фантазиями». Тем не менее, это не уменьшает их научной ценности. Особое внимание стоит уделить рубрике «Языковые контакты», в которой авторы рассуждают о глобализации и ее влиянии на современный мир — позитивном и негативном. Все наши материалы обращены к человеку *говорящему*, оказавшемуся на перекрестке языков и культур. Это очень сложная проблематика, и мы стремимся привнести свой вклад в ее решение.

С уважением, главный редактор В.П. Синячкин,
заместитель главного редактора У.М. Бахтикирева

Sharing the best

To the Readers

The first issue of 2020 turned out to be very diverse. It contains all our regular columns. You can get acquainted with the results of psycholinguistic and associative experiments both in lexicography and beyond; to understand especially the translation strategies of a literary text; read about literary approaches to the analysis of translingual literary work.

Professor L. Ekshembееva shares her observations on bilingualism, which she called her “lyrical fantasies”. However, this does not diminish their scientific value. Particular attention should be paid to the section “Language contacts”, in which the authors discuss globalization and its impact on the modern world — positive and negative. All our materials are addressed to the *speaking* man, who is at the crossroads of languages and cultures. This is a very complex problem, and we strive to contribute to its solution.

Sincerely, Editor-in-Chief V.P. Sinyachkin,
Vice-Editor U.M. Bakhtikireeva

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-8-19

Научная статья

Ядро языкового сознания этноса в диахроническом аспекте: казахские ассоциативные словари

Н.В. Дмитриук, Р.А. Арынбаева

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
Республика Казахстан, 160012, Шымкент, ул. Байтурсынова, 13

В статье обсуждаются возможности использования результатов свободных ассоциативных экспериментов (САЭ) и данных ассоциативных словарей при проведении этнопсихолингвистических, культурологических и социально-психологических исследований по выявлению ментальной и этнокультурной специфики языкового сознания и языковых картин мира разных этносов, при структурировании ядра языкового сознания (ЯЯС), определении базовых ценностей социума. В случае использования таких словарей, созданных в разное время, это позволяет выявить трансформацию ментального климата и ценностных приоритетов разных поколений одного и того же этноса. В статье приводятся именно такие внутриэтнические сопоставления ассоциативного поведения представлений казахского этноса современного и советского периода в иерархии ценностных приоритетов, показаны их стабильность и трансформация, отразившиеся в ядерных зонах языкового сознания молодежи двух поколений с сорокалетним интервалом.

На основании совпадения основных базовых ценностей в концептуальном центре ядра языкового сознания авторы делают вывод об определенной стабильности и неизменности культурных, ментальных и поведенческих традиций казахского этноса.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативные словари, языковое сознание, базовые ценности, ментальный климат, ядро языкового сознания

1. Введение

Изучение лингвоментальных, когнитивных и психических процессов, связанных с речемыслительной деятельностью человека, имеет давнюю историю, представлено известными направлениями и школами, что составляет прочное основание для появления новой объектной области психолингвистических исследований — *языкового сознания*, обеспеченной трудами ученых Московской психолингвистической школы [1–13].

В современной психолингвистике одним из самых доступных и достоверных способов исследования языкового сознания считается свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), результаты которого дают представление о содержании и

© Дмитриук Н.В., Арынбаева Р.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

функционировании разных слоев языкового сознания, иерархии ценностных представлений о мире и специфике языкового сознания этноса. Вербальные ассоциации в этом аспекте рассматриваются как одно из средств доступа к языковому сознанию, овнешненному (термин Е.Ф. Тарасова) ассоциативными реакциями, представленными, в частности, в словарях ассоциативных норм разных языков или в ассоциативных тезаурусах.

Выявленные с помощью ассоциативных методик некоторые неконтролируемые слои сознания — ассоциативные реакции в свободном ассоциативном эксперименте — в массовых (более 1000 информантов) экспериментах способны дать вполне объективную, как доказано многочисленными исследованиями, картину того, что в данный момент представляет собой ментальный климат исследуемого социума, как отражается специфичность национальных черт и ценностных ориентаций этноса в мире [14. С. 6] и какие базовые ценности преобладают в данный момент в обществе. Сопоставление таких ядерных центров иллюстрирует разницу в мировидении и миропонимании разных этносов, свидетельствует о специфике национального характера и языкового сознания этносов.

Начало нынешнего века ознаменовалось заметным всплеском интереса к ассоциативным методикам в казахстанской лингвистике, ценность и достоверность которых была доказана солидным корпусом накопленного экспериментального ассоциативного материала.

История вопроса

В Казахстане в настоящее время опубликованы два ассоциативных словаря казахского языка: Казахско-русский ассоциативный словарь (КРАС-1978) [15] — создан на основе материала ассоциативных экспериментов советского времени и Казахский ассоциативный словарь (КАС-2014) [16] — на материале современных ассоциативных исследований. Оба словаря — КРАС-1978 и КАС-2014 — содержат уникальные сведения о национально-культурной специфике восприятия окружающего мира представителями двух поколений казахской молодежи и могут служить инструментом широкого круга этнолингвистических и социокультурных исследований, позволяющих судить о ментальном климате, характерном для двух поколений участников эксперимента.

Оба словаря построены на материале массовых (более 1000 информантов) полевых экспериментальных исследований, проводимых методом анкетирования, при котором на заданные слова были получены ассоциативные реакции. Такие ассоциативные словари называются *прямыми* (от стимула к реакции: $S \rightarrow R$); на их основе путем статистической компьютерной обработки всего лексического массива получают так называемые *обратные* ассоциативные словари (от реакции к стимулу: $R \rightarrow S$), которые иллюстрируют степень «притяжения» заданных в эксперименте стимульных слов и их ответных реакций как бы в перевернутом виде, в обратном, зеркальном отражении, при этом наглядно проявляется не зеркально отраженная связь стимула и реакции, а их очевидное валентное неравенство, «не-взаимообусловленность» (к примеру, на стимул *стол* наиболее частой ассоциацией русских является реакция *стул*, но если стимулом станет слово *стул*, то типичными ассоциациями окажутся реакции *деревянный*, *удобный*, *кресло*, но не *стол*).

Содержание всего корпуса ассоциативных реакций и стимульных слов прямого и обратного ассоциативных словарей статистически обрабатывается компьютерной программой, в результате чего получается своеобразный список убывающих по частоте словоупотреблений, отражающий иерархию наиболее значимых, востребованных и актуализованных в ментальном лексиконе человека лексических единиц и стоящих за ними понятий, смыслов. На основе этого списка выстраивается так называемое ядро ментального лексикона человека (в терминологии А.А. Залевской, Тверская психолингвистическая школа) или ядро языкового сознания (в терминологии Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова и др., Московская психолингвистическая школа).

Понятие ядра языкового сознания

Понятие ядра (центра и периферии, гнезда) было заимствовано лингвистами из естественных наук и вошло в терминологический аппарат языкознания и психолингвистики, приобретя специфическое наполнение. Не вдаваясь в суть и методику компьютерного программирования в ходе «выстраивания» ядра языкового сознания, отметим, что его можно структурировать по количеству породивших данные ассоциации S-стимулов, а можно и по частоте зарегистрированных в эксперименте R-реакций. При этом, располагая реакции по убывающей частоте, можно убедиться, что ранг некоторых ассоциаций поменяется, но в целом основной состав ассоциатов (содержание ядра) останется прежним при том и другом методе его составления.

В практике исследований языкового сознания разных этносов уже существуют ранжированные списки, называемые ядром языкового сознания англичан, русских, испанцев и др., созданные на материале прямых и обратных ассоциативных словарей [7—18].

При наличии ассоциативных словарей одного и того же этноса в разные периоды жизни появляется уникальная возможность сравнить, что изменилось в ментальном климате этноса, как сместилась аксиологическая доминанта в выборе и поиске приоритетных ценностей; что ушло из первоочередных, когда-то массовых идей и предпочтений и что осталось неизменным — из числа базовых, концептуально значимых традиционных ценностей, принятых именно в данном этническом сообществе. Такая уникальная возможность представилась нам при исследовании языкового сознания представителей казахского этноса по материалам ассоциативных словарей КРАС-1978 и КАС-2014.

2. Обсуждение

Диахронические сопоставительные исследования ядра языкового сознания

Выстраивая ядро языкового сознания (ЯЯС) казахов по содержанию ассоциативных словарей советского и современного периодов (в их прямом и обратном варианте), мы ставили своей целью выявить иерархию базовых ценностей казахского этноса и их возможную трансформацию, произошедшую в сознании ин-

формантов — участников эксперимента; стремились определить градус смещения основных стратегий ассоциативного поведения респондентов и перемену ментального климата в языковом сознании титульного этноса Казахстана за прошедший 40-летний период. При этом заметим, что, на наш взгляд, именно национально-специфическая концептосфера духовных, ментальных и материальных ценностей составляет своеобразный стержень любой этнокультуры. В этом контексте философская основа реконструкции архетипов сознания закладывает фундамент для широкого круга этноментальных, лингвистических, морально-этических исследований казахстанской лингвистической науки.

В данной статье рассмотрим содержание ассоциативно-вербальной сети (АВС, термин Ю.Н. Караулова), куда входило бы определенное количество (от 10 до 100) единиц, отличающихся определенной степенью интенсивности «притяжения» к высокочастотному центру — ядру: от самых активных (10 слов — это так называемый *концептуальный центр* ядра языкового сознания) к менее активным (30—50 слов — это *малое* ядро языкового сознания (ЯС)) и далее приближающееся к периферии условное число ассоциатов от 75 до 100 единиц, которое считается *большим* ядром языкового сознания [19]. В результате мы имеем условно от 10 до 100 значимостей, базовых ценностей (с учетом их ранговой стратификации), на которые ориентирован социум, заинтересованный в жизнеспособности и воспроизведении себя в будущих поколениях.

Представим в табл. 1 сопоставление ядра ЯС казахов в динамике: в советский период — по материалам КРАС-1978 и в современный — по материалам КАС-2014. Первая графа в табл. 1 указывает ранг ассоциации, во второй дается собственно ассоциация с переводом на русский язык, третья показывает убывающую по частоте иерархию стимулов, вызвавших данную ассоциацию, четвертая — количество данных реакций во всем массиве ассоциативного словаря.

Таблица 1/ Table 1

**Малое ядро языкового сознания казахов в динамике/
The Small Core of Kazakh Language Consciousness in Dynamics**

КРАС-1978/KRAD-1978				КАС-2014/KAD-2014			
Ранг/ Rank	Ассоциат/ Associate	S	R	Ранг/ Rank	Ассоциат/ Associate	S	R
1	Адам (человек)	70	1299	1	Жақсы (хороший)	81	1042
2	Әдемі (красивый)	70	1033	2	Адам (человек)	61	2502
3	Өмір (жизнь)	58	1040	3	Әдемі (красивый)	60	1000
4	Үлкен (большой)	54	506	4	Жаман (плохой)	56	755
5	Жақсы (хороший)	52	371	5	Көп (много)	54	417
6	Ана (мать)	48	347	6	Бақыт (счастье)	53	676
7	Бала (мальчик, дитя)	47	312	7	Өмір (жизнь)	53	628
8	Ақ (белая)	46	423	8	Үлкен (большой)	47	937
9	Көп (много)	43	640	9	Қуаныш (радость)	43	397
10	Жер (земля)	42	639	10	Жұмыс (работа)	42	579
11	Керек (надо)	42	375	11	Бала (мальчик, дитя)	41	972
12	Үй (дом)	42	320	12	Керек (надо)	41	424
13	Жоқ (нет)	39	121	13	Жігіт (джигит)	40	514
14	Қара (черная)	37	362	14	Махаббат (любовь)	40	398

КРАС-1978/KRAD-1978				КАС-2014/KAD-2014			
Ранг/ Rank	Ассоциат/ Associate	S	R	Ранг/ Rank	Ассоциат/ Associate	S	R
15	Болу (быть)	34	347	15	Керемет (красивый)	37	187
16	Ағаш (дерево)	34	298	16	Қыз (девочка)	34	587
17	Тамаша (прекрасно)	34	120	17	Ана (мать)	33	602
18	Келді (идет)	33	358	18	Ақылды (умный)	33	523
19	Жігіт (парень)	33	306	19	Жүрек (сердце)	33	212
20	Қызыл (красная)	32	288	20	Арман (мечта)	32	194
21	Жаман (плохой)	32	221	21	Отбасы (семья)	31	339
22	Қатты (сильный)	32	177	22	Ақша (деньги)	31	287
23	Кітап (книга)	32	168	23	Таза (чистый)	30	427
24	Жас (молодой)	31	219	24	Бөбек (младенец)	30	179
25	Бақыт (счастье)	30	398	25	Дос (друг)	29	208
26	Таза (чистый)	30	325	26	Үй (дом)	28	566
27	Қой (баран)	30	272	27	Жер (земля)	28	412
28	Су (вода)	30	248	28	Байлық (богатство)	28	234
29	Алу (брат)	30	176	29	Күшті (крепкий)	28	157
30	Кино	29	75	30	Әке (отец)	28	139
31	Бар (есть)	29	72	31	Тамаша (прекрасная)	27	133
32	Көйлек (платье)	28	298	32	Жас (возраст)	27	108
33	Нан (хлеб)	28	140	33	Ел (народ)	26	335
34	Гүл (цветок)	27	300	34	Уақыт (время)	26	159
35	Көк (голубой)	27	275	35	Әйел (женщина)	25	371
36	Дала (степь)	27	216	396	Жақсылық (добро)	25	272
37	Жаңа (новый)	27	193	37	Сезім (чувства)	25	246
38	Машина	27	68	38	Қатты (громко)	24	199
39	Түн (ночь)	26	608	39	Адал (честная)	23	206
40	Зат (вещь)	26	124	40	Ақ (белая)	23	149
41	Көңілді (веселый)	26	119	41	Аз (мало)	23	127
42	Әке (отец)	26	56	42	Жоқ (нет)	23	116
43	Көше (улица)	26	54	43	Жан (душа)	23	92
44	Күн (день; солнце)	25	372	44	Күн (день)	22	380
45	Сұлу (красивый)	25	325	45	Сұлу (красивый)	22	302
46	Ит (собака)	25	197	46	Өмір сүру (жить)	22	293
47	Жол (дорога)	25	145	47	Ағаш (дерево)	22	287
48	Көктем (весна)	25	134	48	Мықты (крепкий)	22	189
49	Әсем (красивый)	25	122	49	Күлкі (смех)	22	112
50	Сағат (часы)	25	44	50	Әлем (мир)	22	104

Обратим внимание на верхние позиции того и другого ядра ЯС казахов разных поколений. Первые десять слов — то, что принято считать концептуальным центром сознания, — фиксируют наиболее значимые ценности-концепты, принятые в данном этническом сообществе. На первом месте (КРАС-1978) и на втором (КАС-2014) в центре образа мира у казахов стоит понятие *адам* (человек) — концепт, имеющий наибольшее число связей: 1299 (четвертая графа, КРАС) в АВС наибольшего числа стимулов — 70 (третья графа, КРАС). В центре образа мира у современных казахов по-прежнему (хотя и на втором месте) стоит ассоциат *адам*

(человек) — концепт, у которого оказалось даже большее число связей — 2502 (четвертая графа, КАС) по сравнению с материалами советского периода, хотя число стимулов, в ассоциативных полях которых зафиксирована реакция *адам*, снизилось с 70 до 61 (ср. третью графу КРАС и КАС).

Чрезвычайно важно отметить совпадение 7 из 10 актуальных значимостей в концептуальном центре ЯЯС казахов разных поколений (изменился лишь их ранговый порядок). Как видим из табл. 1, неизменно главными остались такие понятия, как *адам* (человек), *әдемі* (красивый), *өмір* (жизнь), *үлкен* (большой), *жақсы* (хороший), *бала* (мальчик, дитя) — это именно те стержневые понятия, на которых строится и держится идентичность любого этноса. За прошедшие почти 30 лет существования Казахстана как суверенного государства — со всеми преобразованиями и реформами, с учетом многонационального состава его граждан и неизбежными процессами миграционных потоков, сменой и обновлением идеологии в стране — эти базовые ценности остались для казахов неизменными и основополагающими в центре их картины мира.

Изменения верхних позиций в ядре языкового сознания казахов сопоставляемых поколений незначительны. Переместились из десяти концептуальных ценностей по данным КРАС-1978 в нижние строки ядра ЯС в материалах КАС-2014 следующие 3 концепта: *ақ* (белый) с 8 места на 40; *ана* (мать) с 6 на 17 место; *жер* (земля) с 10 на 27, на месте которых появились *жаман* (плохой) — поднялось с 21 места на 4; *бақыт* (счастье) — с 25 строки на 6; *қуаныш* (радость) с 54 на 9 место; *жұмыс* (работа) — с 25 на 10 место. Добавим к условным 10 концептуальным значимостям еще концепт *бала* (мальчик, дитя), который значится на 7 и 11 месте в иерархии значимостей ЯЯС соответственно в КРАС-1978 и КАС-2014, что позволяет считать и этот концепт жизненно важным и неизменным в языковом сознании казахов.

Таким образом, как видим, первые 10–11 слов концептуального центра в ядре ментального лексикона казахов в содержательном отношении остались прежними у представителей двух поколений участников эксперимента — молодежи советской поры и современных молодых людей, которые жили не только в разное время, но и после распада СССР, по сути, в разных странах.

В таблице 1 достаточно отчетливо представлены совпадения и различия в иерархии базовых ценностей казахов двух поколений и на уровне следующих после концептуального центра позиций *малого* ядра языкового сознания — 30–50 основных значимостей. Здесь также наблюдается достаточно устойчивая картина стабильности ментального лексикона казахов: совпали 15 из 30 слов-ассоциатов, имеющих достаточно высокий ранг и обширные многочисленные связи в ассоциативно-вербальной сети языкового сознания. Перечислим эти 15 слов (в алфавитном порядке, а не по степени иерархической значимости: к названным выше 7 концептам добавились еще 8): *адам* (человек), *бақыт* (счастье), *бала* (мальчик, дитя), *әдемі* (красивый), *жақсы* (хороший), *жаман* (плохой), *жер* (земля), *жігіт* (парень), *керек* (надо), *көп* (много), *қыз* (девочка), *өмір* (жизнь), *таза* (чистый), *үй* (дом), *үлкен* (большой).

Вместе с тем из всего перечня *большого* ядра ментального лексикона (100 слов) советского периода совпавшими с содержанием современного *большого* ядра (но

с другой ранговой принадлежностью), оказались 38 ассоциаций-значимостей. На наш взгляд, это свидетельствует о достаточно крепком стержне, на котором формируются и держатся базовые ценности казахов. И какие из них этнокультурные, национально-маркированные, а какие «общечеловеческие», может быть, не столь важно, поскольку центр ядерной зоны, состоящий из 38 базовых элементов жизненно важных значимостей, не подверженных изменениям времени, свидетельствует о витальности и жизнеспособности казахского этнокультурного сообщества.

Межкультурные сопоставления центральных зон ядра языкового сознания

Располагая опубликованными данными аналогичных исследований ядра языкового сознания разных этносов (англичан, русских, испанцев, казахов), можно сопоставить их содержание и определить, какие ценности предпочтительны в мировоззрениях каждого из них, чем ментально отличаются Восток и Запад, что их связывает и что отталкивает.

Представим в табл. 2 содержание первых 10 значимостей в ядре языкового сознания русских, казахов, англичан и испанцев, а в случае с материалами русских и казахских исследований — еще и в диахроническом аспекте [21].

Таблица 2/Table 2

Сопоставление центральной зоны ядра языкового сознания русских, казахов, испанцев и англичан/
Comparison of the Central Zone of the Linguistic Consciousness' Core of Russians, Kazakhs, Spaniards and English

Русские/ Russians [13. С. 142]	Русские/ Russians [12. С. 6]	Казахи (КРАС-1978)/ Kazakhs (KRAD-1978) [20]	Казахи (КАС-2014)/ Kazakhs (KAD-2014) [16]	Англичане/ English [6]	Испанцы/ Spaniards [17. С. 196]
Человек	Жизнь	Адам (человек)	Жақсы (хороший)	Me	Vida
Дом	Человек	Әдемі (красивый)	Адам (человек)	Man	Amor
Нет	Любовь	Әмір (жизнь)	Әдемі (красивый)	Good	Mi, mio, mia
Хорошо	Радость	Үлкен (большой)	Жаман (плохой)	Sex	Hombre
Жизнь	Дом	Жаксы (хороший)	Көп (много)	No	Azul
Плохо	Хорошо	Қыз (девочка)	Бақыт (счастье)	Money	Amigo, -s
Большой	Друг	Бала (мальчик, дитя)	Әмір (жизнь)	Yes	Ser
Друг	Нет	Ақ (белый)	Үлкен (большой)	Nothing	Bueno
Деньги	Счастье	Көп (много)	Қуаныш (радость)	Work	Luz
Дурак	Есть	Жер (земля)	Жұмыс (работа)	Food	Casa

Как видим, во всех шести списках совпали две концептуально значимые ценности: *человек* и *жизнь*, у испанцев еще и *хороший*, причем наибольшая общность проявилась у русских и казахов (5—7 совпадений), в меньшей степени им близки испанцы (3 совпадения) и с англичанами совпали 2 концепта — *человек* и *хороший*. «...Местоимение *я*, отмеченное у англичан на первом месте в числе концептуальных значимостей, у испанцев занимает третью позицию, у русских на 32 и у казахов в большом ядре языкового сознания оно на 98 месте» [19. С. 136].

Русскому сознанию и, как выясняется, также и казахскому, не свойственно предпочтительное отношение к себе как центральному объекту внимания, оно в

большей степени направлено прежде всего на внешний мир, на другого человека, не на себя (то, что Н.В. Уфимцева называет «другоцентричностью» востока (направленного на другого) и «эгоцентричностью» запада [11. С. 148]).

Позиционирование себя в центре мироздания и привлечение внимания к собственному Я как к высшей ценности свойственно эгоцентрическим представлениям западноевропейской культуры (которые принято сейчас представлять как некие общечеловеческие ценности), подчиняющим своим интересам вызовы внешнего мира, в то время как восточноевропейская русская и среднеазиатская казахская культуры направлены в большей степени на *человека/адам*, где высшей ценностью считается *жизнь/өмір*, и основная характеристика мира для них — определение *большой/үлкен* [21].

Ответ на вопрос: чьи взгляды, ментальность и базовые ценности — востока или запада — ближе русскому сознанию, красноречиво представлен в сопоставительной табл. 2. Объединив разные по времени проведения экспериментов результаты совпадения концептов в ядре языкового сознания русских и казахов, увидим убедительное доказательство большой степени близости главных ценностных приоритетов этих этносов и их общее отличие от представлений о ценностях западного мира: 7 из 10 концептуальных значимостей совпали у русских и казахов: *человек/адам, жизнь/өмір, хорошо, хороший/жақсы, большой/үлкен, плохо, плохой/жаман, счастье/бақыт, радость/қуаныш*, что может быть расценено «как свидетельство достаточно прочных устоев и неизменных традиций в главных парадигмах жизненного уклада казахов» [21].

Проблема существования базовых ценностей в языковом сознании этноса [9; 22—24 и др.] и их трансформации с течением времени впервые приобрела относительно объективный характер решения за счет инструмента, с помощью которого исследователь способен найти доступ к человеческому сознанию и подсознанию — это многократно апробированный и испытанный в науке ассоциативный эксперимент. Построение на его материале определенной иерархии базовых ценностей, или ценностных приоритетов в виде ядра языкового сознания становится убедительным и объективным свидетельством того, *что* является этноформирующим стержнем, основой жизнедеятельности и витальности социума, его основными жизнеутверждающими базовыми ценностями, скрепляющими и определяющими его этнокультурную идентичность.

3. Заключение

Обсуждаемые в статье результаты внутриэтнического диахронического исследования центральных зон языкового сознания казахов двух поколений позволяют признать достаточно устойчивый показатель базовых ценностей казахов, не подверженных изменению во времени, это можно считать явлением положительным, свидетельствующим об определенной неизменности и стабильности культурных, ментальных и поведенческих традиций в жизни казахского социума. Результаты сопоставительного межэтнического исследования показали значительную степень ментальной близости русского и казахского языкового сознания в отличие от западноевропейского (испанского и английского), что свидетельству-

ет о сохраняющейся существенной разнице менталитета представителей восточной и западной культур, несмотря на активно декларируемые в науке и социальных сферах идеи мультикультурализма и глобализации.

Список литературы

1. *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // *Словарь ассоциативных норм русского языка*. М.: МГУ, 1977.
2. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
3. *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993.
4. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Соч. в 2 т. М.: Педагогика, 1983.
5. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: учебник. Изд. 2-е, дополн. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007.
6. *Залевская А.А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // *Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики*. Калинин. гос. ун-т, 1981.
7. *Залевская А.А.* Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1980.
8. *Тарасов Е.Ф.* О формах существования сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993.
9. *Тарасов Е.Ф.* Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // *Вопросы психолингвистики*. 2012. № 1 (15). С. 8—18.
10. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М.: Изд-во ИЯ РАН, 1993.
11. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // *Языковое сознание и образ мира*. М.: ИЯ РАН, 2000.
12. *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф.* Славянский ассоциативный словарь (русский, белорусский, болгарский, украинский). М.: ИЯ РАН, 2004.
13. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М.: ИЯ РАН, 1996.
14. *Русский ассоциативный словарь (РАС)* / под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Л.А. Черкасовой. М., 1994—1998.
15. *Дмитрюк Н.В.* Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент, 1978.
16. *Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И.* Қазақша ассоциациялық сөздік / *Казахский ассоциативный словарь*. Алматы — Москва: Медиа-ЛогоС, 2014.
17. *Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Языковое сознание и образ мира*. М.: ИЯ РАН, 2000.
18. *Черкасова Г.А.* Квантитативные исследования ассоциативных словарей // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация*. ИЯ РАН. М.; Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
19. *Дмитрюк Н.В., Черкасова Г.И., Артыкбаева Ф.И.* Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 2 (28). С. 132—150.
20. *Дмитрюк Н.В.* Казахско-русский ассоциативный словарь. Изд. 2-е, доп. Шымкент; М., 1998.
21. *Дмитрюк Н.В., Дмитрюк С.В.* Ассоциативные сопоставительные исследования: ментально маркированные концепты культуры в системе ценностных предпочтений // *Русский язык за рубежом*. 2017. № 3. С. 63—71.

22. *Синячкин В.П.* Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании. М.: Изд-во РУДН, 2010.
23. *Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* От стимула к реакции. Рецензия на первый казахский ассоциативный словарь: Дмитриук Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с. // Вопросы психолингвистики. 2015. № 1 (23). С. 254–258.
24. *Дмитрюк Н.В.* Ассоциативные методики и словари ассоциативных норм как инструмент исследования феномена межкультурной коммуникации / ММНТК «Диалог культур и его роль в формировании межэтнической толерантности в современном казахстанском обществе». Шымкент, 2013. С. 50–57.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.10.2019

Дата принятия к печати: 12.12.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дмитрюк Н.В., Арынбаева Р.А. Ядро языкового сознания этноса в диахроническом аспекте: казахские ассоциативные словари // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 8–19. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-8-19

Сведения об авторах:

Дмитрюк Наталья Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. E-mail: nvdmitr@yandex.ru

Арынбаева Римма Ануарбековна — докторант кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. E-mail: rimma10.69@mail.ru

Research Article

The Core of the Language Consciousness of an Ethnic Group in Diachronic Aspect: Kazakh Associative Dictionaries

N.V. Dmitryuk, R.A. Arynbaeva

South Kazakhstan State Pedagogical University
13, Baitursynov Str., Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan

The article discusses the possibility of using the data of free associative experiments (SAE) and associative dictionaries, which can serve as a tool of ethno-psycholinguistic, cultural and socio-psychological research to identify the mental and ethno-cultural specificity of language consciousness and language pictures of the world of different ethnic groups, structuring the core of language

consciousness (JAS), determining the basic values of society and, in the case of creating such dictionaries in different time periods, they are able to identify the transformation of the mental climate and value priorities of different generations of the same ethnic group.

The content of the article is such intra-ethnic comparisons of associative behavior of the representations of the Kazakh ethnos of the modern and Soviet period in the hierarchy of value priorities, their stability and transformation, reflected in the nuclear zones of the language consciousness of young people of two generations with a forty-year interval.

On the basis of the coincidence of the basic values in the conceptual center of the core of language consciousness, the article concludes about a certain stability and immutability of cultural, mental and behavioral traditions of the Kazakh ethnic group.

Key words: free associative experiment (FAE), associative dictionaries, language consciousness, basic values, mental climate, the core of language consciousness

References

1. Leont'ev, A.A. 1977. Obshchie svedeniya ob assotsiativnykh i assotsiativnykh normakh. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka*. Moscow: MGU. Pp. 3—16. Print. (In Russ.)
2. Leont'ev, A.A. 1997. *Osnovy psikholingvistiki*. Moscow: Smysl. P. 287. Print. (In Russ.)
3. Leont'ev, A.A. 1993. "Yazykovoe soznanie i obraz mira" in *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow. Pp. 16—22. Print. (In Russ.)
4. Leont'ev, A.N. 1983. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya*. Soch. v 2-kh t. Moscow: Pedagogika. Print. (In Russ.)
5. Zalevskaya, A.A. 2007. *Vvedenie v psikholingvistiku*. Moscow: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, Print. (In Russ.)
6. Zalevskaya, A.A. 1981. "O kompleksnom podkhode k issledovaniyu zakonomernostei funktsionirovaniya yazykovogo mekhanizma cheloveka" in *Psikholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki*. Kalinin. gos. un-t. Pp. 28—44. Print. (In Russ.)
7. Zalevskaya, A.A. 1980. "Psikholingvisticheskoe issledovanie printsipov organizatsii leksikona cheloveka" Doct. Thesis. Leningrad. 48 p. Print. (In Russ.)
8. Tarasov, E.F. 1993. "O formakh sushchestvovaniya soznaniya" in *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow. Pp. 86—98. Print. (In Russ.)
9. Tarasov, E.F. 2012. "Problema analiza sodержaniya obshchechelovecheskikh tsennostei". *Voprosy psikholingvistiki*. 1 (15): 8—18. Print. (In Russ.)
10. Sorokin, Yu.A., and Markovina I.Yu. 1993. "Sotsiomental'nye kartiny mira: opyt modelirovaniya kollizii soznaniya" in *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow: Izd-vo IYa RAN. Pp. 118—134. Print. (In Russ.)
11. Ufimtseva, N.V. 2000. "Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan" in *Yazykovoe soznanie i obraz mira*. Moscow: IYa RAN. Pp. 207—219.
12. Ufimtseva, N.V., G.A. Cherkasov, Yu.N. Karaulov, and E.F. Tarasov. 2004. *Slavyanskii assotsiativnyi slovar' (russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrainskii)*. Moscow: IYa RAN. 792 p. Print. (In Russ.)
13. Ufimtseva, N.V. 1996. "Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya" in *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya*. Moscow: IYa RAN. Pp. 139—162. Print. (In Russ.)
14. *Russkii assotsiativnyi slovar' (RAS)* / pod red. Yu.N. Karaulova, Yu.A. Sorokina, E.F. Tarasova, N.V. Ufimtsevoi, L.A. Cherkasovoi. Moscow 1994—1998. Print. (In Russ.)
15. Dmitryuk, N.V. 1978. *Kazakhsko-russkii assotsiativnyi slovar'*. Shymkent. 240 p.
16. Dmitryuk, N.V. et al. 2014. *Kazakhska assotsiativnyak sozdik / Kazakhskii assotsiativnyi slovar'*. Almaty-Moskva: Media-LogoS. 330 p.
17. Karaulov, Yu.N. 2000. "Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti" in *Yazykovoe soznanie i obraz mira*. Moscow: IYa RAN. Pp. 191—206. Print. (In Russ.)
18. Cherkasova, G.A. 2005. "Kvantitativnye issledovaniya assotsiativnykh slovarei" in *Obshchenie. Yazykovoe soznanie. Mezkul'turnaya kommunikatsiya*. IYa RAN. M.; Kaluga: KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo. Pp. 227—244. Print. (In Russ.)

19. Dmitryuk, N.V., G.I. Cherkasova, and Artykbaeva F.I. “Etnomental’nyi fenomen yadra yazykovogo soznaniya: assotsiativnye issledovaniya v Kazakhstane”. *Voprosy psikholingvistiki*. 2 (28): 132–150. Print. (In Russ.)
20. Dmitryuk, N.V. 1998. *Kazakhsko-russkii assotsiativnyi slovar’*. Izd. 2-oe, dop. Shymkent; Moscow. 246 p. Print. (In Russ.)
21. Dmitryuk N.V., Dmitryuk S.V. 2017. “Assotsiativnye sopostavitel’nye issledovaniya: mental’no markirovannye kontsepty kul’tury v sisteme tsennostnykh predpochtenii”. *Russkii yazyk za rubezhom*. 3: 63–71. Print. (In Russ.)
22. Sinyachkin, V.P. 2010. *Psikholingvisticheskii i lingvokul’turologicheskii analiz obshchechelovecheskikh tsennostei v russkom yazykovom soznanii*. Moscow: Izd-vo RUDN. 340 p. Print. (In Russ.)
23. Bakhtikireeva, U.M., Sinyachkin V.P. 2015. “Ot stimula k reaktcii. Retseziya na pervyi kazakhskii assotsiativnyi slovar’”: Dmitryuk N.V., Moldaliev D.A., Narozhnaya V.D., Moldanova Zh.I., Mezentseva E.S., Sandybaeva N.A., Abramova G.I. Kazakhsha assotsiatsiialyk sozdik. Almaty-Moskva: Media-LogoS, 2014. 330 s.”. *Voprosy psikholingvistiki*. 1 (23): 254–258. Print. (In Russ.)
24. Dmitryuk, N.V. 2013. “Assotsiativnye metodiki i slovarei assotsiativnykh norm kak instrument issledovaniya fenomena mezhkul’turnoi kommunikatsii” in *MMNTK “Dialog kul’tur i ego rol’ v formirovanii mezhnatsionalnoi tolerantnosti v sovremennom kazakhstanskom obshchestve”*. Shymkent. Pp. 50–57. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 28.10.2019

Accepted: 12.12.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Dmitryuk, N.V., and R.A. Arynbaeva. 2020. “The Core of the Language Consciousness of an Ethnic Group in Diachronic Aspect: Kazakh Associative Dictionaries”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 8–19. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-8-19

Bio Notes:

Natalya V. Dmitryuk is a Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University. E-mail: nvdmitr@yandex.ru

Rimma A. Arynbaeva is a doctoral candidate at the Department of Russian Language and Literature of the South Kazakhstan State Pedagogical University. E-mail: rimma10.69@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-20-30

Научная статья

Роль экспериментальных исследований в национально-ориентированной лексикографии (на материале русско-монгольских сопоставлений)

А.С. Мамонтов¹, Э. Цэдэндоржийн², В.В. Богуславская¹

¹ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

² Институт когнитивной лингвистики
Монголия, 13010, Улан-Батор, Сухэбаторский р-он, 5-й микрорайон, ул. Сэула, д. 17

Целью работы является исследование значимости использования экспериментальных процедур, в частности так называемого психосемантического подхода в процессе создания национально-ориентированных лингвострановедческих учебных словарей, в том числе словаря ценностей для инофонов, изучающих новый для них язык как средство межкультурной коммуникации. В конкретном случае речь идет о монгольских гражданах, овладевающих русским языком и, соответственно, русской культурой. В основе исследования лежат принципы сопоставительного описания содержания русских и монгольских культурных ценностей, выявленных экспериментальным путем. При сопоставительном описании содержания ценностей целесообразно исходить из того, что содержание любой языковой единицы складывается из контекстуальных значений этой языковой единицы. Каждая языковая единица функционирует в нескольких контекстах, и поэтому при описании контекстов употребления любой языковой единицы целесообразно рассматривать максимальное количество типов контекстов. При этом можно говорить о существовании так называемых монгольских и русских ценностей. Последнее играет существенную роль в национально-ориентированной лексикографии.

Ключевые слова: национальный, ориентированный, лексикография, психосемантический, эксперимент, оценка, общечеловеческие ценности, русский, монгольский, обучение, язык

1. Введение

Сопоставительные исследования на материале современных лексикографических произведений, вне всякого сомнения, инициированы известными процессами развития всего мирового сообщества, которое в эпоху глобализации, помимо стремления входящих в него социумов уберечь свои язык и культуру от нежелательных влияний извне, в то же время не может дистанцироваться от идеи диалога языков и культур, диктующей необходимость их изучения [1. С. 131—137;

© Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

2. С. 62—72; 3. С. 102—117; 4. С. 295—303]. Это, в свою очередь, требует скрупулезного, объективного анализа существующих словарей с точки зрения их лингвокогнитивной компетенции [5; 6. С. 18—23]. Его способны обеспечить в современных условиях методы, учитывающие неразрывную связь между мышлением, языком, культурой и коммуникацией [7; 8; 9. С. 85—95]. Одновременно встает вопрос об осмыслении носящих принципиальный характер проблем, непосредственно связанных с сопоставительно-лингвокультурологическим направлением научного поиска, прошедшего процесс становления и находящегося в стадии развития [10; 11. С. 102—109]. Таким образом, не вызывает сомнения ни уместность, ни закономерность поиска соответствующего инструментария, направленного на достижение намеченных целей и решение поставленных задач, а именно создание национально-ориентированного словаря ценностей россиян для монгольских граждан, изучающих русский язык как средство межкультурной коммуникации. Соответствующий инструментарий может быть найден, если обратиться к методологии такой научной дисциплины, как этнопсихолингвистика [12; 13], в частности к психосемантическому подходу [14].

2. Обсуждение

Теоретическое обоснование эксперимента

Психосемантический подход [15; 16] вызвал к жизни ряд исследовательских приемов, в частности изучение специфики восприятия разного рода объектов [17. С. 729—748; 18; 19. С. 57—68]. В психологии данный подход выступает в качестве давно признанного и основательно разработанного инструментария в исследовании как группового, так и индивидуального сознания. Данный подход восходит к середине 50-х годов прошлого века и, будучи связанным с именем и трудами американского исследователя Ч. Осгуда, делает возможным определение категоризации сознания с точки зрения его структуры, при этом имеется в виду та или иная целевая группа в соответствующей культуре [20—23]. В свою очередь, данную структуру психосемантический подход предлагает рассматривать в виде системы ценностных координат [24], где исследуемый объект обладает определенным значением среди ему подобных как реальных, так и идеальных объектов. Предлагаемая исследовательская парадигма сделала возможным получение значительного содержательного материала, эксплицирующего категориальные особенности оценок соответствующих объектов при их восприятии [25]. Семантическое дифференцирование, основанное на шкалах оценок тех или иных понятийных групп (частных семантических пространств), показало возможность трансформации семантического пространства, а также появление специфических именно для данных классов понятий, новых факторов [26]. Как известно, оно воплощается в методе семантического дифференциала (СД). Следует отметить, что частные СД, отличаясь числом независимых, некоррелирующих факторов, несовпадением в содержании последних, одновременно сохраняют некоторую связь или преемственность с СД универсальными [27]. Определенные факторы частных семантических пространств представляют собой не что иное, как кон-

кретизацию факторов основообразующих — в пределах конкретного, ограниченного рамками семантического класса — и сохраняют общие связи, являющиеся корреляционными [28]. Имплементация идеи анализируемого метода предполагает неизменное наличие конкретных исследовательских процедур, связанных в первую очередь с выделением этапов.

Первый этап характеризуется разработкой системы шкал, в языковом плане представляющих собой конгломерат прилагательных, описывающих объект.

Второй этап — этап предъявления испытуемым объектов и оценочных шкал. При этом каждый из объектов нуждается в оценке — по всем шкалам без исключения. Исходят из того, что, взглянув на объект, испытуемый имеет возможность соотносить свои ощущения с персонально ему адресованными шкалами.

Третий, заключительный этап — аналитический.

Подчеркнем: в рамках метода семантического дифференциала открывается возможность использования различных способов анализа, при выборе которых исследователю также необходимо руководствоваться стоящими перед ним целями и задачами.

Испытуемым или респондентам следует по предлагаемому набору шкал оценивать перечень ценностей от -3 до 3 . Оценка -3 соответствует максимально оцениваемому качеству в левой стороне шкалы, оценка 3 — максимально оцениваемому качеству — в правой. Методы многомерной статистики — факторный и кластерный анализ, — участвующие в обработке полученных данных, дают возможность реконструировать систему категорий обыденного сознания респондентов. Именно через нее и происходит восприятие объектов, исследуемых нами. При этом сами объекты в семантическом пространстве с учетом их координат предоставляют возможность демонстрации выраженности соответствующих категорий в аспекте восприятия ценностей, предлагаемых в ходе эксперимента.

Эксперимент и его результаты

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотрение восприятия ценностей монгольскими (Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор) и российскими (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, г. Москва) студентами с точки зрения сравнительного анализа подобного восприятия [29]. Предварительно проведенное исследование включало в себя отбор ценностей в результате соответствующей процедуры, собственно психосемантический эксперимент в виде шкалирования по методу (СД) заявленных ценностей, обработку полученных данных, а также их интерпретацию и обсуждение. Итоги работы нашли свое отражение в виде семантических пространств и профилей оценок по шкалам. Отметим: номенклатура ценностей современной российской культуры в количестве 38 и антиценностей — в количестве 30 была взята из книги А.В. Рябова и Е.Ш. Курбангалеевой «Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы» [30].

В эксперименте принимали участие респонденты в количестве 50 человек (по 25 мужчин и женщин) с той и с другой стороны, в возрасте 18—24 года.

Результат процедуры обработки данных, полученных от *респондентов* — русских позволил выделить четыре фактора — категории, которые можно назвать, исходя из входящих в них шкал, следующим образом:

— оценка (темный — светлый, неприятный — приятный, безобразный — красивый, опасный — безопасный);

— упорядоченность (изменчивый — устойчивый, таинственный — обычный, хаотичный — упорядоченный);

— активность (неподвижный — движущийся, медленный — быстрый, пассивный — активный);

— сила (легкий — тяжелый, мягкий — твердый, простой — сложный, маленький — большой).

Ниже приведены значения дисперсии факторов (табл. 1):

Таблица 1/Table 1

Объяснение общих отклонений/Total Variance Explained

Компонент/ Component	Ротационная сумма значений, данных в квадрате/ Rotation Sums of Squared Loadings		
	Всего/ Total	Дисперсия/ Variance, %	Совокупное значение/ Cumulative, %
1	3,540	23,597	23,597
2	2,278	15,190	38,786
3	2,029	13,527	52,314
4	1,619	10,794	63,108

Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию: оценка — 23,6%, упорядоченность — 15,2%, активность — 13,5%, сила — 10,8%.

Были вычислены также значения объектов-ценностей по каждому фактору и построены семантические пространства (рис. 1).

Результат процедуры обработки данных, полученных от *респондентов* — монголов, обеспечил возможность выделения трех факторов — категорий, которые можно назвать исходя из входящих в них шкал, следующим образом:

— оценка (темный — светлый, неприятный — приятный, безобразный — красивый, опасный — безопасный, грубый — нежный, хаотичный — упорядоченный, пассивный — активный);

— сила (легкий — тяжелый, мягкий — твердый, слабый — сильный, маленький — большой, таинственный — обычный, простой — сложный);

— активность (неподвижный — движущийся, медленный — быстрый, изменчивый — устойчивый, простой — сложный, пассивный — активный).

Ниже приведена таблица значений дисперсии факторов (табл. 2):

Таблица 2/Table 2

Объяснение общих отклонений/Total Variance Explained

Компонент/ Component	Ротационная сумма значений, данных в квадрате/ Rotation Sums of Squared Loadings		
	Всего/ Total	Дисперсия/ Variance, %	Совокупное значение/ Cumulative, %
1	5,302	33,140	33,140
2	4,750	29,690	62,830
3	4,376	27,351	90,181

Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию: оценка — 33,1%, сила — 29,7%, активность — 27,4%. Использован метод принципиально компонентного анализа.

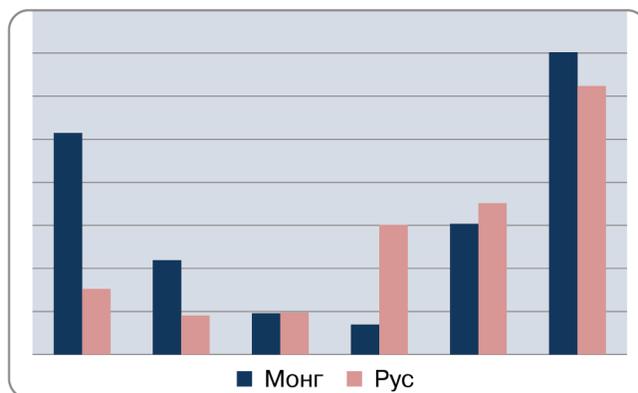

Рис. 1. Частотное распределение оценок русских и монгольских респондентов/
Fig. 1. The Frequency Distribution of Estimates of Russian and Mongolian Respondents

В статье рассматривается только фактор «оценка» — самый первый и самый представительный в процентном отношении. Сравнивая непосредственно данные шкалирования монгольских и русских респондентов, можно заметить: частотность полярных отрицательных оценок монгольских респондентов более высокая, чем русских. Это видно и по строению психосемантических пространств. У русских респондентов семантическое пространство выглядит иначе. Помимо этого, категориальная структура у русских респондентов более сложная — четыре фактора, тогда как у монголов — три (отсутствует категория «упорядоченность»). Последнее, на наш взгляд, допустимо интерпретировать в качестве некой особенности ментальности, свойственной народам, которые ведут или вели в прошлом кочевой образ жизни.

Перейдем к рассмотрению семантических полей респондентов-монголов. Результаты исследования показывают, что в первую очередь «респонденты оценивают позитивно (приятный, светлый, красивый, безопасный, нежный) следующие ценности: *внимание к людям, безопасность, согласие, свобода, семья, уважение к родителям, равенство, развитие, творчество.* Также положительно, но в несколько меньшей степени оцениваются *стабильность, справедливость, покой, родина, независимость, труд, смысл жизни, милосердие, мир, успех, образование, любовь.* В отличие от русских респондентов монгольские положительно оценивают *власть* и *долг*, а также дают более высокую оценку таким ценностям как *труд, безопасность.* Надо отметить, что наиболее высокую оценку у русских респондентов получают *любовь, семья, удовольствия*, а монголов — *внимание к людям, безопасность, согласие, свобода, семья* [31. С. 104]. Ценности и антиценности у монголов достаточно четко разграничены, что не фиксируется у русских. Как отмечалось выше, ценности и антиценности строго разграничены, при этом «наиболее негативно оцениваются агрессия, болезнь, бедность, а также беззаконие, взяточничество, без духовность, безработица, война. Также можно отметить, монголы менее негативно, чем русские оценивают одиночество, что возможно связано с долгим

пробыванием вне крупных обществ во время кочевий. Следует сказать еще, что *достаток* оценивается ниже, чем у русских, а *труд* — выше» [31].

По критерию «оценка» респонденты-русские «наиболее позитивно (светлый, приятный, красивый, безопасный)... относятся к таким ценностям, как *семья, любовь, удовольствие, родина, успех, творчество, комфорт*. Несколько меньше, но достаточно положительную оценку имеют ценности *справедливость, свобода, образование, достаток, развитие, процветание, свобода личности*. Можно сказать, что нейтрально воспринимаются *законность, демократия, безопасность, наука, прогресс, эффективность, патриотизм, равенство*» [31. С. 104].

Подобная нечеткость и «размытость» анализируемых в ходе эксперимента ценностей дают веские основания предполагать их нахождение на своего рода периферии сознания респондентов, а также определенную степень дискредитации этих ценностей в сознании россиян, ибо существует мнение, что законность не соблюдается или же, наоборот, является формальной, не учитывающей обстоятельств, а демократия зачастую грешит произволом и безответственностью, наука используется для создания нового оружия, тогда как прогресс связывается в сознании с экологическими проблемами и напряженным ритмом жизни. На противоположном полюсе (темный, безобразный, неприятный, опасный), находят место *бедность, беззаконие, одиночество, неудача*. Данные объекты рассмотрения справедливо назвать «антиценностями», учитывая их противопоставление, к примеру, *богатству, успеху*. Обращает на себя внимание тот факт, что отмеченные антиценности вызывают гораздо более четкую негативную оценку, нежели ценности, противопоставленные им. В меньшей степени, хотя также негативно воспринимается *власть, конформизм, долг*. Полагаем, это следует объяснить тем, что «*власть* (в общем смысле способность и возможность осуществлять свою волю) в России очень часто противопоставляется обществу, народу, воспринимается как жесткая сила принуждения. *Долг* (по своему общечеловеческому содержанию понятие *долг* включает в себя выполнение ряда исторически выработанных правил человеческого общежития и связано с конкретными проблемами времени и данного общества) также в сознании бывает тесно связан с властью: долг перед государством, гражданский долг и т.д. *Конформизм* часто ассоциируется с приспособленчеством, пассивным принятием существующего порядка вещей, господствующих мнений, беспринципному и некритическому следованию любому образцу, обладающему наибольшей силой давления, и имеет негативную коннотацию. Рассматривая объекты по фактору «оценка», мы видим противопоставление двух групп ценностей *любовь, семья, творчество, удовольствие, успех, комфорт* и *беззаконие, бедность, неудача, одиночество*» [31. С. 107]. Две эти группы формируют два полюса в категории «оценка», что находит свое место в профиле значений ценностей по категории «оценка» в соответствующем семантическом пространстве. Таким образом, нельзя не видеть, что «семья, успех, родина наиболее позитивны в оценке респондентов и ассоциируются с любовью, удовольствием, творчеством и образуют позитивный полюс категории «оценка». На полюсе негативного восприятия — *беззаконие, бедность, неудача, одиночество*» [31. С. 107].

Исследование, как отмечалось выше, основывалось на принципах контрастного анализа специфики русских и монгольских ценностей, выявленных экспериментально. При этом сопоставительное описание в плане содержания ценностей ставит во главу угла понимание того, что содержание любой единицы языка — это все ее контекстуальные значения. Соответственно, при описании типов контекстов ее употребления необходимо учитывать их максимальное количество.

3. Выводы

Проведенное экспериментальное исследование позволило прийти к следующим выводам, имеющим практическую значимость для создания национально-ориентированных учебных словарей.

Анализ русской и монгольской выборки по фактору «оценка» с использованием соответствующего метода исследования в рамках этнопсихолингвистической методологии дал возможность эксплицировать специфику русского и монгольского общественного сознания применительно к интересующим нас ценностям как к будущим вербализованным конститuentам соответствующего учебного лингвострановедческого словаря.

Полученные в ходе исследования данные показали несовпадение в отношении монголов и русских к некоторым ценностям, что позволяет говорить о существовании «монгольских и русских ценностей» — факт более чем релевантный для лингвострановедческой учебной лексикографии.

Имевшие место нечеткость и противоречивость в восприятии некоторых ценностей допустимо объяснить определенной трансформацией общественного сознания в Монголии и России на современном этапе — следствия относительно недавних социально-экономических перемен, что, соответственно, должно быть учтено в процессе работы по созданию национально-ориентированного словаря.

Необходимо учитывать известную стабильность мифологического сознания, эволюция которого происходит гораздо медленнее, нежели социально-экономические и политические изменения.

В лингводидактическом плане, по нашему мнению, подобный «учет» открывает возможности более адекватного влияния в известных случаях в процессе изучения иностранного языка как средства межкультурной коммуникации на формирование новых ценностных ориентиров посредством изменения языкового сознания потенциального билингва.

Список литературы

1. *Морковкин В.В.* Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. научных статей. М.: Наука, 1988.
2. *Морковкин В.В., Курочкина И.М.* О страноведческом потенциале лексического ядра современного русского языка // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982.
3. *Морковкин В.В.* О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык, 1986.

4. *Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э.* Социокультурный аспект двуязычной лексикографии (на материале русско-монгольских сопоставлений) // Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Международная научная конференция; 13–17 мая, 2016 г., Афины, Греция: Материалы конференции. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 295–303.
5. *Bellert I., Zawadowski W.* Preliminary Attempt at Outlining a System of Linguistic Signs in Terms of the Theory of Categories // *Sign, Language, Culture*. Mouton, 1970.
6. *Воркачёв С.Г.* Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация // *Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной конференции*. Ч. 1. Волгоград, 2006. С. 18–23.
7. *Петренко В.Ф., Нистратов А.А.* Психосемантические исследования мотивации // *Вопросы психологии*. 1983. № 3. С. 29–39.
8. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
9. *Нистратов А.А.* Анализ значений пословиц в контексте ситуаций их употребления // *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 1. С. 85–95.
10. *Мамонтов А.С.* Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010.
11. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М.: Наука, 1986.
12. *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М.: Наука, 1977.
13. *Тарасов Е.Ф.* Встречи этнических культур в лингвокультурном аспекте. М.: Наука, 2002.
14. *Miller G.A.* A Psychological Method to Investigate Verbal Concepts // *Journal of Mathematical Psychology*. 1969. V. 6.
15. *Бажин Е.Ф., Эткинд А.М.* Личностный дифференциал: методические рекомендации. Л., 1983.
16. *Баранова Т.С.* Психосемантические методы в социологии // *Социология: методология, методы, математические модели*. 1993–1994. № 3-4. С. 55–64.
17. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // *Вестник РУДН*. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729–748.
18. *Вежбицкая А.* Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
19. *Ларина Т.В., Озюменко В.И.* Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // *Cuadernos de rusística oguslav (Granada)*. 2016. № 12. С. 57–68.
20. *Osgood Ch.* Studies on Generality of affective meaning system. *Amer. Psychol.*, 1962. Vol. 17.
21. *Osgood Ch.* Semantic Differential Technique in the comparative Study of cultures // *American Anthropology*. 1964. V. 66.
22. *Osgood Ch.* Dimensionality of the semantic space for communication Via facial expressions // *Scand. J. of psychology*. 1966. V. 7. № 1.
23. *Osgood Ch., Miron M.S., May W.H.* Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana, 1975.
24. *Weinreich U.* On the semantic structure of language // *Universals of language*. Cambridge, 1966.
25. *Collins A.M., Quillian M.R.* Retrieval Time from Semantic Memory // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*. 1969. V. 8.
26. *Petrenko V., Mitina O.* A Psychosemantic Analysis of the Dynamics of Russian Life Quality (1917–1998) // *European Psychologist*. 2001. Vol. 6. № 1.
27. *Ullmann S.* Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford, 1964.
28. *Triandis H.* C Exploratory factor analysis of the behavioral components of social attitude // *Journal of Abnormal Social Psychology*. Wash., 1964. V. 68. № 3.
29. *Синячкин В.П.* Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: дисс. д-ра филол. наук. М., 2011.
30. *Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш.* Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
31. *Цэдэндоржийн Э.* Язык и культура: основы национально-ориентированной лексикографии (с позиции носителя монгольского языка): монография. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.09.2019

Дата принятия к печати: 24.12.2019

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В. Роль экспериментальных исследований в национально-ориентированной лексикографии (на материале русско-монгольских сопоставлений) // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 1. С. 20—30. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-20-30

Сведения об авторах:

Мамонтов Александр Степанович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Цэдэндоржийн Энхтуя — доктор филологических наук, директор Исследовательского центра когнитивной лингвистики и психологии. E-mail: Tu yana116@gmail.com

Богуславская Вера Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: boguslavskaya@gmail.com

Research Article

Part of Experimental Researches in Nationally Addressed Lexicography (on the Material of Russian-Mongolian Comparisons)

A.S. Mamontov¹, E. Tzedendorjiin², V.V. Boguslavskaya¹

Pushkin State Russian Language Institute

6, Ac. Volgin Str., Moscow, 117485, Russian Federation

Institute of Cognitive Linguistics

17, Seoul Str., 5th microdistrict, SukheBatorsky district, Ulaan Baator, 13010, Mongolia

The purpose of this work is to research significance of experimental procedures usage, in particular so called “psychosemantic” approach in process of nationally addressed educational dictionaries for foreign students, studying language as cross-cultural communication means creation, including a dictionary of values for foreigners. In concrete case we are speaking about the Mongolian students, studying Russian and, accordingly, Russian culture. The investigation is based on principles of comparative Russian-Mongolian cultural values description, received by experimental way. Necessary

to underline that in comparative description of the values content it is expediently to proceed from, that content of any linguistic unit is formed by contextual meaning of this unit. Every unit functions in some contexts, therefore in description of any lingual unit usage it is expediently to take into consideration maximum number of context types. In our opinion, it is possible to speak about existence of so-called “Mongolian’s and Russian’s values”. The last plays a considerable role in nationally addressed lexicography (NAL).

Key words: national, addressed, lexicography, psychosemantic, experiment, evaluation, human values, Russian, Mongolian, teaching, language

References

1. Morkovkin, V.V. 1988. “Antropotsentricheskii versus lingvotsentricheskii podkhod k leksikografirovaniyu” in *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare: Sbornik nauchnykh statei*. Moscow: Nauka. Pp. 131–137. Print. (In Russ.)
2. Morkovkin, V.V., and Kurochkina I.M. 1982. “O stranovedcheskom potentsiale leksicheskogo yadra sovremennogo russkogo yazyka” in *Slovari i lingvostranovedenie*. Moscow: Russkii yazyk. Pp. 62–72. Print. (In Russ.)
3. Morkovkin, V.V. 1986. “O bazovom leksikograficheskom znanii” in *Uchebniki i slovari v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*. Moscow: Russkii yazyk. Pp. 102–117. Print. (In Russ.)
4. Mamontov, A.S., and Tzedendorjiin E. 2016. “Sotziokulturnyj aspekt dvuyazichnoj leksikografii (na materiale russko-mongolskih sopostavleny)” in *Russky jazyk i kultura v zerkale perevoda: VI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferencia*. 13–17 maya 2016 g., Afini, Gretzija: Materiali konferetzyji . Moscow: MAKS Press. Pp. 295–303. Print. (In Russ.)
5. Bellert, I., Zawadowski, W. 1970. Preliminary Attempt at Outlining a System of Linguistic Signs in Terms of the Theory of Categories in *Sign, Language, Culture*. Mouton.
6. Vorkachjov, S.G. 2006. “Lingvokonceptologija i mezhkul'turnaja kommunikacija” in *Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija: materialy Mezhdunarodnoj konferencii*. Part 1. Volgograd. Pp. 18–23. Print. (In Russ.)
7. Petrenko, V.F., and Nistratov A.A. 1983. “Psichosemanticheskyje issledovanija motivatzyji”. *Voprosy psihologii*. 3: 29–39. Print. (In Russ.)
8. Petrenko, V.F. 2005. *Osnovy psikhosemantiki*. SPb.: Piter. 480 p. Print. (In Russ.)
9. Nistratov, A.A. 2017. “Analiz znachenyj poslovitz v kontekste situatzyj ih upotreblenyja”. *Voprosy psiholingvistiki*. 1: 85–96. Print. (In Russ.)
10. Mamontov, A.S. 2010. *Linguakulturnye osnovi obucheniya jaziku kak sredstvu mezkulturnoj komunikatzii: uchebnoje posobyje*. Moscow: Flinta; Nauka. 160 p. Print. (In Russ.)
11. Teliya, V.N. 1986. *Konnotativnyi aspekt semantiki yazykovykh edinits*. Moscow: Nauka. Pp. 102–109. Print. (In Russ.)
12. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya*. Moscow: Nauka, 1977. 352 p. Print. (In Russ.)
13. Tarasov, E.F. 2002. *Vstrechi etnicheskikh kul'tur lingvokul'turnom aspekte*. M.: Nauka, 478 p. Print. (In Russ.)
14. Miller, G.A. 1969. A “Psychological Method to Investigate Verbal Concepts”. *Journal of Mathematical Psychology*. 6.
15. Bazhin, E.F., and Etkind A.M. 1983. *Lichnostnyi differentsial: metodicheskie rekomendatsii*. Leningrad. Print. (In Russ.)
16. Baranova, T.S. 1994. “Psikhosemanticheskie metody v sotsiologii”. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli*. 3-4: 55–64. Print. (In Russ.)
17. Bogdanova, L.I. 2017. “Ocenki i cennosti v zerkale slovarej russkogo jazyka”. *Vestnik RUDN. Serija Lingvistika*. 21 (4): 729–748. Print. (In Russ.)
18. Vezhbickaja, A. 2001. *Ponimanie kul'tury cherez posredstvo kljuchevykh slov*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. P. 288. Print. (In Russ.)

19. Larina, T.V., and Ozjumenko V.I. 2016. “Jetnicheskaja identichnost’ i ee projavlenie v jazyke i kommunikacii”. *Cuadernos de rusística española (Granada)*. 12: 57—68.
20. Osgood, Ch. 1962. Studies on Generality of affective meaning system. *Amer. Psychol.* 17: 10—28.
21. Osgood, Ch. 1964. Semantic Differential Technique in the Comparative Study of Cultures”. *American Anthropology*. 66.
22. Osgood, Ch. “Dimensionality of the semantic space for communication Via facial expressions”. *Scand. J. of Psychology*. 7 (1).
23. Osgood, Ch., Miron M.S., May W.H. 1975. *Cross-cultural universals of affective meaning*. Urbana.
24. Weinreich, U. 1966. “On the semantic structure of language” in *Universals of language*. Cambridge.
25. Collins A.M., Quillian M.R. 1969. “Retrieval Time from Semantic Memory”. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour*. 8.
26. Petrenko, V., and Mitina O. 2001. “A Psychosemantic Analysis of the Dynamics of Russian Life Quality (1917—1998)”. *European Psychologist*. 6 (1).
27. Ullmann, S. 1964. *Semantics: An introduction to the science of meaning*. Oxford.
28. Triandis, H.C. 1964. “Exploratory factor analysis of the behavioral components of social attitude”. *Journal of Abnormal Social Psychology*. 68 (3).
29. Sinjachkin, V.P. 2011. *Obshhechelovecheskie cennosti v russkoj kul’ture: lingvokul’turologicheskij analiz*: diss. d-ra filol. nauk. Moscow. 323 p. Print. (In Russ.)
30. Ryabov, A.V., and Kurbangalejeva E.Sh. 2003. *Bazovije tzennosti rossijan: Sotzialnije ustanovki. Zhiznennije strategii. Simvoli. Mifi*. M.: Dom Intellektual’noi Knigi. 449 p. Print. (In Russ.)
31. Tzedendorjiin, E. 2015. *Jazik i cultura: osnovi natzionalno-orientirovannoi leksikografii (s pozitivii nositelyja mongolskogo jazyka): monografija*. Moscow: Gos. Iryja im. A.S. Pushkina. 200 p. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 18.09.2019

Accepted: 24.12.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Mamontov, A.S., E. Tzedendorjiin, V.V. Boguslavskaya. 2020. “Part of Experimental Researches in Nationally Addressed Lexicography (on the Material of Russian-Mongolian Comparisons)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 20—30. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-20-30

Bio Notes:

Alexander S. Mamontov is a Doctor of Philology, Professor, Professor of State Institute of the Russian Language n.a. A.S. Pushkin. E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Enhtuya Tzedendorjiin is a Doctor of Philology, Director of Research Center of Cognitive Linguistics and Psychology. E-mail: tuyana116@gmail.com

Vera V. Boguslavskaya is a Doctor of Philology, Professor, Professor of State Institute of the Russian Language n.a. A.S. Pushkin. E-mail: boguslavskaya@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Научная статья

Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур»

Э.В. Хилханова¹, Д.Л. Хилханов²¹ Институт языкознания РАННаучно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Российская Федерация, 125009, Москва. Б. Кисловский пер., 1/1, корп. 28² Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670031, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

В данной статье изложены некоторые результаты проекта, цель которого заключалась в изучении процессов определения и (ре)конструкции этнической идентичности и ее связи с языком и культурой у азиатских мигрантов из бывшего СССР. Результаты анализируются с точки зрения разницы культур и ценностей как самой важной части культуры. Тем самым еще раз проверяется универсальность теорий о «столкновении цивилизаций» и «столкновении культур» С. Хантингтона и Р. Льюиса. Авторы статьи приходят к выводу, что, во-первых, культурная идентичность, в отличие от этнической, подвержена трансформации и в то же время устойчива. Во-вторых, разница культур («восточной» и «западной») имеется и ощущается на уровне культурных ценностей и норм, но при этом она не носит конфликтный, антагонистичный характер. Объясняются причины этого в свете вышеупомянутых теорий.

Ключевые слова: мигранты, культура, ценности, Европа, Центральная Азия, этнокультурная идентичность

1. Введение

В данной статье изложены некоторые результаты междисциплинарного проекта на стыке этносоциолонгвистики и культурной антропологии, цель которого заключалась в изучении процессов определения и (ре)конструкции этнической идентичности и ее связи с языком и культурой у иммигрантов нерусского происхождения из бывшего СССР, которые иммигрировали в страны Западной Европы во время и после перестройки.

Сама постановка проблемы идентичности в таком ракурсе обусловлена сложностью (само)идентификации людей, выросших и сформировавшихся в бывшем Советском Союзе с его идеологией пролетарского интернационализма и русским

© Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

языком как языком межнационального общения и оказавшихся впоследствии за границей. Проблематичный характер связи языка и этнической идентичности у этой группы отражается в самом термине «русский», используемом как в повседневной речи, так и в научной литературе в отношении всех иммигрантов из этого региона, хотя они представляют собой гетерогенную и многоязычную группу людей, и связь между языком и этнокультурной идентичностью у них отнюдь не однозначна.

Эмиграция из бывшего Советского Союза в страны дальнего зарубежья от начала перестройки и по настоящий момент носит беспрецедентный по своим масштабам характер. Мы не будем вдаваться в сложности миграционного учета; все ученые сходятся в том, что статистика здесь несовершенна, отличается от страны к стране, не совсем понятно, кого считать мигрантами при наличии постоянной, временной, циркулярной, транзитной миграции и т.д. Если говорить о миграции из РФ, то, согласно переписи населения 2002 г., общее количество эмигрантов, выехавших из России с 1989 г., — около 5 млн человек. Если мы добавим к этому количество мигрантов из бывших союзных республик, то количество русскоговорящих мигрантов, естественно, гораздо больше.

В проведенном нами исследовании мигрантами считались те, кто находился в странах Западной Европы не менее трех лет. Это достаточное количество времени, чтобы делать какие-то выводы о том, что происходит с идентичностью, культурой, языком страны происхождения мигрантов.

Основным инструментом сбора данных в проекте было социолингвистическое интервью, проводимое по стандартизированной анкете. Было опрошено 26 информантов в четырех европейских странах — Германии, Франции, Великобритании и Швейцарии. Информанты представляли две страны — Россию и Казахстан, три этноса — бурят, казахов, и якутов. Исследовались только мигранты первого поколения: это, как известно, существенный фактор, потому что язык (и зачастую и культура) страны происхождения мигрантов, как правило, в третьем поколении теряется и происходит почти полная ассимиляция. Количество опрошенных, хоть оно не очень велико, считается достаточным для исследования с применением качественных методов.

2. Обсуждение

Идентификационные стратегии мигрантов из бывшего СССР в странах Западной Европы

Мы рассматриваем результаты исследования с точки зрения разницы культур — культуры мигрантов и культуры принимающих западных стран. Подход к интерпретации данных будет принципиально индуктивный — только так можно получить сведения о том, существует ли на самом деле «столкновение цивилизаций» и «столкновение культур» — тезисы, изложенные в известных, но и оспариваемых книгах Сэмюэла Хантингтона [1] и Ричарда Льюиса [2]. Более того, новые эмпирические данные дадут нам сведения о том, как, по каким линиям, в каких областях происходит или не происходит это столкновение. Полученные сведения могут внести вклад в культурологию, межкультурную коммуникацию,

теорию миграционных исследований, культурную антропологию и этносоциологию, обогатить сами теоретические концепты в этой области, например, понятие идентичности и ее традиционно выделяемые компоненты, одним из которых является этнокультурная идентичность.

Если взять известную аналогию культуры с айсбергом, где на поверхности находятся видимые компоненты культуры (еда, одежда и другие артефакты), а невидимая, «подводная» часть представлена ценностями и нормами, то исследуемые этнические группы различаются видимыми компонентами культуры, но сходны в том, что находится в «подводной» части айсберга. Во-первых, это сходство определяется тем, что мигранты нерусского происхождения из постсоветских стран объединены своим советским прошлым, ведь за 70 лет в бывшем СССР сформировалась многонациональная общность людей, связанных общей историей, культурой и (русским) языком, советскими ценностями интернационализма, коллективизма и т.д. Во-вторых, как представители огромного центрально- и восточноазиатского региона, эти мигранты являются носителями, условно говоря, восточной культуры. Опрошенные информанты представляли два этноса: монгольский (буряты) и тюркский (казахи и якуты). Несмотря на этнические, религиозные, лингвистические и другие различия, их объединяет принадлежность к азиатской расе, кочевое прошлое и общие ценности, характерные для кочевых культур: динамизм, корпоративность, гостеприимство, культ предков [3. С. 125].

Анализ полученных результатов показал, что «гибридное» понятие этнокультурной идентичности не «работает» для объяснения того, что происходит с идентичностью людей в ситуации миграции в страну с другой культурой. Оно обладает экспланаторной ценностью только будучи разъятым на два исходных компонента: этническую и культурную идентичность. Поясним: согласно результатам нашего исследования, жизнь за рубежом, независимо от продолжительности пребывания, ничего не меняет в этнической самоидентификации. Несмотря на доминирование конструктивистского подхода к этничности в научном дискурсе, «обычные» люди интерпретируют ее в примордиалистском русле, т.е. все опрошенные определяли свою этничность по факту рождения:

...я чувствую себя казашкой, потому что я родилась в казахской семье.

Я всегда чувствовала себя буряткой, потому что мои родители буряты, я выросла в бурятской деревне, и я говорю по-бурятски.

Более глубокий анализ этнической самоидентификации позволяет выявить специфические стратегии этнической самоидентификации, но это уже выходит за рамки данной статьи [4].

Культурная же идентичность, в отличие от этнической, подвержена трансформации и в то же время устойчива.

Устойчивости способствует, во-первых, то, что она, безусловно, шире, чем этническая или лингвистическая идентичность, поскольку включает в себя культуру не только своего этноса, но и страны, региона, социальной группы и т.д. и позволяет охватить все аспекты человеческой жизни, включая как духовную (ценности, традиции, ритуалы), так и материальную культуру (одежда, украшения, еда и т.д.). Во-вторых, культурная идентичность может существовать как в вербальном, так и невербальном измерении. Последнее очень облегчает возможность

культурных практик для тех мигрантов, кто не знает языка своего этноса. Тогда диакритиками становятся артефакты материальной культуры (одежда, украшения, еда и т.д.), религия, народные и религиозные праздники, духовные ценности (уважение к старшим и т.д.), соблюдение ритуалов и традиций. Вот как говорит об этом один из мигрантов:

Якутские украшения носить, не забывать носить. Х — довольно-таки маленький город, и здесь довольно-таки броские они, поэтому.. здесь не очень часто надеваю я их. Как вылазки в большие города, я всегда с собой беру якутские украшения, по крайней мере, хотя бы сережки. Потом по дому, если переезжаешь, например, на новое место — покормить плиту... ну, то, что огонь — символ жилища. (Вера, 40 лет)

Трансформация культурной идентичности выражается в частичном усвоении ценностей принимающего общества: например, немецкой пунктуальности, добросовестного отношения к работе.

Что если работаешь, то нужно довести работу до конца... порядок ... А-а, или сестры говорят: вот у вас дети — индивидуалисты. У вас дети стали как немцы. Но если они с 4-летнего возраста здесь живут, конечно, они другие... Но рациональность, наверное, у них, у детей. (Саяна, 53 года)

Почти все информанты, живущие в Германии, отмечают, что в немецкой культуре им нравится точность, структура, порядок, воспитанность, пунктуальность, дисциплинированность (слова взяты из интервью так, как они сформулированы информантами).

Прежде всего вот эта вся точность. Начиная со всех мелочей — с автобуса, люди все точные: если они сказали — они сделали, в отличие... (Валя, 32 года)

Они все знают свои права, да? То есть... (Нина, 25 лет)

Дальнейшие (по мнению информантов) отличия немецкой (и в целом западноевропейской) культуры от бурятской (и в целом центральноазиатской) хорошо продемонстрированы в следующем отрывке из интервью:

Нина: В бурятской культуре мне нравится отношение к семейным ценностям, может быть...

Валя: Да. Отношение к семье, взаимоотношения в семье. Вот взаимоуважение, как мы друг друга поддерживаем, понимаем. Я, допустим, горжусь, что я вот выросла именно в таких условиях... у своих вот бабушки с дедушкой... они все равно... и родители... вложили какие-то качества, которые... Здесь же совершенно по-другому воспитывают детей, да? Ну, воспитанием, наверное, вот этой... горжусь тем, что именно там я выросла, в тех условиях, у этих людей.

Нина: Да, в бурятской культуре мне нравятся взаимоотношения в семье. Вот эти праздники, да? Бурятские, когда все собираются. Все равно сравниваешь и замечаешь, что у них здесь такого нет. То есть у немцев такого нет отношения. Отстраненность, у каждого своя личная жизнь...

Валя: А у нас вот, допустим, мы выросли в маленьком доме, и как-то очень тесно друг к другу, поэтому мы вот с сестрой такие уже взрослые люди так вот близко и тесно общаемся до сих пор. У немцев такого нет. У них большие дома, отдельные комнаты...

Нина: Это моя приватная сфера, это твоя приватная сфера.

Валя: И потом они тоже также себя ведут, какая-то конкуренция у взрослых людей, у сестер-братьев. Некоторые ... очень многие, которых я встречала, не общаются больше с родителями, потому что мама такая, отец такой, и как-то так все. Я этого не понимаю и чувствую: как хорошо, что я так вот выросла.

Нина: Русского человека отличает от немца теплое отношение.

Валя: Что мы чувствительны очень, эмоциональны, мы как бы не сдерживаем себя в таких вещах, когда мы хотим показать радость. Если мы злимся, то мы показываем злость. Ну вот это, наверное. А не вот так вот всё в себе держать, лишь бы рамки приличия.

3. Заключение

Таким образом, мы видим, что именно «подводный», самый важный уровень айсберга — уровень культурных ценностей и норм — это то место, где ощущается разница культур. По данным и нашего, и других исследований в области миграции, мигранты из бывшего СССР (как этнические русские, так и представители других этносов), с одной стороны, хорошо адаптируются в западных странах, с другой стороны, разница менталитетов ощущается на протяжении всей их жизни. Однако эта разница не носит конфликтный, антагонистичный характер, и постепенно эти группы в той или иной степени интегрируются или ассимилируются в принимающее сообщество в отличие, например, от турок в Германии или выходцев из Северной Африки во Франции. Б.С. Нанзатов, также изучавший калмыцкие и бурятские диаспоры в странах Евросоюза, тоже отмечал, что «особенностью стратегии интеграции бурят и калмыков в стране пребывания является не закукливание в границах своей этнической группы, а открытость, движение вовне» [5. С. 95]. Он писал, что для этой группы мигрантов важно «понимать и разбираться в ценностях, общепринятых представлениях и правилах поведения, свойственных культуре принимающего общества. В этой связи жизнь местного сообщества, социальные связи и отношения, функционирующие внутри общества, общепринятые правила и привычки изучаются и усваиваются мигрантами. Усвоение этих правил, познание менталитета принимающего общества помогают нашим соотечественникам впоследствии безболезненно стать его гармоничной частью» [5. С. 94]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что понятие «столкновение культур/цивилизаций» не совсем подходит для описания этого кейса (случая/примера) — «монгольской» и «тюркской» миграции из стран бывшего Советского Союза в западные страны.

Возможно, это потому, что теория С. Хантингтона не строилась на миграционных примерах; миграция — изначально неравная ситуация, и мигрантам открыты только стратегии культурного взаимодействия, доступные меньшинствам в межгрупповом контакте с большинством: интеграция, ассимиляция, сепарация или маргинализация. Хантингтон же говорил о тенденциях глобального конфликта в период после «холодной войны», имея в виду конфликт между (по его терминологии) восточноазиатской синайской цивилизацией (Китаем) при поддержке Северной и Южной Кореи и Вьетнама, и западными странами. Но самым

главным, как известно, он считал противопоставление между Западом и исламской цивилизацией. Интересно отметить, что Россию (а также Японию и Индию) Хантингтон называл «качающимися цивилизациями», которые могут выступать за любую сторону [1].

Можно выдвинуть много разных предположений и объяснений высокой адаптивности, неконфликтности и открытости мигрантов из азиатской части России и бывшего СССР. Так, это можно объяснить тем, что они и до миграции обладали би- и поликультурной идентичностью и интернационализм был частью их жизненного опыта. Можно сослаться и на то, что эти культуры относятся, безусловно, к коллективистскому типу (Россию, как известно, также причисляют к коллективистскому типу культур), и это наряду с другими факторами объясняет выбор этими мигрантами стратегии конвергенции, отказ от жесткого и тем более конфликтного отстаивания своей этнической самобытности, что автоматически способствует ассимиляции. Ведь в большинстве коллективистских культур конфронтация с другими людьми считается невежливой и нежелательной, а слова и действия людей не должны нарушать равновесия и гармонии в обществе. Но тем самым мы ступаем на зыбкую тропу интерпретации, где можно выдвинуть множество объяснительных теорий, доказать которые трудно. Поэтому оставим здесь пространство для свободных дискуссий.

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
2. Льюис Р. Столкновение культур: Путеводитель для тех, кто делает бизнес за границей. М., 2014.
3. Иванова Т.В. Иерархия традиционных ценностей кочевников как фундамент кочевой культуры // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6/2015. Философия. Социология. Политология. Культурология. С. 125—128.
4. Хилханова Э.В. Стратегии репрезентации этничности в миграционном контексте: на примере бурят-мигрантов в Западной Европе // Мир Центральной Азии-4: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Ванданов. Иркутск: Оттиск, 2017.
5. Нанзатов Б.З. Бурятские и калмыцкие диаспоры в странах Евросоюза: особенности формирования и жизнедеятельности диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31—38. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Сведения об авторах:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор социологических наук, доцент, профессор Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, доцент, профессор Восточно-Сибирского государственного института культуры. E-mail: dorjikh@mail.ru

Research Article

Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the former USSR in the Light of “Clash of Cultures” Theory

E.V. Khilkhanova¹, D.L. Khilkhanov²

¹ Institute of Linguistics of RAS National Language Relations Research Center
1/1, building 28, B. Kislovsky, Moscow, 125009, Russian Federation

² East Siberian State Institute of Culture
1, Ul. Tereshkovoi, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670031, Russian Federation

The article presents some results of the project, the purpose of which was to study the processes of definition and (re)construction of ethnic identity and its relationship with the language and culture of Asian migrants from the former USSR. The results are analyzed in terms of differences in cultures and values as the most important part of culture. This once again tests the universality of the theories of “clash of civilizations” and “clash of cultures” by S. Huntington and R. Lewis. The author comes to the conclusion that, first, cultural identity, unlike ethnic identity, is subject to transformation and at the same time it is stable. Secondly, the difference of cultures (“Eastern” and “Western”) exists and is perceived at the level of cultural values and norms, but it is not of a conflict, antagonistic nature. The conclusion explains the reasons for this in the light of the above-mentioned theories.

Key words: migrants, culture, values, Europe, Central Asia, ethnocultural identity

References

1. Huntington, S. 2003. *Clash of Civilizations*. Moscow, «AST» Press. 603 p. Print. (In Russ.)
2. Lewis, R. 2014. *When Cultures Collide: Leading Across Cultures*. Moscow. 640 p. Print. (In Russ.)
3. Ivanova, T.V. 2015. “Ierarkhiya traditsionnykh tsennostei nomadov kak fundament kochevoy kultury”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 6: 125–128. Print. (In Russ.)
4. Khilkhanova, E.V. 2017. “Strategii representatsii etnichnosti v migratsionnom kontexte: na primere buryat-migrantov v Zapadnoi Evrope”. *Mir Tsentral'noi Azii — 4: sb. nauch. st. / nauch. red. B.V. Bazarov [The World of Central Asia — 4: Proceedings of the International scientific conference. Ed. by B. Bazarov]*. Irkutsk: Ottisk. Pp. 44–47. Print. (In Russ.)

5. Nanzatov, B.Z. 2017. “Buryatskiye and kalmytskiye diaspory v stranakh Evrosoyuza: osobennosti formirovaniya i zhiznedeyatel’nosti diaspor” in *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol’skogo mira: istoriya i sovremennost’*. Vyp. 4: sb. nauch. Statei. Ulan-Ude, BSC SB RAS Press. 178 p. Pp. 88—100. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 18.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khilkhanova, E.V., Khilkhanov, D.L. 2020. “Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the former USSR in the Light of “Clash of Cultures” Theory”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 31—38. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

Bio Notes:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Research Center for National-Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Dorzhi L. Khilkhanov is a Dr. of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, East Siberian State Institute of Culture. E-mail: dorjikh@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-39-44

Научная статья

Насколько далеко заходит процесс гибридизации языков в транслингвальной ситуации?

З.К. Темиргазина

Павлодарский государственный педагогический университет
Республика Казахстан, 140003, Павлодар, ул. Мира, 60

В статье ставится проблема влияния языка-доминанты в языковой компетенции транслингва на фонетическую систему второго языка. Насколько сильным может быть это влияние в транслингвальной ситуации? Как заявляют большинство исследователей, языки в процессах транскulturации и транслингвизма являются в определенной степени проницаемыми. На наш взгляд, это касается содержательных сторон языка и речи, которые способны к порождению новых дискурсов: лексики, грамматики, синтаксиса, словообразования. Фонетический уровень как строительный материал для содержательных единиц не должен быть задетым в процессе транслингвизма, ибо в этом случае речь уже не может идти о транслингвизме как непротивоборствующей тенденции в контактном сосуществовании двух языков и культур.

Ключевые слова: фонологический уровень, транслингвизм, ассимиляция, конвергенция, заимствование, русско-казахский билингвизм

1. Введение

«Глобализация и вытекающая из нее конвергенция многих явлений современной действительности сталкиваются с противодействием тенденций к локализации и диверсификации, и решение возникающих противоречий проходит либо насильственным путем (например, навязывание доминирования норм одного языка над другими), либо поиском компромиссов. Возникшие сравнительно недавно концепции транслингвильности и транскulturности — один из способов реализации такого рода компромисса», — пишет З.Г. Прошина во введении к тематическому выпуску журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» [1. С. 6]. Нам хотелось бы уточнить понимание роли и места концепций транслингвильности и транскulturности в процессах конвергенции и диверсификации языков. Названные теоретические концепции являются результатом научного осознания и осмысления реально существующих процессов, не носящих противоборствующий характер, в сосуществовании и взаимодействии языков и

© Темиргазина З.К., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

культур. Эти процессы происходят достаточно длительное время, а их теоретическое осмысление и исследование с транскультурной и транслингвальной позиции начался относительно недавно — с 90-х годов XX века, в том числе благодаря трудам российских ученых У.М. Бахтикиреевой [2–4], З.Г. Прошиной [1; 5], М.В. Тлостановой [6], зарубежных исследователей С. Келлмана [7; 8], А. Пенникук [9] и др.

Возникшая в конце XX века концепция транслингвильности означает плавный переход от одной лингвокультуры к другой, результатом чего становится их слияние при отсутствии полной ассимиляции и сохранении лингвокультурной идентичности пользователей языков и в то же время создание смешанных дискурсов, так по крайней мере думает С. Канагараджа [10. С. 38].

Иначе говоря, транслингвильность подразумевает ассимиляцию, хоть и неполную.

2. Обсуждение

Насколько далеко может заходить процесс языковой ассимиляции, какие уровни языка подвергаются ей? Достаточно ясно можно представить, что слияние лингвокультур при плавном переходе затрагивает лексические явления, коммуникативные практики. З.Г. Прошина говорит о том, что коммуниканты с разными родными языками и различным культурным багажом прибегают к самым разным коммуникативным стратегиям в транслингвальной ситуации общения: смешению и переключению языковых кодов, заимствованиям, гибридизации языков, пиджинизации, упрощению, обращению к интернациональным словам, переспросу, перифразам, использованию невербальных средств (жесты, мимика, звукоподражание и т.п.), активизации металингвистических знаний и др. [5. С. 162]. Эти языковые явления напрямую связаны с передачей информации коммуникантами, т.е. имеют непосредственное отношение к семантико-смысловой стороне речи. Как известно, в языковой контактологии считается, что заимствованию подвергается в первую очередь лексика. Заимствованные лексические единицы могут модифицироваться фонетически, грамматически, могут изменять лексическое значение. На основе усвоенных заимствованных слов и морфем (префиксов и суффиксов) в языке образуются новые слова, которых нет в языке-источнике. Заимствуются типичные синтаксические конструкции языка-источника, что является следствием заимствования коммуникативных моделей поведения, речевых стратегий и речевых тактик.

В этих случаях можно говорить о проницаемости языков, возникновении нового качества обогащенной лингвокультуры при непосредственном и длительном контакте двух языков. При этом надо ясно представлять, что этот процесс сопровождается скрещиванием языков, когда один из языков сохраняет свою самостоятельность, приобретая некоторые особенности, возникающие под влиянием соседнего языка. Языковая ассимиляция разной степени и природы носит характер субстрата или суперстрата.

Если же речь идет о влиянии одного из языков на фонетическую систему другого контактирующего с ним языка, можем ли мы вести речь о транслингвильности? Это влияние касается не традиционных фонетических проблем билингвизма,

например, акцента в произношении отдельных звуков, слов или соблюдения орфоэпических норм. Оно касается изменения фонемной организации одного из языков в сознании носителей языка, влияния на фонематическое восприятие звуков транслингом. Как известно, фонематическое восприятие лежит в основе понимания и интерпретации человеческой речи. Его нарушение или утрата приводит к затруднению речи и, соответственно, к проблемам коммуникации.

Приведем в качестве примера нарушение фонематического восприятия у русско-казахских билингов с доминирующим русским языком. Так, у такого типа транслингов затруднено различение фонем казахского языка <у>, <ү>, <ұ>. Это три лабиализованные фонемы, различающиеся по месту образования рядом: <ү>, <у>, <ұ>. Некоторые ученые-казаховеды согласный [у] называют дифтонгом, в зависимости от твердости-мягкости слогов он произносится твердо или мягко: *қуат* (сила), *қуә* (свидетель), употребляется во всех позициях. Фонема <ұ> заднего образования (задненебной сингармонизации). Чтобы произнести специфический звук [ұ], надо губы сильно вытянуть вперед, язык отодвинуть назад. Звук произносится твердо и сверхкратко: *құмық* (кумык), *құс* (птица). Звук [у] является мягкой разновидностью [у], произносится мягко и кратко. Нужно учесть, что при произнесении этого звука кончик языка продвигается вперед, а губы выпячиваются меньше, чем при произнесении [у]: *жүру* (ходить), *күс* (мозоль). Итак, [ү] — гласный переднего образования (передненебной сингармонизации). Он противопоставлен гласным заднего образования [ұ], [у]. Гласные [ұ], [ү] находятся в оппозиции по краткости-долготе с долгим звуком [у].

Заметим, что ни одна из этих фонем не совпадает полностью по своим характеристикам с русской фонемой <у> заднего ряда, верхнего подъема. Тем не менее влияние русского языка приводит к утрате способности русско-казахскими билингвами различать хоть и похожие, но различающиеся долготой-краткостью, рядом, позициями казахские фонемы <у>, <ү>, <ұ>. Для их фонематического восприятия они сливаются в один звук [у], близкий по своим характеристикам к русскому звуку [у]. Звук [у] в этом случае можно считать субстратным явлением русского языка в казахском языке, которое возникло в результате фонологической конвергенции. Суть ее состоит в том, что были нейтрализованы следующие дифференциальные фонологические признаки казахских фонем: <у> — <ұ>, <ү> по долготе — краткости, <ұ>, <у> — <ү> по ряду (переднему-заднему) и по позиции после мягких и твердых согласных (сингармонизации). Дифференциальные признаки утратили свою различительную функцию и стали избыточными для фонологической организации родного языка в языковой компетенции билингва. Таким образом, в языковой компетенции русско-казахских билингов фонологическое устройство казахского языка претерпевает значительные изменения (сокращение числа фонем, изменение их дифференциальных признаков) под влиянием русского языка как доминирующего.

3. Выводы

Не углубляясь далее в фонологические тонкости влияния обоих языков, мы хотели бы поставить следующий вопрос: насколько далеко может зайти процесс ассимиляции фонетической системы одного из употребляемых транслингом

языков? От этого зависит проблема развития фонематического слуха билингвов. Ответ на поставленный вопрос помог бы исследователям понять, как строить методику обучения произношению детей-инофонов. Теоретическое обсуждение и решение этой проблемы важно для практики обучения, для разработки эффективной образовательной политики в многоязычных государствах.

Список литературы

1. Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 5—9.
2. Бахтикиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании [Bakhtikireeva U.M. Bilingualism theory in Russian linguistics] // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею В.А. Масловой. М.: Флинта: Наука, 2013.
3. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57—63. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63
4. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., and King J. Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? // RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017. 14 (1). P. 116—121.
5. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
6. Глостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008.
7. Kellman S.G. 2019. “Literary Translingualism: What and Why?”. Polylinguality and Transcultural Practices, 16 (3), 337—346. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346
8. Kellman S.G. Switching languages: translingual authors reflect on their craft. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2003.
9. Pennycook A. Global Englishes and transcultural flows. London and New York: Routledge, 2007.
10. Canagarajah S. Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship // Journal of English for Academic Purposes. 2002. № 1. P. 29—44.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20.11.2019

Дата принятия к печати: 20.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Темиргазина З.К. Насколько далеко заходит процесс гибридизации языков в транслингвальной ситуации? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 39—44. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-39-44

Сведения об авторе:

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор высшей школы гуманитарных наук Павлодарского государственного педагогического университета. E-mail: zifakakbaevna@mail.ru. ORCID 0000-0003-3399-7364

How Far Does the Process of Language Hybridization Go in a Translingual Situation?

Z.K. Temirgazina

Pavlodar state pedagogical university
60, Mira Str., Pavlodar, 140003, Republic of Kazakhstan

The article concerns the problem of the dominant language influence in the translingual language competence on the phonetic system of the second language. How intensive can this influence be in a translingual situation? As most researchers say, languages in the processes of transculturation and translinguism are to a certain extent intelligible. In our opinion, it concerns the content aspects of language and speech, which are capable of generating new discourses: lexis, grammar, syntax, word formation. The phonetic level as a building material for content units should not be affected in the process of translinguism, because in this case we can no longer talk about translinguism as a non-contradictory tendency in the contact coexistence of two languages and cultures.

Key words: phonological level, translinguism, assimilation, convergence, linguistic borrowing

References

1. Proshina, Z.G. 2016. “Problemy i perspektivy translingval’nyh i transkul’turnyh kontaktov”. *Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke*. 2 (50): 5–9. Print. (In Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M. 2013. “Teoriya bilingvizma v russkom yazykoznanii” in *Lingvistika XXI veka*: sb. nauch. st.: k 65-letnemu yubileyu V.A. Maslovoj. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russ.)
3. Bahtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. “Translingvizm i revitalizaciya kul’tury”. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 8 (1): 57–63. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63
4. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and King J. 2017. Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 14 (1): 116–121. Print. (In Russ.)
5. Proshina, Z.G. 2017. “Translingvizm i ego prikladnoe znachenie”. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special’nost’*. 14(2): 155–170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170. Print. (In Russ.)
6. Tlostanova, M.V. 2008. *Ot filosofii mul’tikul’turalizma k filosofii transkul’turacii*. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.)
7. Kellman, S.G. 2019. “Literary Translingualism: What and Why?”. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 16 (3): 337–346. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346
8. Kellman, S.G. 2003. *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. Lincoln and London: University of Nebraska Press. 339 p.
9. Pennycook, A. 2007. *Global Englishes and transcultural flows*. London and New York: Routledge. 189 p.
10. Canagarajah, S. 2002. Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship. *Journal of English for Academic Purposes*. 1: 29–44.

Article history:

Received: 20.11.2019

Accepted: 20.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Temirgazina, Z.K. 2019. “How Far Does the Process of Language Hybridization Go in a Translingual Situation?” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 39—44. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-39-44

Bio Note:

Zifa K. Temirgazina is a Doctor of Philology, Professor, Higher School of Humanities, Pavlodar State Pedagogical University. E-mail: zifakakbaevna@mail.ru. ORCID 0000-0003-3399-7364

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-45-58

Научная статья

Перевод как форма межлитературного диалога (на материале перевода повести А. Еники «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание») С. Хозиной)

Л.И. Фахрутдинова¹, В.Р. Аминова²

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Дан анализ структурно-содержательных особенностей переводных текстов в аспекте межлитературной коммуникации и диалога. Жанрово-стилистические трансформации оригинала в переводном тексте выявляются на основе их сопоставительного анализа. Перевод рассматривается как форма диалога культур, отражающая взаимодействие не только различных национальных языков, но и художественных моделей мира. Установлено, что при переводе повести «Невысказанное завещание» переводчик ориентируется на традиции жанра назира. Определены основные направления, в которых осуществляется сотворчество переводчика с автором произведения: происходит изменение принципов и приемов изображения внутреннего мира героев; усиливается лирическая ориентация повествования; актуализируется философский подтекст рассказанной истории, углубляется обличительная тенденция.

Полученные результаты могут быть использованы при решении актуальных проблем межкультурной коммуникации и диалога, составлении комментариев к переводам произведений А. Еники для русскоязычного читателя.

Ключевые слова: татарская литература, русская литература, сопоставление, идентичность, диалог, интерпретация

1. Введение

Восприятие татарской литературы, в частности творчества выдающегося татарского писателя А. Еники (1909—2000), российским читателем — тема, которая связана с исследованием путей и форм приобщения к художественно-эстетическому опыту одной из древнейших литератур мира. Воспринимая текст чужой культуры, читатель сопоставляет его со своим опытом, обогащает его новыми

© Фахрутдинова Л.И., Аминова В.Р., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

смыслами, давая ему, таким образом, новую жизнь, в новом времени и пространстве. Российский читатель, не знающий татарского языка, может познакомиться с творчеством А. Еники только в переводах его произведений на русский язык. В связи с этим мы провели анализ структурно-содержательных особенностей переводных текстов в аспекте межлитературной коммуникации и диалога.

Диалог культур принципиально открыт, бесконечен и представляет собой незавершенный и безграничный контекст, в котором «живут» и взаимодействуют тексты, принадлежащие разным национальным литературам. Это ценностно-смысловое поле обладает культуротворческой функцией: формирует особый тип читательской культуры, являющейся ведущим компонентом духовного становления личности, включенной в пространство разных национальных культур, способной к эстетической, герменевтической, нравственной самоактуализации в современном полиэтническом обществе.

Жанрово-стилистические особенности переводов произведений писателей, представляющих национальные литературы России, остаются до сих пор малоизученными. Немногочисленные исследования переводов произведений татарской литературы на русский язык затрагивают лишь отдельные аспекты соотношения языковых особенностей оригинальных текстов и их переводов и в целом носят оценивающий характер [1]. В то же время в современном переводоведении ощущается острый недостаток комплексных исследований переводов произведений татарских авторов на русский язык в проблемном поле диалога литератур.

Творчество А. Еники — одного из величайших татарских писателей XX века, известного литературного и культурного деятеля, публициста вызывало неподдельный интерес не только у ученых-литературоведов, но и у переводчиков. Его произведения переводились на чувашский, башкирский и русский языки. Немало исследователей сосредоточили свое внимание на анализе переводов произведений татарского писателя — в частности, А.М. Галиева и Э.Ф. Нагуманова, Ф.Х. Габдрахманова, И.М. Габдулхакова, Е.Н. Денмухаметова, Р.Р. Салахова, Р.Х. Гараева, А.Г. Юсупова и некоторые другие. А.М. Галиева и Э.Ф. Нагуманова исследуют особенности перевода составляющих элементов художественного мира, а также концептосферы произведений А. Еники на русский язык. Анализируя переводы Х. Хусаиновой, М. Рафикова, А. Бадюгиной, М. Зарецкого, ученые отмечают самостоятельность, лиризм и особую мелодичность переводов Р. Кутуя, однако вместе с тем подчеркивают дистанцированность его произведений от оригинала: «Рустем Кутуй создал произведения по мотивам рассказов А. Еники, они самодостаточны, наполнены глубоким лиризмом, но часто в содержательном и формальном отношении далеки от оригинала... Он обращается к излюбленным образам: конь, птица (ястреб), через которые выражает свою личную тоску по свободе, по степному чувству воли, простору. Для Кутуя природа живое существо, ей присущи человеческие переживания, в его творчестве природа и человек слитны. В его переводах очень мало остается от самого А. Еники, но тексты Кутуя поэтичны и обладают особой музыкальностью» [2. С. 108].

Концепцию данной работы определяет идея М.М. Бахтина о диалоге как особом виде смысловых отношений, акцентирующая понимание эстетического объ-

екта как бытийно-эстетического образования, в основе которого лежат персоналогические и имманентно-социальные отношения между субъектами — «я» и «другим», автором и героем, произведением и читателем [3].

Методологической основой работы стали исследования, посвященные переводу как особой форме диалога литератур и культур [4–6]; проблеме восприятия и связанного с ним понимания [7]; идентичности и идентификации национально-художественных систем [8]. В основе сопоставительного анализа оригинального произведения и его перевода на русский язык лежит взгляд на перевод как на освоение инонационального художественного текста, в процессе которого происходит взаимовлияние двух языковых картин мира, двух художественно-эстетических систем, двух авторских — создателя оригинала и перевода — концепций действительности и ее художественного воплощения, влияние, обусловленное стремлением переводчика к воссозданию целостного эстетического впечатления и сохранению стилистических черт оригинала.

2. Обсуждение

Повесть А. Еники «Невысказанное завещание» (1965), знаковое в творчестве писателя 1960-х годов произведение, один из ключевых текстов татарской литературы этого периода, имеет два перевода, выполненных Х. Хусаиновой и С. Хозиной. В переводе Х. Хусаиновой точно переданы особенности субъектной организации произведения: сохраняется субъектный синкретизм голосов повествователя и главной героини; воспроизводится характерная для оригинала закономерность, в соответствии с которой углублению психологического анализа соответствует перевес плана персонажа в повествовании, усиление дидактически-назидательной тенденции отражается в замещенной прямой речи, в которой преимущественно слышен «голос» автора [9].

С. Хозина в переводе повести А. Еники «Невысказанное завещание» (1965) ориентируется на традиции жанра средневековой восточной литературы назира (назиры) — это «форма поэтического “отклика” на произведение другого автора, распространенная в литературах народов Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, Поволжья. Назира является канонической формой переделки известного произведения в части его фабулы и образов с обязательным привнесением оригинальных черт» [10. С. 343]. Прежде всего обращает на себя внимание расхождение в объеме оригинального и переводного произведений. Повесть А. Еники «Әйтелмәгән васыять» в собрании сочинений А. Еники в трех томах представляет собой текст в 38 страниц, а в переводе — почти в полтора раза больше — 53 страницы [11. С. 7–44; 15. С. 426–479]. Переводя повесть А. Еники, С. Хозина выступает как соавтор, развивает образы и мотивы оригинального произведения.

Значимы прежде всего стилистические трансформации оригинала в переводном тексте. Художественное слово А. Еники обращено к тексту эмоциональной стороной и наполнено глубоким смыслом, указывающим на сложность человеческих переживаний, стремление к национально-нравственным идеалам, печаль

от сознания несовершенства жизни. Оно богато подтекстом и ассоциациями, обладает эмоциональной и психологической многозначностью:

Карчык дэшмәде, тик «бар!» дигәндәй башын гына каккандай итте. Һәм бик озак күзләрен йомып, берни уйламагандай, тын гына ятты. Эмма аның зиһене бер генә секундка да эшләдән туктамаган иде. Нәрсәнедер, үзе өчен бик мөһим, бик яңа бер хакыйкәтне аңларга тырышып ята иде кебек... [11. С. 32].

Старушка не ответила и лишь кивнула, будто сказав «иди!». И очень долго лежала тихо, закрыв глаза, словно ни о чем не думая. Но ее сознание ни на одну секунду не прекращало свою работу. Она словно пыталась постичь что-то, очень важное для себя, новую истину¹.

В слове оригинального текста сконцентрированы богатые и тонкие ассоциации, придающие образам объемность и многомерность. Для татарского читателя оно обладает особой информативной емкостью и суггестивностью. Символические образы повести, используемые писателем синтетические методы психологизма, актуализация национальных архетипов, воздействуют на интуитивно-чувственный уровень читательского восприятия, обеспечивая таким образом понимание смысла текста:

Аккилен үлмәде ул, китте генә... Китте генә... Кайтыр, насып булса, кайтыр... Ә син уагың карый тор, уагың... Уагыңда ут сүнмәсен [11. С. 44].

Аккилен не умерла, только ушла... Только ушла... Вернется, если суждено, вернется... А ты смотри за очагом, смотри. Пусть не погаснет в очаге огонь.

В переводе принцип недосказанности, оставляющий простор для возможных новых осмыслений, заменяется конкретизацией. Происходит реализация одной из заложенных в тексте жанрово-стилистических стратегий.

Сотворчество переводчика с автором произведения осуществляется в нескольких направлениях. Во-первых, в переводе происходит изменение принципов и приемов изображения внутреннего мира героев. Творчество А. Еники на уровне жанровой организации и приемов психологического изображения стало предметом исследования А.З. Карамовой и А.Р. Мотигуллиной. А.З. Карамова подчеркивает тот факт, что «в начале творчества А. Еники не наблюдается непосредственного, детального изображения внутреннего мира героя. Внимание уделяется воспроизведению реалий быта, внешних обстоятельств. Тем не менее, уже в первых рассказах писателя просматривается своеобразная психологическая зоркость писателя — в умении с помощью выразительной детали дать характеристику персонажа, в использовании повествования от первого лица, несобственно-прямой речи, образов природы. Повторяющиеся своеобразные признаки внешности информируют читателя о чувствах и переживаниях героя» [12. С. 94]. А.Р. Мотигуллина исследует используемые писателем формы и приемы психологизма. В произведениях писатель «анализирует сложные судьбы современников. Он не увлекается броскими сюжетами, в его произведениях события “отодвигаются на задний план, а на передний выступают внутренние, психологические взаимоотношения героев”. Писатель проникает в глубины души и, наблюдая поток мыслей, переживания, раскрывает характер героя в сложных жизненных ситуациях» [13. С. 3—4].

¹ Здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи.

А. Еники использует подтекстовую форму психологизма, созвучную «тайному психологизму» И.С. Тургенева: писатель не столько описывает мысли и чувства человека, сколько указывает на них через какие-либо внешние проявления: жесты, мимику, телодвижения, изменение интонации и др. Часто используется и прием умолчания, т.е. действия персонажей не комментируются, побуждая читателя к последующему домысливанию происходящего. В татарской литературе эта форма восходит к приему умолчания, включающему в себя «невыразимые, непостижимые, не поддающиеся вербальной характеристике психологические процессы» [14. С. 353]. Не менее важными в системе психологизма являются обобщенные обозначения эмоций — «слова не однопланово-понятийные, а “суммарные”, заключающие в себе большие смысловые резервы и актуализирующие опыт, исходящий из глубин эмоциональной жизни человека» [14. С. 353]. С. Хозина применяет прямо противоположный принцип — явный психологизм — непосредственное воспроизведение внутреннего мира героя.

Из приемов «тайного психологизма» А. Еники чаще всего использует прием умолчания, отображая душевные переживания главной героини:

Ә Акъэби үз нәүбәтәндә бу житеп килгән зифа кызларга уйга калып, исе китеп, селкенмичә карап ята [11. С. 23].

А Акэби, в свою очередь, лежит, не шелохнувшись, и смотрит на повзрослевших стройных девушек с удивлением, о чем-то задумавшись.

Писатель не говорит, какие мысли терзают главную героиню, мы можем лишь догадываться, о чем она думает. В переводе этого эпизода С. Хозиной чувства и мысли героини называются и анализируются:

Акэби неподвижно лежит... и тоже смотрит на стройных, пышущих здоровьем девушек-подростков, своих внучек, и грустное удивление родится в ее душе: как выросли, какими странными, незнакомыми они кажутся [15. С. 449].

В эпизоде, где Акэби разговаривает с поэтом, создается емкий психологический подтекст:

Шагыйрь, тезләренә таянган килеш, бераз уйланып утыра, аннары тагын сорап куя:
— Юлкотлыны сагынасыңмы? — Сагынам, улым! — Әйе, халык матур уйлаган, авылына, жиренә ... матур исемнәр бирә белгән. Юлкотлы! Юлың котлы булсын, Акъэби! — дип әйтәсе килеп тора [11. С. 27].

Поэт, опираясь на колени, немного задумывается, а затем снова спрашивает:

— Скучаешь по Юлкотлы? — Скучаю, сын мой! — Да, народ красиво придумал, умел дать деревне, родной земле красивые имена. Юлкотлы! Пусть твоя дорога будет счастливой, Акэби! — так и хочется сказать.

Создается особое «ценностное» пространство духовного общения. В переводе актуализируется принцип явного (прямого) психологизма: внутреннее состояние героев определяется, называется:

Поэт надолго замолкает, невидящими глазами глядит перед собой, думая о своем... Потом, словно очнувшись, спрашивает опять:

— А по Юлкотлы скучаешь? — Скучаю, сынок! — горестно вздыхает старушка, и у нее опять начинают подрагивать губы. — Да, высоко и вдохновенно думал народ, умел

давать красивые, звучные имена своим аулам, землям... Юлкотлы... счастливая до-рога... — Поэт смотрит на старушку долгим, проникающим в душу взглядом. — Да будут счастливы твои дороги, Акэби, — вот, что мне хочется тебе пожелать! [15. С. 455].

С. Хозина дает исчерпывающую характеристику душевным движениям героев, их настроениям и переживаниям: Акэби испытывает чувство грусти, тоски по родной земле, поэт же, напротив, вдохновлен и окрылен встречей с родственной душой.

В разговоре Гульбики и ее матери Еники использует две формы психологизма: косвенную и суммарно-обозначающую. В первом случае чувства и эмоции героинь выражаются через телодвижения и изменение интонаций. Желание Акэби быть услышанной и понятой показано с помощью фразы «чак ишетелерлек зэгыйфь тавыш» [11. С. 31] (еле слышный слабый голос), о нежелании Гульбики понимать и принимать слова матери говорят движения ее тела: «кат-кат башын селкеп» [11. С. 31] («часто покачивая головой»). Суммарно-обозначающий психологизм¹ представлен в следующей сцене:

Гөлбикэ, *кызганудан йөзен чытып*, шунда ук аның сүзен бүлде... Кызы урыныннан ук торды — ул, гадәтенчә, каядыр ашыга иде [11. С. 31].

Гульбика, изменившись в лице от чувства жалости, сразу прервала ее слова... Ее дочь даже встала со своего места — она, как обычно, куда-то спешила.

Здесь «выявляется вся глубина отчуждения дочери от родовых корней, ее исключенность из круга безусловных ценностей духовной жизни народа» [17. С. 227]. Но в то же время внимание привлекает предельно краткое, но очень емкое обозначение эмоционального состояния героини — это «кызгану» (в переводе — жалость, сочувствие). «Кызгану» — это не просто жалость, сострадание к больной матери, но и нестерпимая боль дочери, которая постепенно и безвозвратно теряет родного ей человека; торопливость Гульбики говорит о нежелании понять и принять сложившуюся ситуацию, бегство от нее.

С. Хозина, используя принцип «явного психологизма», не только дополняет, но и изменяет оригинал: если в оригинале Гульбика от сочувствия хмурит лицо («кызганудан йөзен чытып») и перебивает мать, то в переводе она вся съеживается, физически и духовно закрываясь от тех эмоций и чувств, которые будоражат ее душу:

Гульбика от сострадания к матери вся съежилась и поспешила перебить ее [15. С. 461].

У А. Еники читатель должен самостоятельно прочувствовать внутреннее состояние Гульбики. В переводе С. Хозиной ее состояние подчеркивается с помощью эпитетов и конкретизирующих фраз:

...она помотала головой в *отчаянии и нетерпении*... Дочь даже привстала при этих словах, *давая понять*, что *разговор окончен* (она, по обыкновению, куда-то спешила) [15. С. 461].

¹ «Называние, предельно краткое обозначение тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [16. С. 5].

Этот эпизод дает нам представление об эмоциях и чувствах героини — это неготовность услышать слова матери, отчаянное неприятие обстоятельств. Привстав, героиня выражает желание поскорее уйти не просто из комнаты, но и от тяжелых, угнетающих ее мыслей, от чувств, раздражающих ее сердце и душу.

В переводе усиливается лирическая ориентация повествования. Во вступлении А. Еники подчеркивает раздолье и красоту башкирской степи, навевающей вдохновенные, но вместе с тем немного грустные мысли:

Дала буш, дала киң... Рэхэт, һэй, рэхэт тә соң!.. Һәм ямансу... Шагыйрь эйтмешли, йөгереп уйныйсы, ятып елйысы килә бу тын, буш, моңсу башкорт даласында! [11. С. 7].

Свободное поле, широкое поле... Хорошо, ах, как хорошо!.. И грустно... Как говорит поэт, так хочется бегать, резвиться, лечь и плакать на этой тихом, свободном, навевающим печаль башкирском поле!

В переводе эта тема расширяется, меняется эмоциональное состояние — это не просто грусть, это что-то невыразимое, но вместе с тем это и печаль, тоска по чему-то несбыточному, недостижимому:

...Не потому ли тихой печалью отзывается сердце, что нет у человека ни легких крыл, ни быстрых, неутомимых ног, чтобы унесли его вслед за мятущейся, неукротимой душой, подобной ветру. Как говорят поэты, хорошо в безбрежной башкирской степи, светлой и печальной, всласть порезвиться, ликуя от восторга, а потом упасть на шелковые коввыли и, обнимая теплую, родную землю, разрыдаться, задыхаясь от безмерности и невыразимости чувств, переполнявших сердце [15. С. 426].

Наряду с усилением лирической ориентации повествования происходит и актуализация философского подтекста рассказанной истории. Примером может служить описание могилы Акэби. В оригинале произведения представлена одинокая могила Акэби, находящаяся на берегах двух рек — Дёмы и Белой:

Агыйдел, Дим буйларына караган биек тау башында Акэби берүзе генә торды да калды [11. С. 42].

На вершине высокой горы, касающейся берегов Белой и Дёмы, Акэби осталась одна.

В переводе повествователь размышляет над тайнами мира и бытия человека:

Облака, подгоняемые ветром, плыли нескончаемой чередой в бездонном небе от горизонта до горизонта, стремительные стрижи мелькали в чистом воздухе... лениво шевелилась трава... шуршали, ползали невидимые цикады, подсыхал, покрываясь серым налетом, могильный бугор. И вся земля, насколько доставал глаз с золотисто-пепельными полями, подвижными пятнами рощ, кубиками домов, жгутами дорог, озерами, отливающими синевой, — вся округа, приняв в себя еще одну страдальческую душу и слившись с ней воедино, дышала ровно и спокойно, молчаливо храня великую тайну бытия и смерти [15. С. 475].

Человек не противопоставлен природе, он тесно связан с ней и является ее частью. Душа Акэби соединяется с природой, с универсумом. Здесь мы наблюдаем и тихое, неторопливое течение жизни (как и жизнь Акэби), которое проти-

вопоставляется хлопотливой, нервной, торопливой и несколько однообразной жизни ее детей:

Жизнь опять покатила по наезженной колее, полная всевозможных дел, хлопот, волнений, усталости... Для детей Акэби жизнь эта была желанной и привлекательной, полной приятных предвкушений [15. С. 478].

В переводе наблюдается усиление обличительной тенденции повествования. В оригинале повести отношение автора к героям раскрывается в сцене, где дети Акэби пытались понять, кому были предназначены вещи из зеленого сундука матери. Гульбика решает взять себе чулпы¹, которые Акэби хотела бы передать внучке Гузель:

Гөлбикэ шулай да эсэенәң төсә итеп, уртасына кызыл якут куеп, саф көмештән чөлтәрләп эшләнгән ике зур чулпыны үзәнә алып калды [11. С. 44].

Гульбика все же в память о матери взяла себе два больших наконника² из чистого серебра, в середине украшенных красным яхонтом.

Эта деталь становится символической и является формой выражения авторской позиции — осуждения детей Акэби, которые так и не услышали последних слов матери, не узнали ее завещания. В переводе обличительная тенденция распространяется и на описание внешности детей, появляются отсутствующие в оригинале снижающие портретные детали: Гульбика и зять имеют «холеные» лица, Суфиян «незадачливый сын», «глуповатый», «бешеный» шурин. Дети не придают значение вещам, которые остались от Акэби, для них это лишнее, ненужное «добро»:

Давайте-ка мы не станем делить эти вещи — никому из нас они не нужны, все равно пропадут, а лучше сдадим все в гардероб театра. Вот там этому «богатству» самое место... Эту идею тут же поддержала Мария Васильевна: — По-моему, Сахип Карамович высказал дельную вещь: зачем нам это «добро», пусть пользуются артисты [15. С. 478].

В переводе зять героини не столь радетельный как в оригинале, так как ждет похвалы, благодарности за уход:

Мы привезли эсей³ из аула, привезли к себе, и обеспечили ей уход, и приняли все меры, чтоб она выздоровела. И думаем, эсей догадается сказать нам за это спасибо [15. С. 471].

В переводе происходит и жанровая трансформация оригинала. Произведение А. Еники по жанру определяется как озын хикая⁴, в то время как у С. Хозиной

¹ Женские наконные украшения [18].

² «В 15—17 вв. в России украшение кос с помощью кусочка бересты или кожи, обтянутых дорогой тканью» [19].

³ В переводе с башкирского — мать.

⁴ Озын хикая (или хикаят) — «жанр литературы народов Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Поволжья и Приуралья, восходящий к эпическим жанрам фольклора... По содержанию и жанровой природе близок к современному рассказу, новелле, притче. События, как правило, излагаются от лица одного или нескольких персонажей, очевидцев. В центре повествования — действия и поступки героя... показанные в контексте тех или иных событий. С начала 20 века название жанра трансформировалось в “хикая” (рассказ), “озын хикая” (длинный рассказ, повесть)» [20. С. 217].

оно становится повестью, имеющей все ее признаки: прежде всего это преобладание циклической сюжетной схемы — «изображенный мир состоит из двух сфер, противопоставленных по признакам “своего-чужого”» [21. С. 390]: «своим» является мир Акэби, старика Минибай и деревенских жителей, «чужим» — мир светлого и жестокого города, в котором живут дети и внуки Акэби. В основе сюжета повести лежит «ситуация неустойчивого равновесия противоположных мировых сил» — доброты, отзывчивости главной героини и жестокосердия, черствости окружающих ее родных людей. Судьба героя повести «связана с его удалением от исходной точки (места действия, а также первоначального положения и/или статуса) и последующим возвратом к ней — как в пространственно-временном, так и в ценностном планах» [21. С. 390]. В повести «Невысказанное завещание» обращает на себя внимание вынужденная необходимость Акэби оставить свой дом, деревню, родные края; наблюдается и смена ее статуса — вначале героиня занимается домом и ведет хозяйство, впоследствии — не может встать с постели из-за обнаружившейся серьезной болезни. Конец повести возвращает главную героиню в прежнее время и пространство — в необъятный простор Вселенной, где время течет медленно и неторопливо; в ценностном плане Акэби проходит цикл, итогом которого является возврат к прежним традициям, устоям, обычаям, к неугасающему домашнему очагу.

Произведение А. Еники соотносится с традициями адаба. «С литературной точки зрения адаб представляет собой особый полудидактический-полубеллетристический жанр, идейная направленность которого состоит в просвещении и воспитании правоверного читателя на основе Корана и хадисов, а важное место отводится различным рассказам, поучительным историям, научным сведениям. Нередко в литературе адаба восточные авторы высмеивали пороки общества, применяя принцип “смеясь, исправлять нравы”» [22. С. 16]. Адаб как адабият — литература — «это название совокупности правил хорошего тона, вежливости, морали и нравственности, это слова и поступки, которые по исламу считаются порядочными... это действия, совершаемые в соответствии с учением Посланника Всевышнего» [23. С. 14–15]. Повесть «Әйтелмәгән васыять» представляет собой повествование в традициях адабият. Еники изображает героев идеальных, следующих правилам и предписаниям адаба (Акэби и Минибай), противопоставляя им персонажей другого, индустриального, современного мира (внуки и дети главной героини). Следовательно, повесть поучает и наставляет читателей, воспитывает их. Назидательная тенденция реализуется в переводе иначе, чем в оригинале. Оценки С. Хозиной героев и ситуаций подчеркнута однозначны, и здесь читатели не ждут изменения ситуаций и характеров персонажей. Таким образом, перевод С. Хозиной — это не дословный, пересказанный текст, особая форма сотворчества, выполненная в традициях назира. Выбранная форма объясняется своеобразием творческой индивидуальности переводчика, соединяющего в своем творчестве традиции татарской и русской литератур и культур.

3. Выводы

С. Хозина вступает в активное сотворчество с автором оригинального текста, что приводит к преобладанию в ее переводе «пересоздающего» начала над «вос-

создающим». Изменение принципов и приемов психологизма, усиление лирической ориентации повествования, актуализация философского подтекста сюжетной истории позволяют говорить о выходе за границы перевода и переходе к жанру вариации.

Жанрово-стилистические особенности переводов произведений А. Еники на русский язык являются результатом ориентации на нового адресата, отражают национальные художественные традиции и актуальные для русской литературы и культуры ценностно-смысловые установки. Вместе с тем несомненно творческий характер перевода ограничен возможностями и пределами интерпретации оригинала — субъективным пониманием и оценкой переводчиком данного произведения.

Изучение основных ценностных идей татарской культуры и особенностей их художественного воплощения в переводном тексте раскрывает систему аксиологических координат, оказывающих воздействие на восприятие произведения инонациональной литературы.

Исследование жанрово-стилистических трансформаций оригинала в переводном тексте значимо для решения теоретических вопросов переводоведения: о природе перевода как особой формы межлитературного диалога, о границах творчества переводчика, о том, чем собственно является перевод по отношению к оригиналу: его аналогом, субституту, эквивалентом идейно-художественного содержания текста оригинала или эквивалентом художественного произведения и других.

Список литературы

1. *Khaybullina A., E. Nagumanova, A. Khabibullina*. Some problems of translation of modern tatar poetry in to the Russian language // AD ALTA—Journal of interdisciplinary research. Vol. 8. Is. 1. 2018. Pp. 221—223.
2. *Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф.* Особенности перевода пейзажных зарисовок (на материале произведений А. Еники и их переводов) // Zbiór raportów naukowych Aktualne problem w wspolczesnej nauki. 26.06.2013—30.06.2013. Czesc 5. Warszawa, 2013. С. 102—110.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. *Топер П.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000.
5. *Amineva V., M. Ibragimov, E. Nagumanova, A. Khabibullina, L. Yuzmukhametova*. A esthetic interference and untranslatability as concepts of comparative literary studies. The Social Sciences. No. 10 (7). 2015. Pp. 1868—1872.
6. *Shemshurenko O., A. Khabibullina, E. Nagumanova*. Interliterary Communication and Aesthetic Interference In The Perception of The Russian Poetry of The Xix Century By The Representatives of The other Nationalities, Modern journal of language teaching methods. Vol. 8. Is. 11. 2018. Pp. 464—469.
7. *Гадамер Г.-Х.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
8. *Sultanov K.* Crossing the Terek, or The Two Banks of Life's One River. Rereading Tolstoy. Russian Studies in Literature. Vol. 48. No. 3. 2012. Pp. 25—56.
9. *Фахрутдинова Л.И.* Жанрово-стилистические трансформации оригинала в переводе (на материале перевода повести А. Еники «Невысказанное завещание», выполненного Х. Хусаиновой) // Материалы Международной конференции «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии». Т. 2. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2018.
10. Татарская энциклопедия / отв. ред. Г.С. Сабирзянов; гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии. Т. 4. 2008.

11. Еники Ә. Әсәрләр, өч томда. II том: Повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 415 б.
12. Каримова А.З. Психологизм в творчестве А. Еники: дисс. ... канд. филол. наук. Казан. гос. пед. ун-т, 2005.
13. Мотигуллина А.Р. Характеры героев в прозе А. Еники: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2000.
14. Аминева В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). Казань: Казанский государственный университет, 2010.
15. Еникеев А. Невысказанное завещание. Повести и рассказы / пер. Р. Кутуя, С. Хозиной. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990.
16. Страхов И. Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов педагогических институтов. Ч. 1. Саратов: Саратов. гос. пед. инст., 1973.
17. Еникеев А. Невысказанное завещание: рассказы, повесть. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
18. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] URL: https://tatar_explanatory.academic.ru/22966 (дата обращения: 05.07.19).
19. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] URL: <https://fashion.academic.ru/1606/Накосник> (дата обращения: 05.07.19).
20. Татарская энциклопедия / отв. ред. Г.С. Сабирзянов; гл. ред. М.Х. Хасанов. Т. 6. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2014.
21. Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. М.: Академия, 2004.
22. Ахмадуллина Л.Я. «Маджмаг аль-адаб» («Сборник благопристойностей») Хибатуллы Салихова в контексте общетюркских литературных традиций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://docplayer.ru/74654473-Madzhmag-al-adab-sbornik-blagoprystoynostey-hibatully-salikhova-v-kontekste-obshchetyurkskih-literaturnyh-tradiciy.html> (дата обращения: 24.06.19).
23. Якупов М.Т. Адаб как форма реализации исламской нравственности: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Фахрутдинова Л.И., Аминева В.Р. Перевод как форма межлитературного диалога (на материале перевода повести А. Еники «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание») С. Хозиной // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 45–58. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-45-58

Сведения об авторах:

Аминева Венера Рудалева — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: amineva1000@list.ru

Фахрутдинова Лилия Ильдаровна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, ассистент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Liliyaphahrutdinova@yandex.ru

Translation as a Form of Cross-Literary Dialogue (On the Material of the Translation of A. Yeniki's Novel "Unvoiced Will" by S. Khozina)

L.I. Fakhrutdinova¹, V.R. Amineva²

¹ Institute of World Literature A.M. Gorky Russian Academy of Sciences
25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation

² Kazan federal university
18, Kremlevskaya Str., Kazan city, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation

The Russian reader, who doesn't know tatar language, can get to know A. Yeniki's works only through their translated versions, that is why we need to analyze structural features of and the content of the translated texts in the aspect of cross-literary communication and dialogue. Genre-stylistic transformations of the authentic work in the translated texts are revealed on the base of their comparative analysis. The base is his view on the translation as a form of the dialogue of cultures, reflecting interaction not only various national languages, but artistic models of the world as well. It is stated that, S. Khozina resorts to the nazira genre in her translation of the "Unspoken will". The main directions in which the cooperation of the translator and the author of the work is carried out are revealed: depiction of the inner world of the character is changed; the lyrical orientation of the narrative is enhanced; philosophical subtext of the told story is actualized, incriminating tendency deepens.

The results obtained can be used in the solution of current problems of intercultural communication and the dialogue, in the preparation of the comments to translations of A. Yeniki's works for the Russian reader.

Key words: tatar literature, Russian literature, comparison, identity, dialogue, interpretation

References

1. Khaybullina, A., E. Nagumanova, and A. Khabibullina. 2018. "Some problems of translation of modern tatar poetry into the russian language". *AD ALTA-Journal of interdisciplinary research*. 8: 221—223. Print.
2. Galiyeva, A.M., and Nagumanova E.F. 2013. "Osobennosti perevoda peyzazhnykh zarisovok (na materiale proizvedeniy A. Eniki i ikh perevodov)". *Zbior raportow naukowych Aktualne problem w wspolczesnej nauki*. 26.06.2013—30.06.2013. Czesc 5. Warszawa. Pp. 102—110.
3. Bakhtin, M.M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo. 445 p. Print. (In Russ.)
4. Toper, P. 2000. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya*. Moscow: Naslediye. 253 p. Print. (In Russ.)
5. Amineva, V., M. Ibragimov, E. Nagumanova, A. Khabibullina, L. Yuzmukhametova. 2015. "Aesthetic interference and untranslatability as concepts of comparative literary studies". *The Social Sciences*. 10 (7): 1868—1872.
6. Shemshurenko, O., A. Khabibullina, and E. Nagumanova. 2018. "Interliterary Communication and Aesthetic Interference In The Perception of The Russian Poetry of The XIX Century By The Representatives of The other Nationalities". *Modern journal of language teaching methods*. 8(11): 464—469.
7. Gadamer, G.-Kh. 1988. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenoviki*. Moscow: Progress. 704 p. Print. (In Russ.)

8. Sultanov, K. 2012. “Crossing the Terek, or The Two Banks of Life’s One River. Rereading Tolstoy”. *Russian Studies in Literature*. 43 (3): 25–56.
9. Fakhrutdinova, L.I. 2018. “Zhanrovo-stilisticheskiye transformatsii originala v perevode (na materiale perevoda povesti A. Eniki «Nevyskazannoye zaveshchaniye», vypolnennogo Kh. Khusainovoy)” in *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii “Russkiy yazyk i literatura v tyurkoyazychnom mire: sovremennyye kontseptsii i tekhnologii”*. T. 2. Kazan: Izd-vo Kaz. un-ta. Pp. 125–128.
10. *Tatarskaya entsiklopediya*. 2008. Ed. G.S. Sabirzyanov; gl. red. M.Kh. Khasanov. Kazan: Institut tatarskoy entsiklopedii. T. 4. Moscow. P. 766. Print. (In Russ.)
11. Eniki, Ə. 1991. *Əsərlər, əch tomda*. II tom: Povest’lar. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 415 b. Print. (In Tat.)
12. Karamova, A.Z. 2005. “*Psixologizm v tvorchestve A. Eniki*”: diss. ... kand. filol. nauk. Kazan’: Kazan. gos. ped. un-t. 166 p. Print. (In Russ.)
13. Motigullina, A.R. 2000. “*Haraktery geroev v proze A. Eniki*”: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan’: Kazan. gos. ped. un-t. 22 p. Print. (In Russ.)
14. Amineva, V.R. 2010. *Tipy dialogicheskikh otnoshenij mezhdunarodnykh literaturami (na materiale proizvedenij russkikh pisatelej vtoroj poloviny XIX v. i tatarskikh prozaikov pervoj treti XX v.)*. Kazan’: Kazanskiy gosudarstvennyy universitet. 474 p. Print. (In Russ.)
15. Enikeev, A. 1990. *Nevyskazannoe zaveshchaniye*. Povesti i rasskazy. Perevod R. Kutuya, S. Hozinoj. Kazan’: Tatarskoe kn. izd-vo, 1990. 480 p. Print. (In Russ.)
16. Strahov, I. 1973. *Psixologicheskij analiz v literaturnom tvorchestve: posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov*. Ch. 1. Saratov: Saratov. gos. ped. inst. 188 s.
17. Enikeev, A. 2017. *Nevyskazannoe zaveshchaniye: rasskazy, povest’* [sost., analit. st. V.R. Aminevoj]. Kazan’: Tatar. kn. izd-vo. 271 s.
18. *Slovari i enciklopedii na Akademike* [Elektronnyj resurs] URL: <https://fashion.academic.ru/1606/Nakosnik> (data obrashcheniya: 05.07.19).
19. *Slovari i enciklopedii na Akademike* [Elektronnyj resurs] URL: https://tatar_explanatory.academic.ru/22966 (data obrashcheniya: 05.07.19).
20. *Tatarskaya enciklopediya* / otv. red. G.S. Sabirzyanov; gl. red. M.H. Hasanov. Kazan’: Institut tatarskoj enciklopedii, 2014. T. 6. U — Ya. 719 p.
21. Tamarchenko N.D., V.I. Tyupa, S.N. Brojtman. 2004. *Teoriya literatury: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij*. V 2 t. T. 1. Teoriya hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika. Moscow: Akademiya. 512 p.
22. Ahmadullina, L.Ya. 2017. “*«Madzhmag al’-adab» («Sbornik blagopristojnostej») Hibatully Salihova v kontekste obshchetyurkskikh literaturnyh traditsij*”: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva. 22 p. [Elektronnyj resurs] URL: <https://docplayer.ru/74654473-Madzhmag-al-adab-sbornik-blagopristojnostey-hibatully-salihova-v-kontekste-obshchetyurkskikh-literaturnyh-traditsiy.html> (data obrashcheniya: 24.06.19).
23. Yakupov, M.T. 2012. *Adab kak forma realizacii islamskoj npravstvennosti: monografiya*. Ufa: Izd-vo BGPU. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 18.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Fakhrutdinova, L.I., Amineva, V.R. 2020. “Translation as a Form of Cross-Literary Dialogue (on the Material of the Translation of A. Yeniki’s Novel “Unspoken Will” by S. Khozina)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 45–58. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-45-58

Bio Notes:

Liliya I. Fakhrutdinova is a postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature at the Institute of Philology and intercultural communication, assistant of the Preparatory school for foreign students at the Kazan Federal University. E-mail: Liliyaphahrutdinova@yandex.ru

Venera R. Amineva is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Institute of Philology and intercultural communication at the Kazan Federal University. E-mail: amineva1000@list.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-59-64

Тезисы

Особенности воссоздания рифмы в русской поэзии средствами английского языка

А.В. Сычѐва

Северо-Восточный государственный университет
Российская Федерация, 685000, Магадан, ул. Портовая, д. 13

В статье рассматривается проблема сохранения рифмы, характерной для русской поэзии, в переводах на английский язык. Дан краткий анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов по теории и практике поэтического перевода для выявления роли и значения категории рифмы в английской и русской поэзии. Особое внимание автор уделяет точке зрения переводчиков русской поэзии на английский язык и восприятию англоязычными читателями переводной русской лирики в контексте сохранения рифмы или девиации от нее. В результате проведенного исследования автор приходит к заключению, что для зарубежных лингвистов и переводчиков, в отличие от их русскоязычных коллег, стихотворная рифма не играет значимой роли. Более привлекательная форма поэзии для них — верлибр. Следовательно, вопросы воспроизведения рифмы в процессе перевода для англоязычных переводоведов и переводчиков не являются первостепенно важными. Основной акцент делается на содержание переводимого текста, а не на его форму. В статье представлены общие результаты проведенного компаративного лингвистического анализа перевода 275 поэтических произведений Б. Окуджавы и их оригиналов. Анализ показывает, что в процентном соотношении количество рифмованных переводов от общего количества переводных текстов составляет около 40%. Однако подавляющее количество английских переводов стихотворений Окуджавы — около 60% — принадлежит к незарифмованным переводам. Тем не менее, автор статьи считает, что необходимо сохранять в переводе рифму как неотъемлемую составляющую русского классического стиха и что адекватные версии русских стихотворений на английском языке с сохранением рифмы первоисточников являются предпочтительным видом поэтического перевода.

Ключевые слова: стихотворение, поэзия, рифма, перевод, Окуджава

Со второй половины XX в. проблема поэтического перевода интенсивно освещалась в трудах как отечественных, так и зарубежных переводоведов. Актуальность и востребованность искусства художественного перевода в данном контексте активно прослеживается в исследованиях лингвистов до сих пор. Вместе с тем если в исследованиях российских языковедов такой категории поэтического

© Сычѐва А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

перевода, как рифма уделяется особое внимание, то их англоязычные коллеги более подробно останавливаются на практических вопросах поэтического перевода, на поиске оптимального переводческого решения для передачи смысла подлинника. Объектом настоящего исследования, тем не менее, является категория рифмы.

Цель настоящей работы — проведение краткого анализа трудов отечественных и зарубежных переводоведов, а также компаративного лингвистического анализа переводов поэзии Б. Окуджавы на английский язык в аспекте рифмики. Материалами исследования послужили разнообразные стихотворения Б. Окуджавы и их 275 англоязычных версий, созданных как отечественным, так и зарубежными переводчиками.

* * *

В европейских странах, например во Франции и в странах английского языка, рифма в XX в. стала резко терять свое значение и фактически исчезла. Е.В. Витковский справедливо замечает, что английский язык ушел от рифмованной поэзии, поскольку по-английски сравнительно трудно рифмовать [Цит. по: 1. С. 25]. И. Левый показывает, что словарь рифм английского языка как языка аналитического строя намного беднее немецкого или русского языка и насчитывает всего 400 устойчивых рифмообразующих групп [2. С. 286]. Такой же точки зрения придерживается английский языковед Э. Озерс, который считает, что «рифма чаще встречается в русском языке, где флективность способствует наличию множества открытых слогов, а потому рифма более естественна для русского, чем для английского» [3. С. 116].

Примечательно, что практически все англоязычные переводоведы допускают отклонения от формальных признаков стиха ради воссоздания смысла, заключенного в первоисточнике. Так, известный британский филолог Д. Патерсон утверждает, что переводчик неизбежно столкнется с проблемой «изменения какого-то аспекта содержания» в случае, если он прибегнет к рифмованному переложению оригинала. Особенно «это касается языков с бедной системой рифм» [4. P. 80].

Представитель бельгийско-нидерландской школы перевода лингвист А. Лефевр отмечает, что «рифмованный перевод приводит к тому, что слова перестают означать то, что они означают, и перевод оказывается скучным, педантичным» [Цит. по: 5. С. 20]. Американский поэт и переводчик, признанный авторитет в области теории, практики и критики поэтического перевода, Р. Блай в своей книге подробно рассматривает важные, по его мнению, аспекты перевода поэзии на английский язык, но не затрагивает вопрос о возможностях отображения рифмы. Столь невнимательное отношение к рифме в поэтическом переводе, демонстрируемое в исследованиях целой плеяды англоязычных языковедов, наводит на мысль о том, что распространенное отсутствие рифмы в английских переводах поэзии является одной из особенностей поэтического перевода в англоязычном мире [7. С. 156].

* * *

Англоязычные читатели воспринимают рифму не как средство обогащения смысла стихотворного произведения, а как элемент, придающий стихам чрезмерный пафос. В связи с этим показательными будут ответы некоторых американских респондентов о значении рифмы в переводе поэзии, представленные в книге Р.Р. Чайковского «Поэтический перевод в зеркале мнений» [1]. Так, профессор Г. Берш (университет штата Аляска, США) называет рифмы многих поэтов холодными, вымученными, искусственными. По ее словам, рифма — лишь один из признаков стиха, безоговорочное соблюдение которого может привести к нарушению целого ряда значимых составляющих оригинала, таких как содержание, образность, звукопись. Она полагает, что прекрасно, когда в переводе сохраняются все особенности подлинника, но если бы ей пришлось выбирать между рифмой и смыслом, она бы отдала предпочтение смыслу [Цит. по: 1. С. 56]).

Другой информант, профессор университета штата Аляска М. Энгель, говоря о рифме, признавалась, что она предпочла бы нерифмованный перевод, который в достаточной мере передает содержание стихотворения, рифмованному, в котором передача смысла страдает из-за вынужденной рифмы. Тем не менее, она добавляет, что «действительно хороший перевод должен одинаково точно передавать содержание и форму» [Цит. по: 1. С. 67]. Соответственно, нерифмованный перевод русского стихотворения, в котором рифмы играют важную роль, не является полноценным.

Американский педагог Л. Рокхилл отмечает, что большая часть русской поэзии — это рифмованные стихи. И, несмотря на то, что американские и английские переводчики зачастую отказываются от рифмы, было бы лучше, если бы они стремились показывать своим читателям все особенности зарубежной поэзии, в том числе и рифму [Цит. по: 1. С. 62].

Вопреки распространению свободного стиха в американском и британском поэтическом переводе, некоторые англоязычные переводоведы расценивают воссоздание рифмы как необходимую составляющую поэтического перевода. Например, американская переводчица Дж. Моффетт выступает за отказ от прозаических переводов и сохранение рифмы как содержательного элемента стиха. Она полагает, что рифма и размер стиха должны быть во что бы то ни стало воссозданы в переводе [Цит. по: 5. С. 26]. Американский поэт и переводчик У. Барнстоун настаивает на необходимости перевода рифмованной поэзии рифмованными стихами. С его точки зрения, если переводчик не одобряет присутствие рифмы в поэзии, тогда ему вообще не следует переводить такую поэзию [8. Р. 50].

* * *

Возможность всестороннего отображения рифмы можно проследить на примере английских переводов поэтических произведений Б. Окуджавы [9]. В процентном соотношении количество рифмованных переводов от общего количества переводных текстов невелико — около 40%. Следует подчеркнуть, что к такой форме поэтического перевода обращаются в основном англоязычные переводчики русского происхождения либо русскоязычные представители переводческого искусства, владеющие также английским языком. Встречаются, однако,

блистательные рифмованные версии стихотворений Б. Окуджавы, выполненные переводчиками, родной язык которых английский. Таковы, например, переводы Дж. Дэвис [10]. В большинстве случаев переводчику удалось воссоздать не только способ рифмовки, свойственной подлинникам, но и характер первоначальных рифм, различающихся по слоговому объему (мы имеем в виду мужскую, женскую и дактилическую рифмы). Таким же бережным отношением к исходной рифме отличаются и английские варианты стихотворений Окуджавы в переводах Т. Вольфсон, А. Вагапова, Е. Бонвера и др.

Однако подавляющее количество английских переводов стихотворений Окуджавы — приблизительно 60% из рассмотренных нами 275 — принадлежит к нерифмованным переводам, преимущественно к подстрочным и прозаическим. Добавим, что отдельные переводы отличаются размытыми типологическими характеристиками, что не позволяет однозначно отнести их к определенному типу перевода.

* * *

Малочисленность переводов с соблюдением рифмы напрямую связана с основными тенденциями в области теории и практики поэтического перевода в странах английского языка, где главный акцент ставится на воспроизведение содержания исходного текста, в жертву которому зачастую приносится рифма стиха. Исторически сложилось так, что в сознании английских и американских переводчиков поэзии и читателей ценность верлибра на несколько порядков выше, чем притягательность рифмованной поэзии со строгим метром и размером. Тем не менее, некоторые англоязычные лингвисты внимательно относятся к рифме в поэзии и считают ее неотъемлемой составляющей русского классического стиха. Осознание важности рифмы позволяет им создавать адекватные рифмованные версии поэтических шедевров российских авторов.

Список литературы

1. *Чайковский Р.Р.* Поэтический перевод в зеркале мнений (15 интервью). Магадан: Кордис, 1997.
2. *Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.
3. *Озерс Э.* Некоторые проблемы перевода русской поэзии на английский язык // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988.
4. *Paterson D.* [Afterword] // Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonnet an Orpheus. London: Farber and Farber, 2006. P. 61—72.
5. *Чайковский Р.Р.* Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997.
6. *Bly R.* The Eight Stages of Translation. St. Paul: Ally Press, 1991.
7. *Вороневская Н.В.* «Сонеты к Орфею» Р.М. Рильке в английских переводах (исторические, стиховедческие и переводческие аспекты): дисс. ... канд. филол. наук. Магадан, 2009.
8. *Barnstone W.* The Poetics of Translation: History, Theory, Practice. New Haven: Yale University Press, 1993.
9. *Сычёва А.В.* Поэзия Булата Окуджавы в переводах на английский язык (исторические, лингвопереводоведческие и типологические аспекты): дисс. ... канд. филол. наук. Магадан, 2011.
10. Fifteen Songs in Parallel Russian and English Texts. Ann Arbor: Ardis, 1984.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19.01.2019

Дата принятия к печати: 09.10.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сычёва А.В. Особенности воссоздания рифмы в русской поэзии средствами английского языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 59–64. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-59-64

Сведения об авторе:

Сычёва Анастасия Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета. E-mail: nastik-80@mail.ru

Abstracts

Peculiarities of Reconstructing Russian Rhyme in English Translations

A.V. Sycheva

North-Eastern State University
13, Portovaya Str., Magadan, 685000, Russian Federation

The article deals with the problem of preserving the rhyme traditional for Russian poetry in translations into English. A brief analysis of Russian and foreign linguists' works on the theory and practice of poetic translation shows that rhyme in English poetry does not play such a significant role as it does in Russian poetry. Opinions of English-speaking readers coincide with the opinion of translators. However, adequate versions of Russian poems in English with preservation of rhymes of original verses are the preferred type of poetic translation. The article deals with the problem of preserving the rhyme, characteristic of Russian poetry, in translations into English. The purpose of this scientific research is to conduct a brief analysis of the works of Russian and foreign linguists on the theory and practice of poetic translation to reveal the role and significance of the category of rhyme in English and Russian poetry. The author pays special attention to the opinion of translators of Russian poetry into English and English-speaking readers of translated Russian lyrics in the context of preserving rhyme or deviation from it. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that rhyme does not play such a significant role for foreign linguists and translators as it does for their Russian-speaking counterparts. A more attractive form of poetry for them is *vers libre*. Consequently, the issues of rhyme reproduction for English translators are not of paramount importance. The main emphasis is on the meaning of the translated text, not its form. Opinions of English-speaking readers coincide with the opinion of translators. In addition, the article presents summary information of the conducted comparative linguistic analysis of 275 poems by B. Okudzhava and their originals. The analysis shows that in percentage terms the number of rhymed translations from the total number of

translated texts is about 40%. However, the overwhelming number of English translations of poems Okudzhava — about 60% — belongs to unrhymed translations. Nevertheless, the author of the article emphasizes the need to preserve rhyme in translations as an integral part of the Russian classical verse and believes that adequate versions of Russian poems in English with preservation of original rhyme are the preferred type of poetic translation.

Key words: Poem, poetry, rhyme, translation, Okudzhava

References

1. Chaikovsky, R.R. 1997. *Poeticheskij perevod v zerkale mnenij (15 interv'yuu)*. Magadan: Cordis. Print. (In Russ.)
2. Levij, I. 1974. *Iskusstvo perevoda*. Moscow: Progress. Print. (In Russ.)
3. Ozers, E. 1988. *Nekotorye problemy perevoda russkoj poezii na anglijskij yazyk*. Moscow: Raduga. Print. (In Russ.)
4. Paterson, D. 2006. *Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonnet an Orpheus*. London: Farber and Farber. Print.
5. Chaikovsky, R.R. 1997. *Real'nosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty)*. Magadan: Cordis. Print. (In Russ.)
6. Bly, R. 1991. *The Eight Stages of Translation*. St. Paul: Ally Press. Print.
7. Voronevskaya, N.V. 2009. “*Sonety k Orfeyu*” R.M. Ril'ke v anglijskih perevodah (istoricheskie, stihovedcheskie i perevodcheskie aspekty): diss. ... cand. philol. sciences. Magadan. Print. (In Russ.)
8. Barnstone, W. 1993. *The Poetics of Translation: History, Theory, Practice*. New Haven: Yale University Press. Print.
9. Sycheva, A.V. 2011. *Poeziya Bulata Okudzhavy v perevodah na anglijskij yazyk (istoricheskie, lingvoperevodovedcheskie i tipologicheskie aspekty)*: diss. ... cand. philol. sciences. Magadan. Print. (In Russ.)
10. *Fifteen Songs in Parallel Russian and English Texts*. 1984. Arbor: Ardis. Print.

Article history:

Received: 19.01.2019

Accepted: 09.10.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Sycheva, A.V. 2020. “Peculiarities of Reconstructing Russian Rhyme in English Translations”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 59—64. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-59-64

Bio Notes:

Anastasia V. Sycheva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Philology of North-Eastern State University. E-mail: nastik-80@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-65-77

Научная статья

Бутыль с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста»

Э.Ф. Шафранская

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

Сюжет романа Алисы Ганиевой «Жених и невеста» строится вокруг ожидаемой и несостоявшейся свадьбы — на фоне будней русскоговорящей нерусской жизни. В статье рассмотрен повествовательный ряд, сотканный из коранических и суфийских образов и мотивов, который можно рассматривать и как одну из интриг романа. Автор статьи пытается «дешифровать» мусульманский подтекст романа, надо полагать, неслучайный. В частности, рассмотрена мифопоэтика образа Халилбека, сквозного для всех текстов Алисы Ганиевой («Салам тебе, Далгат», «Шайтаны» и др.), корни которого ведут с кораническому метатексту, а именно к образу Хидра (или Хызыр-бобо). Совпадает ли писательская интенция с читательским восприятием — об этом рассуждает автор статьи.

Ключевые слова: суфизм, увайси, Хидр, символика зеленого цвета, кавказский текст, Алиса Ганиева

Все говорят: Кремль, Кремль.
Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел.
Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки

Все говорят: Халилбек, Халилбек... а я вот не пойму.
Алиса Ганиева. Жених и невеста

1. Введение

Художественное оформление обложки романа «Жених и невеста» содержит атрибуты свадебного обряда: в первом издании (2015) — белая фата, прикрепленная к клетке, недвусмысленно читается как метафора будущего заточения; во втором издании (2019) изображена со спины счастливая свадебная пара. Соб-

© Шафранская Э.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ственно, эти две обложки уже создают интригу в метатексте — они противостоят друг другу. С одной стороны, читатель получает установку: роман о грядущей свадьбе, главные роли действия вынесены в заглавие романа — жених и невеста; с другой стороны, по прочтении романа читатель понимает, что «свадебный» сюжет лишь повод, окно, чтобы заглянуть в иные сферы жизни: так развивается второй сюжет с персонажем по имени Халилбек. Возможно, именно он — главный герой.

Роман «Жених и невеста» входит в пласт русской литературы о нерусской жизни, существующей в сознании русского обывателя в виде набора ориентальных стереотипов, для которых характерно превосходство над «лицом кавказской национальности»:

Это было в девяностые. Вы не поверите, я был русский офицер, но я сочувствовал горцам, их свободолюбию. — Кажется, вы путаете девяностые с девятнадцатым веком, — засмеялась я, видя, как он завирается [1. С. 18].

Она чеченка!.. Я не чеченка... Черкешенка? Дагестанка [1. С. 17—19].

Ну, Патя, ты все-таки как русская. Не скажешь, что из Хачландии... [1. С. 153].

Содержание романа и его поэтику можно рассматривать в разных аспектах: кавказского текста русской культуры, иноэтнокультурного дискурса русской литературы, постколониальной проблематики в современной литературе, как палимпсест советских и постсоветских смыслов и реалий — все перечисленные ракурсы присутствуют в романе. Той или иной стороной они будут затронуты и в этой статье, однако ключевой фигурой нашей аналитики станет персонаж Халилбек.

2. Обсуждение

Основное действие романа (кроме экспозиции) происходит в дагестанском поселке (ни одного топонима, кроме Каспийского моря, в повествовании нет). Однако очевиден исторический факт — сталинская политика переселения народов: «Поселок, родившийся здесь лет пятьдесят назад у станции, начинался сразу за ней...» [1. С. 49] — людей насильно выселили с их родных исконных горных мест. С тех пор они утопают в пыли, а в дождливую погоду — в грязи, передвигаясь по главной улице, «Проспекту», по сути канаве, пересекающей поселок. Старики — бабушки и дедушки — еще помнят родной язык, их дети — плохо, а уж внуки говорят только по-русски, но их русский специфический, «в тютбетейке» [2. С. 33], как сказал Сухбат Афлатуни.

Другие тексты писателя Алисы Ганиевой, образующие вместе с романом «Жених и невеста» единый «ганиевский дискурс», также фиксируют постколониальные итоги. В повести «Шайтаны» утрата родного языка сопряжена с поколениями:

Бабушка про учебу спрашивает, Бика, — стали переводить девушке. — Наш язык не знает она, — оправдывался чей-то голос. — Мои тоже не говорят. Я им на своем, они на русском, — произнесла одна из собравшихся [3. С. 89].

Там же кандидат в градоначальники «после короткого аварского вступления воздел кулак и заговорил на русском...» [3. С. 116—117]. Для такого «русского

языка в тюбетейке» свойственна эндемическая лексика, например, только из контекста понятно, что означает глагол «закрыться» — надеть хиджаб («А что, Ангела закрылась?» [1. С. 91]), а также тюркизмы, арабизмы и кораническая образность.

В повести «Салам тебе, Далгат!» местный писатель Яраги оплакивает и языки, и традиции родины:

Где ты мой, Дагестан? Кто погубил тебя?.. Где языки твои, где песни твои, где вековые стихи твои? все попрано, все попрано... [3. С. 71].

Емкое слово «традиция» включает разные сферы жизни, однако в контексте романа «Жених и невеста», как и в обиходе, под ним чаще всего понимается обрядовый фольклор, а также слово это, как правило, маркировано положительной коннотацией: пропаганда, официоз, учительский дискурс призывают всех «хранить традиции», «вернуться к традициям». Не все традиции (как и собственно фольклор) гуманны и этичны [4], есть опасные, вредные, бесчеловечные и глупые традиции. Именно такие изображены в романе «Жених и невеста». Поиск женихов для невесты, невест для жениха показан у Алисы Ганиевой в комическом ключе: ищут по старинке, с отсылкой к слухам и молве, к мнению соседок и свах («Весь поселок обсуждает» [1. С. 94]; «Тут больше слухи, злые языки» [1. С. 101]), а сами молодые проверяют информацию по социальным сетям.

Я ее страницу в интернете видел. Все время саму себя фотографирует. А еще картинки: котята, дети читают Коран, статус «я — дерзкая персона с 05 региона», состоит в группе «Красоточки-дагестаночки-мусульманочки» [1. С. 61].

Помимо безобидных культурных традиций, вызывающих этнографический интерес, — строго регламентированный и необычайно театрализованный порядок свадьбы [1. С. 72–75], свадебные проклятия, известные в фольклористике как «корильные» [1. С. 169], похороны и поминки

Ну что обычно соболезнующим гостям раздают?.. Сахар по три килограмма и полотенца [1. С. 105],

...Я и носков мужских накупила два мешка на случай чего, чтобы на моих похоронах раздали [1. С. 106],

описание, как устроена люлька для младенца [1. С. 83], — в романе представлены и жестокие: убийство за прелюбодеяние [1. С. 71], локальные религиозные войны между «правильными» и «неправильными» мусульманами, исламские требования к одежде («А ты в штанах наружу тоже выходишь?.. Ты бы хоть футболку сверху спустила...» [1. С. 192]), неприятие чужой культуры («Почему на велике, почему не в костюме?» [1. С. 41], почему танго, а не лезгинка), гомофобные настроения («Мне его родные говорили, он на женщин вообще не смотрит. На борьбу не ходит. Вместо борьбы какие-то парные танцы у него, кадрили» [1. С. 57]).

Все эти традиции помещены в постсоветскую реальность — с убийством правозащитников, с «ментовским беспределом» [1. С. 54], с ксенофобной пропагандой («посмотрите, какой разврат творится в Америке и Европе» [1. С. 137]) — и в пространство глобальной цивилизации («Я тебе по блютузу пришлю» [1. С. 94]).

Для космогонической картины мира любого сообщества и во все времена характерно присутствие авторитета: тотема ли, бога, святого, им может быть как реальный человек, так и мифологический образ. На территории, о которой идет речь в романе, в XIX веке имам Шамиль «из суфийского ордена Накшбанди создал независимое государство, которое отбивало натиск русских вплоть до 1959 года» [5. С. 27]. С тех пор суфийские традиции живы, то уходя в подполье — при советской власти, то возвращаясь — в постсоветский период. Персонажи-суфии из сакральных текстов и хадисов стали персонажами фольклора, а именно прецедентных текстов и изданной коммуникации.

Одним из таких святых был Хидр (в разных локальных и языковых традициях существует иная огласовка этого имени: ХаDIR, ал-ХаDIR, Хедр, Хизр, Хызр, Хызыр, но это один и тот же персонаж коранической мифологии [6]). Это имя не раз упомянуто в романе «Жених и невеста».

В суфийской традиции существует способ передачи духовного знания — *увайси* [7. С. 43]. Одним из участников увайси был Хидр. «Он так же, как в свое время Мухаммад, унаследовал божественное знание непосредственно от Бога, и с тех пор дух Хизра (или Хидра. — Э.Ш.) обучает ему мусульманских мистиков...» [7. С. 43]. «...Для суфиев ал-ХаDIR (или Хидр. — Э.Ш.) постепенно становится прототипом муршида» [8. С. 43], т.е. учителя.

В тексте Корана имя Хидр не упоминается, однако оно есть в комментариях к Корану [9. С. 728], сделанных к Суре «Пещера». В ней идет речь о путешествующих «к слиянию двух морей» [9. С. 329] Мусе и Иисусе Навине, решивших вернуться назад по своим же следам. «Они нашли там одного из Наших слуг, / Кому мы даровали милость от Себя / И научили мудрости и знанию от Нас» [9. С. 330]. Этот «один из Наших» и был Хидр.

Муса сказал ему (Хидру. — Э.Ш.):
«Могу ль я за тобой пойти,
Чтобы меня ты научил хоть части из того
Чему научен ты об Истинном Пути?»
Но тот ответил:
«Ты не сможешь сохранить терпение со мной
И как тебе быть терпеливым в тех (вещах),
Смысл которых для тебя неясен?»
Муса сказал:
«Если Аллаху так угодно,
Меня найдешь ты терпеливым;
Я не ослушаюсь тебя ни в чем»
(Сура 18: 66—69) [9. С. 330].

И Хидр, муршид, учитель, дает уроки Мусе. Первый урок: по дороге им попала лодка, Хидр вошел в нее и продырявил ее. Муса, не сдержавшись, сказал:

«Ты сделал в ней дыру,
Чтоб потопить сидящих в ней?
Как странно поведение твое!»

Ответил тот:

«Не я ли говорил тебе,

Что ты со мной не сможешь сохранить терпенье?» [9. С. 330].

Второй урок: путешествующим повстречался на пути юноша, Хидр убил его. Муса вновь не сдержался от укоров Хидру.

Третий урок: путешествующие зашли в селение, где им не было оказано никакого гостеприимства, однако Хидр, увидев стену, которая должна была развалиться, починил ее. После этого Хидр объясняет свои поступки:

Та лодка, что я продырявил,
Принадлежала беднякам,
Которые работали на море.
Я захотел ее испортить потому,
Что позади их находился царь,
Который силою захватывал все лодки.
Юнец, (которого убил я), —
Его родители благочестивы были в вере
И мы боялись: он им горе причинит
Своим неверием и непокорством.
И мы хотели, чтоб Господь их
Дал им взамен другого (сына),
Кто будет и (душою) чище,
И милосерднее в (сыновьем долге).
А (что касается) стены (в селенье):
Она принадлежала двум юнцам-сиротам,
И был под нею клад, что им принадлежал.
Отец их был благочестив,
И потому Господь твой пожелал
Достичь им зрелости и клад извлечь
По благосклонности Господней Воли.
Я не своим решением все это совершил —
(На то была Господня Воля!)
(Сура 18: 79—82) [9. С. 331].

«Этот рассказ с двояким смыслом будет служить классическим примером того разрыва, что существует между прилюдной ролью пророка и внутренним опытом святого», — резюмирует американский исламовед Карл Эрнст [5. С. 66].

В романе «Жених и невеста» Хидр упоминается в контексте с внесюжетным персонажем по имени Халилбек. Все говорят о Халилбеке: одни воздают ему хвалу, другие — хулу. И не только в этом романе. Халилбек, для прозы Алисы Ганиевой став сквозным персонажем, фигурирует и в повести «Салам тебе, Далгат!»: в ней сюжет построен как путь юноши Далгата на встречу с Халилбеком. Далгат должен передать ему какие-то документы, он ищет его в толпе, в застолье, на собрании, вроде бы уже настиг:

Далгат... смотрел на седой затылок Халилбека и ждал, когда сможет подойти поближе и выманить его в коридор. Но тут Халилбек обернулся к Далгату и оказался вовсе не Халилбеком... [3. С. 36].

Халилбек остается неуловимым до конца повести, в загадочном финале которой к Далгату из темноты приближается неизвестный человек со словами «Салам тебе, Далгат!» (Мы еще вернемся к этому таинственному человеку.) И в повести «Шайтаны» тоже говорят о Халилбеке как об авторитетном человеке.

Так, от повести к повести и, наконец, к роману прорастает образ Халилбека. В романе он получает почти законченный социальный портрет:

...Халилбек был той еще птицей. Он не занимал ни одной официальной должности, но при этом контролировал недвижимость в поселке и в городе, а также — чиновников всех мастей. Он являлся одновременно во все кабинеты, издавал собственные книги по благоустройству и процветанию всего мира, командовал бюрократами, якшался, как поговаривали, с бандитами, нянчил младенцев в подопечных больницах, кружил головы эстрадным певичкам и только больше полнел и здоровел от множущихся вокруг темных слухов. Без ведома Халилбека никто в округе не решался начать свое дело, купить участок, провести конференцию. Он вникал в дела, казалось бы, самые мелкие и вместе с тем стоял, если верить молве, за главнейшими рокировками, пропажами и судьбоносными решениями [1. С. 36].

Романная интрига разворачивается вокруг новой фазы в биографии Халилбека: его посадили в тюрьму. Выпустят — не выпустят, виновен — не виновен, одни на стороне Халилбека, другие против. Он ведь мальчика задавил; построил неблагодарным жителям поселка растленное казино (правда, его вскоре закрыли и отдали под детский приют); катер топором продырявил, чтобы его не конфисковали. Все эти «подвиги» нам уже знакомы по коранической мифологии — это уроки Хидра. Не только поселяне в сомнениях и догадках («А Халилбек... Он же, говорят, — Хидр... Что такое Хидр?.. Это же святой, наставник пророка Мусы... И появляется он в каком хочешь виде. Но чаще в зеленой одежде» [1. С. 188]), но и представители академической среды («Говорят, например, что он бессмертный. Что он — какой-то Хидр. — Перестань, да какой Хидр!.. А что? Это интересная тема... мифологизация живых современников... Он приходит в любом виде. Может и в виде жука, только зеленого. — Почему именно зеленого?.. Так говорит предание. Хидр — помощник людей, но люди обычно этого не понимают» [1. С. 250—251]).

В переводе с арабского Хидр — зеленый. Его имя связано «с растительным миром» [6]. На поселковой ферме упали надои молока, «а тут как раз Халилбек в поселок приехал. Идет с какой-то веточкой мимо фермы. Увидел, поговорил с командиром, погладил коров — и все. Молоко пошло» [1. С. 193].

Читатель знакомится не с собственно Халилбеком, а с мифологией о нем. О Халилбеке знают, о нем говорят, но встречаются с ним далеко не все. Его имя и дела, добрые и худые, ему приписываемые, — синтез локальных и коранических мотивов.

А вы знаете, — заговорщически понизила голос соседка постарше, — что про Халилбека говорят... А то, что он — святой, не слышали?.. В тюрьме от Халилбека даже на соседние камеры баракат исходит [1. С. 185—186].

Кому же из персонажей романа посчастливилось встретиться с Халилбеком (он же бессмертный Хидр) — отдельная интрига сюжета. Ключевое слово, свя-

занное с Хидром, — зеленый. В романе появляется человек «в зеленом» (и не только человек, он ведь «приходит в любом виде. Может и в виде жука, только зеленого») в начале повествования и в финале, а также в середине. Цвет множится в оттенки зеленой палитры: «салатовый», «изумрудный», «защитный». Теоретики суфизма Средневековья разработали целую систему семантизации цвета, связанную с телом человека и мистическим переживанием [5. С. 144–145]. Так, зеленому цвету — по системе братства Накшбанди — соответствует субстанция «совесть», расположенная в середине груди, а по системе братства Кубрави зеленый цвет — субстанция «истина», присущая человеческому типу «Печать Пророков» [5. С. 145].

Первое описание человека «в зеленом» сделано глазами рассказчицы. Надо отметить, способы повествования всех глав романа (их тринадцать) перемежаются: одна глава — от героини-рассказчицы, по имени Патимат, Патя, другая — от лица всеведущего повествователя. Главы “Ich-Erzählung” посвящены Пате, невесте; главы от повествователя — Марату, жениху. Каждый из них по своим личным обстоятельствам оказывается в родном поселке, приехав туда из Москвы; до поры они незнакомы; родители Марата срочно хотят его женить, так же судьбоносно — сейчас или никогда — хотят выдать замуж Патю. Хотят ли этого Марат и Патя? До встречи друг с другом не хотят. Каждый ищет свой путь в жизни, а судьба уготовила каждому из них Путь. Именно этим персонажам предначертано встретиться с Халилбеком.

На подмосковной даче, незадолго до приезда в родной поселок, Патя встречается с человеком «в зеленом»:

Из-под дерева за нами внимательно наблюдал мужчина лет пятидесяти, ничем, кроме зеленого плаща, не примечательный... Мужчина вытащил из непонятно откуда взявшейся старой авоськи большую бутылку с самодельной этикеткой, на которой виднелась буква «икс», а дальше неразборчиво [1. С. 16].

Все в этой «странной и неправдоподобной» [1. С. 65] ночевке на даче было для Пати как во сне или в тумане. Она пила вино из этой самой бутылки с наклейкой «Икс» («икс» — графический образ, это кириллическая X, читатель в конце концов догадывается, какие буквы были дальше: то ли Хидр, то ли Халилбек). Пила вся компания. Рассказывали притчи, проводили спиритический сеанс, то и дело повторяли, что «истина в вине». По прочтении романа читатель понимает, что все не случайно: Хидр отметил Патю, он выбрал ее себе в ученики. Как оказался мусульманский святой, праведник на подмосковной даче? К способностям святого, помимо прочего, относится «нахождение одновременно в двух местах» [5. С. 100]. Для святого не существует земной топографии. Хидр запомнил Патю, когда встретил ее восьмилетней девочкой, он был в облике Халилбека, так что если кто и видел Халилбека, в отличие от всех остальных романских персонажей, то это Патя. Вот ее рассказ:

Халилбек был там (в питейной. — Э.Ш.) в кругу завсегдатаев, невысокий, плотный, с круглым незапоминающимся лицом... Он взял со стола бокал из толстого зеленого стекла, протянул его мне... — Это вино. Детское, совсем слабенькое.

Халилбек смотрел на меня сверху вниз большими внимательными глазами, и я взяла его зеленый бокал, окинула взглядом собравшихся и выпила бурую, кислую

жидкость залпом... Вино Халилбека сотворило со мной странную штуку. Я заболела, но не чувствовала ни слабости, ни жалости к себе, ни плаксивой раздражительности. Мне вдруг стало светло и спокойно, а еще — совершенно ясно, что ничего ровным счетом не важно [1. С. 146—147].

И опять зеленый цвет, метонимически, посредством зеленого бокала, указывающий на сущность Халилбека — святого Хидра.

Почти два одинаковых состояния после принятия вина из рук Хидра испытала Пятя: один раз, когда ей было восемь лет, второй — двадцать шесть. Пятя прошла два этапа инициации в мир увайси, в мир суфийского знания, где вино — одно из средств приближения к Богу. Во славу винопития все поэты-суфии слагали гимны. Вино, несмотря на запрет в обыденной жизни мусульман, присутствует в пространстве коранического рая:

Поистине, для почитателей Аллаха
В Раю — пристанище благое:
Сады и виноградники,
И девы-сверстницы с округлыми грудями,
И чаши, полные до края
(Сура 79: 31—34) [9. С. 614].

Поистине, там праведники пребывать в блаженстве будут.
На возвышающихся ложах
Откроется им созерцанье (всех вещей).
Ты в лицах их узнаешь свет блаженства.
И чистым запечатанным вином дадут им жажду утолять,
И в завершение — сам мускус
(Сура 83: 22—25) [9. С. 620].

Второй персонаж, избранный Хидром, — Марат, жених. Сразу после любовного признания, после договоренности Марата и Пати о странной и скорой свадьбе 13 августа, к Марату подошел некто: он

заметил спешащего к нему через солончаки одышливого человека лет пятидесяти, в накинутом не по сезону грязно-салатовом плащике... Незнакомец поднял на него хитрые пронизательные глаза и пригласительным жестом раскрыл сумку. На свет выглянула большая бутылка с искрящимся горлышком [1. С. 284—285].

Это, конечно, тот же человек, что встретился Пате в подмосковном лесочке. Детали повторяются: «лет пятидесяти», особенные глаза, сумка/авоська, бутылка; правда, плащ пообтрепался, из «зеленого» превратился в «грязно-салатовый». Симметрично с кораническим сюжетом о Мусе и Хидре развивается диалог между Маратом и человеком в салатом плаще. Если источником знания Хидр называет «Господню Волю», то в ответ на вопрос Марата «А вы откуда все это знаете?» человек в салатом плаще отвечает: «Потому что я пью вино, а в вине — истина» [1. С. 290]. «Свадьбы может и не быть. Зависит от предопределения» [1. С. 291] — так «скрытый» Хидр поднимает Марата на новую ступень знания.

И путь открывается. И Марат следует по пути. Главное — он понял это после разговора с пьяницей (но читатель знает, что это Хидр. — Э.Ш.) — именно следовать по пути. А дальше — как сложится [1. С. 294].

«Зеленый» цвет мелькает и во второстепенных деталях, мрачных (кто-то в тюремном коридоре видел Халилбека, он был разбитый, «зеленый» [1. С. 222]) и комических (в академическом кабинете идет псевдонаучный разговор о Халилбеке, вдруг в дверях появляется большая дворняга, морда которой украшена изумрудным пятном

в форме австралийского континента... Это Халилбек! Халилбек! Он нас подслушивает!.. Не бойтесь! Это зеленка. Кто-то вылил на пса зеленку [1. С. 253]).

Не каждому дано распознать святого Хидра — только избранным, только годным для увайси. Например, в Средней Азии Хидр предстает в облике старца, «одаряющего изобилием и счастьем тех, кто воочию увидит его» [6].

Но если явился к тебе однажды белый старик и сел на пороге, а ты его не заметил, и ушел он, исчез, не испробовав твоего хлеба, не смочив бороды твоим чаем, — горе тебе, о случайный мой собеседник, ибо человек тот был Хызыр-бобо... Вот я пришел к тебе и уже ухожу — узнал ли ты меня по жесту, по запаху или хотя бы по слову моему, смертному, как подорожник возле курятника?.. [10. С. 29–30] —

таково видение Хидра/Хызыра поэтом Санджаром Янышевым. И здесь, как у Алисы Ганиевой, благодати святого удостоивается женщина, «встающая до света», сорок раз переписывающая Суру «Ясин», обретшая Путь.

Имя Хидра связано с морем — именно там повстречал его коранический Муса. «Мусульмане считают Хадира (или Хидра. — Э.Ш.) покровителем путешествующих по морю» [6].

В жизни Пати наступает новый этап ее духовной инициации: она затосковала о море.

Я вспомнила, что не купалась в море с самого приезда из Москвы... А теперь вдруг приспичило. В море, в море... [1. С. 272].

Но сначала Пятя обращается к своей бабушке: помоги, научи. Бабушка, как персонаж мифологического цикла, передающий свою мудрость внучке, как носитель сакрального архаического знания, подталкивает внучку к морю:

Ты же видела море?.. Кто обычно сидит на суше? Знатоки законов... Но есть те, которые ищут истину. Они заходят в море и ныряют за жемчугом на самое дно. Они — путешественники. И еще существуют третьи. Которые плавают в лодках, потому что так безопаснее...

— И кто такие эти третьи?

— Дошедшие до конца пути... Вот ты, я вижу, хочешь отправиться в путь, нырнуть за жемчугом, а мать твоя осталась на берегу. Тебе выбирать: остаться или двигаться [1. С. 270].

И Пятя выбирает море. Свадьба не случилась. Пятя, избавившись от неудобного свадебного платья, быстро переодевается в балахон и сначала едет, потом бежит к морю.

Станет легче, обязательно станет легче... А море становилось ближе и ближе, ближе и ближе [1. С. 314–315].

В суфийско-мифологической рецепции поступка Пати она обрела свой Путь; в реалистической — финал открыт.

То же и с Маратом, женихом Пати. Свадьба не состоялась, жениха похитили. Его подозревают в связи с ваххабитами, на него доносит завистливая и мстительная женщина, его пытается «утомившийся от избиений и мата» [1. С. 316] следователь. Марат, истерзанный, впадает в беспамятство: его посещают видения или сон, где он встречается с Хидром, что, по утверждению Джона С. Тримингэма, английского востоковеда, чрезвычайно важно [8. С. 192]: появление во сне ал-Хадира (или Хидра) «считалось решающим доводом, позволяющим избранному обосновать свое право на самостоятельный мистический Путь» [8. С. 224].

Маски сняты: на морском берегу Халилбек подливает Марату вино, неловко капающая «на свою защитного цвета футболку» [1. С. 315]. Марат обрел учителя, муршида, встал на путь увайси, как и Патя.

Некоторые суфийские практики ориентированы на повторение, тверждение слов [5. С. 127], такими словами в повествовании романа стали «тринадцатое августа», день свадьбы, которая оборвалась в тринадцатой главе — это отдельный сюжет в романе, насыщенный, динамичный, материализованный локальными этнографическими деталями и приметам глобальной культуры, проблемами постсоветского существования. Ожидание читателя, заданное обложкой и заглавием романа, не оправдалось, «и жили они счастливо...» не случилось.

Другой сюжет в романе — мистический, связанный с рефлексией главных персонажей. Рефлексия выражена неявно, обозначена полунамеками, полужразами. Именно она мотивирует встречу с таинственным человеком «в зеленом», муршидом, учителем. (Возможно, именно он приближался из темноты к Далгату в повести «Салам тебе, Далгат!».) В этом сюжете финал обнадеживающий: герои, став избранниками учителя, нашли свой путь. Финал также открытый. (В мистический сюжет романа встраивается и убийство Русика-гвоздя: с одной стороны, реалистический, это бандитские разборки, замешанные на гомофобии, с другой — архетипическое неприятие в исламском мире убежденных суфиев, выступающих против регламентации в поисках Бога. Русик вышел на улицу с плакатом «Я агностик». Об исторических параллелях такой казни можно см. здесь: [11. С. 11—12].)

Заключение

Рассмотренный повествовательный ряд, сотканный из коранических и суфийских образов и мотивов, — одна из интриг романа Алисы Ганиевой «Жених и невеста». Возможно, кто-то из читателей не сочтет нужным погружаться в этот ряд, ведь главный сюжет романа об ожидаемой и несостоявшейся свадьбе — на фоне будней русскоговорящей нерусской жизни — вполне самодостаточен. Тем не менее мусульманский подтекст романа неслучаен, он был необходим автору, который волей исторических «кульбитов» (или процессов, называемых колониальными и постколониальными) вписан в парадигму бикультурной, биментальной и билингвальной картины мира. Русская культура и литература вытекает не только из христианских архетипов, но и мусульманских, особенно в той истори-

ко-литературной фазе, которая начала свой отсчет с захвата Кавказа Российской империей вплоть до наших дней. Так, русский писатель Алиса Ганиева (как и другие авторы, находящиеся в стихии двух культур и языков) играет в современном литературном процессе, помимо прочего, роль медиатора между литературной метрополией (условно) и ее российскими окраинами.

Список литературы

1. *Ганиева А.* Жених и невеста: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
2. *Афлатуни С.* Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повесть-притча // Октябрь. 2006. № 9. С. 3–63.
3. *Ганиева А.* Салам тебе, Далгат!: Повесть, рассказ, эссе. М.: АСТ: Астрель, 2010.
4. *Дандес А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Вост. лит., 2003.
5. *Эрнст К.* Суфизм / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.
6. *Пиотровский М.Б.* Хадир // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2.
7. *Хисматуллин А.А.* Суфизм. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003.
8. *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А.А. Ставиской; под ред., предисл. О.Ф. Акимускина. М.: София; Гелиос, 2002.
9. Коран / пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. М.: РИПОЛ классик, 2004.
10. *Янышев С.* Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017.
11. *Андре Т.* Исламские мистики / пер. с нем. В.Г. Ноткиной. СПб.: Евразия, 2003.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.12.2019.

Дата принятия к печати: 08.01.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шафранская Э.Ф. Бутыль с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 65–77. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-65-77

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

The Bottle Inscribed with “X”, or Search for the Unknown in Alisa Ganieva’s Novel “The Groom and the Bride”

E.F. Shafranskaya

Russian state University for the Humanities
6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation
Moscow Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

The plot of Alisa Ganieva’s novel “The Groom and the Bride” is built around the expected and failed wedding, given against the background of everyday Russian-speaking non-Russian life. The article considers a narrative series woven from Quranic and Sufi images and motifs which can be considered as one of the intrigues of the novel. The author of the article tries to “decipher” the Muslim subtext of the novel, which, presumably, is not accidental. In particular, the mythopoetics of the image of Khalilbek is examined, perforating for all texts of Alisa Ganieva (“Salam, Dalgat”, “Shaitans”, etc.), whose roots lead to the Quranic metatext, namely to the image of Khidr (or Khizir-Bobo). Whether the writer’s intention coincides with the reader’s perception is argued by the author of the article.

Key words: Sufism, uwaisi, Khidr, symbolism of green color, Caucasian text, Alisa Ganieva

References

1. Ganieva, A. 2019. *Zhenih i nevesta: Roman*. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoj publ. Print. (In Russ.)
2. Aflatuni, S. 2006. Glinyanye bukvy, plyvushhie yabloki: Povest’-pritcha [Clay letters, the floating apples]. *Journal Oktyabr’*. 9: 3—63. Print. (In Russ.)
3. Ganieva, A. 2010. *Salam tebe, Dalgat!: Povest’, rasskaz, esse [Salam to you, Dalgat!]*. Moscow: AST: Astrel publ. Print. (In Russ.)
4. Dandes, A. 2003. *Fol’klor: semiotika i/ili psixoanaliz [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]*. Moscow: East literature publ. Print. (In Russ.)
5. Ernst, K. 2002. *Sufizm [Sufism]*. Translated by A. Garkavyi. Moscow: FAIR-PRESS publ. Print. (In Russ.)
6. Piotrovskij, M.B. 1992. Xadir [Hadir]. In *Mify narodov mira: Enciklopediya: V 2 t. [Myths of people of the world: Encyclopedia: In 2 t.]*. Moscow: Soviet encyclopedia publ. T. 2. Print. (In Russ.)
7. Xismatullin, A.A. 2003. *Sufizm [Sufism]*. St. Petersburg: Azbuka-klassika; St. Petersburg oriental studies publ. Print. (In Russ.)
8. Trimingem, Dzh.S. 2002. *Sufijskie ordeny v islame [Sufi ordena in Islam]*. Translated by A.A. Staviskaya. Moscow: Sofiya; Gelios publ. Print. (In Russ.)
9. Porohova, V., eds. 2004. *Koran [Koran]*. Translated by Iman Valeriya Porohova. Moscow: RIPOL klassik publ. Print. (In Russ.)
10. Yanyshchev, S. 2017. *Umr. Novaya kniga obrashhenij [Umr. New book references]*. Moscow: Art xaus media publ. Print. (In Russ.)
11. Andre, T. 2003. *Islamskie mistiki [Islamic mystics]*. Translated by V.G. Notkina. St. Petersburg: Evraziya publ. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 08.12.2019

Accepted: 08.01.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Shafranskaya, E.F. “The Bottle Inscribed with “X”, or Search for the Unknown in Alisa Ganieva’s novel “The Groom and the Bride””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 65–77. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-65-77

Bio Notes:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-78-87

Научная статья

Полилингвизм и транслитературность в контексте метафикциональных стратегий Хаида Исмайлова

Г.Т. Гарипова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Горького, 87

Статья посвящена анализу проблемы идентификации метасознания современного писателя Хаида Исмайлова в контексте современных теорий полилитературности и художественного транслингвизма. Основная цель статьи — проанализировать специфику метасознания Хаида Исмайлова в системе категорий полилингвизма, транслингвизма, полилитературности с выходом на транслитературность. На материале билингвального текста «ГЕОРГИЙ ЧЕГОДАЕВ: Вторая душа или Письмо в Лондон» идентифицируются специфичные маркеры метапрозы Хаида Исмайлова, позволяющие дефинировать его как писателя полилингвального, полилитературного, эстетизм которого предопределен восточно-русско-западной транскультурацией. Транслингвизм обозначен не как концептуальная дефиниция его творчества, но как тенденция авторской интегрированной поэтики. Такой подход в соотношении с систематикой Д. Дюришина позволяет снять идентификационные противоречия.

Ключевые слова: Хаид Исмайлов, метафикциональность, полилингвизм, транслингвизм, полилитературность, транслитературность

1. Введение

Изучение феномена сосуществования нескольких языков и нескольких литературных систем в рамках творчества одного писателя в новых лингвосоциокультурных реалиях XXI века предполагает активацию теории взаимовлияния и взаимодействия различных национальных лингвосистем, в состав которых так или иначе входит мононациональная лингвокультура, формирующая условия художественного транслингвизма (на основе неродного языка, например, русский или английский художественный транслингвизм). Основаниями такого вхождения может быть абсолютное множество собственно лингвистических, экстралингвистических и транслингвистических факторов (геополитические и экономические условия, этнокультурное единство и социокультурный генезис и т.д.). Возникающие полифонизм и синтетизм, как тенденции современного литера-

© Гарипова Г.Т., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

турного процесса, ставят перед исследователями актуальную проблему выявления специфики соотношения в творчестве писателя, владеющего несколькими языками и использующими их в своей трансперсональной художественной системе, таких понятий, как би- или полилингвизм, би- или полилитературность с появившимся недавно феноменом художественного транслингвизма. Отсюда *цель* статьи — обоснование проблемы идентификации уровней *событования* родного языка и иных языков в художественной системе автора, пишущего на нескольких языках и использующего их для реконструкции национальной, инонациональной или мультикультурной миромодели. Концептуальными являются задачи определения Х. Исмайлова как писателя полилингвального и/или транслитературного, но соотносимого с элементами транслингвизма; рассмотрение метафигуральности как стратегии построения авторского метатекста, позиционирующего метасознание *Homo narrans* (Человек рассказывающий), в том числе в билингвальных текстах. Историко-литературный анализ творчества Х. Исмайлова в контексте систематики «особых межлитературных общностей» Д. Дюришина [1] и современных концепций транслингвизма, интегрированный с лингвопоэтическим исследованием метафигуральной стратегии, организующей билингвальные тексты по принципу транслитературности, представляется новационным.

Трансформационные процессы постсоветской эпохи породили целый ряд интегративных би-, поли-, транслингвальных модификаций, реализующих принцип прямого или опосредованного слияния/вхождения/растворения родного языка и трансдоминантной лингвокультуры. Наиболее интенсивным среди этих процессов является би-, полилингвизм с выходом на коррелирующие, но не тождественные явления транслингвизма, полилитературности, мультикультурализма, связанные с эстетической задачей представления той или иной национальной картины мира через вербально презентуемый образ. Проблема художественного транслингвизма актуализирует вопрос дифференциации «национального» и «наднационального» в полилингвальном пространстве, где принцип языковой презентации является идентификационным критерием эстетики писателя, а национальная картина мира (Г. Гачев) дефинирует генезис метасознания. Так, Х. Исмайлов, использующий в своей полилингвальной эстетической системе узбекский, русский, английский, французский и другие языки для построения авторской художественной модели мира, одновременно является писателем наднациональным (тем более что в ряде произведений репрезентирует мультикультурность героя — «человека мира»), но и национальным, поскольку пракоды его авторской трансперсональной картины мира и «мироподобного» эстетизиса соотносимы с узбекским языковым и художественным национальным сознанием.

2. Обсуждение

Проблема контаминации транслингвизма и полилитературности. В современной гуманитарной науке вопрос, связанный с проблемами дефиниции и идентификации художественного транслингвизма, решается неоднозначно и связан с проблемой выявления доминанты в художественном дискурсе. Вопросы теоретизации художественного би-, поли-, транслингвизма сегодня активно изучаются филологами. Так, З. Прошина, С. Канагараджа, М. Тлостанова, А. Туманова считают

идентификационным критерием использование неродного языка в процессе создания текстов при сохранении национальной идентичности. При этом процессы контаминации и комплементаризации неизбежны. Другие подчеркивают, что использование неродного языка вносит и определенные коррективы в национальный художественный мирозобраз. По мнению У. Бахтикиреевой, языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур [2. С. 94—95].

Е. Лебедева и Т. Лупачева, проводя в своем исследовании анализ различных подходов к решению данной проблемы, выдвигают тезис о том, что рамках данного феномена может возникать специфичная форма «национальной литературы»: «В XX веке появляется новый тип писателей, которые выбирают английский язык для творческого самовыражения, чтобы значительно расширить свою читательскую аудиторию. Вместе с тем они остаются в рамках родной им культуры. Таким образом, возникает мировая англоязычная литература, созданная представителями совершенно разных лингвокультурных сообществ» [3. С. 347].

В. Кабакчи для описания ситуации с доминированием определенного языка вводит понятие «вторичной культурной ориентации» и говорит о необходимости его использования «в качестве вторичного средства описания родной культуры» [4. С. 70]. Однако в случае с полилингвальными писателями (как, например, Х. Исмаилов) эта концепция создает ряд проблемных зон, поскольку возникает вопрос о наличии «третичной культурной ориентации» и т.д. В этой связи наиболее приемлемым нам представляется использование термина «транскультурность» или «транскультуральность», которая, по терминологии З. Прошиной, предполагает одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них. В результате транскультурации возникает новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур через преодоление замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций [6. С. 158].

В современном литературном процессе представлены писатели, которые в результате транскультурации, маркированной полилингвильностью и полилитературностью (термин Д. Дюришина), создают такую «новую сферу» литературного текста, в котором прослеживается *со*присутствие сразу нескольких сознаний-идентичностей авторского Я.

На наш взгляд, Х. Исмаилов, долгое время имеющий статус английского «писателя-резидента», сегодня уже больше известный в англо- и франкоязычном литературном мире, вполне соотносится с подобной транслитературностью, возникшей в силу метакультурного эстезиса — на русском (английском) языке в системе восточного и/или западноевропейского художественного сознания об узбекской/русской традиции. Роман Исмаилова «Железная дорога», написанный до его отъезда из Узбекистана, был первой его книгой, переведенной на английский (опубликованный в 2006 году перевод Роберта Чендлера получил призы AATSEL и “Rossica”). Русское издание было опубликовано в Москве в 1997 году

под псевдонимом Алтаэр Магди. На английском и других европейских языках были также опубликованы другие тексты, ранее написанные на узбекском или русском языках: роман «Дорога к смерти больше чем смерть» (в переводе Эндрю Бромфилда «Поэт и бин Ладен», 2012 г.), триптих романов «Мбобо» (The Underground), «Поиск души в Гугле», повесть «Павшие жизнью храбрых», книга «Вундеркинд Ержан» (в переводе Эндрю Бромфилда “The Dead Lake” «Мертвое озеро», Peirene Press, 2014 год), роман «Жинлар базми» («Дьявольские игры») (в переводе Дональда Рейфилда и Джона Фансона “The Devils’ Dance”, Tilted Axis Press, 2018 год) и др.

Х. Исмаилов одновременно может быть представлен как узбекский писатель (пишет на узбекском, его творчество является фактом узбекского литературного процесса), русский писатель (пишет на русском языке и активно печатается в российских журналах); кроме того, он пишет на английском, французском языках, несколько лет пребывал в статусе английского писателя-резидента. Художественное сознание Хамида Исмаилова определяется социокультурным размыканием границ языковых и художественно-национальных картин мира, коды которых в полной мере представлены в его творчестве.

Феномен поли- и транслитературности: проблема идентификации. Узбекские литературоведы при изучении подобного художественного феномена начиная с 90-х годов XX века активно используют теоретическую систематику словацкого ученого-компаративиста Д. Дюришина, позволяющую идентифицировать творчество разноуровневых писателей би- и полилингвов в рамках понятия «особая межлитературная общность» — определенное единство, своего рода синтез разнонациональных художественных систем, обусловленный различными внелингвальными обстоятельствами как предпосылки авторской полилитературности. В подобных системах элементы транслингвальности вполне закономерны. Полилитературные авторы могут использовать несколько лингвокультур, детерминированных условиями «особой межлитературной общности». Эти процессы взаимоперетекаемы и комплементарны динамике «межлитературных» ситуаций и могут быть обозначены как транслитературные, поскольку остаются в рамках эстезиса родной литературы, но ретранслируют ее смыслы в системе разных инолингвокультур и литературных этнопоэтик. С. Каганович считает, что теория Дюришина практически универсальна и позволяет максимально расширить поле исследования. Так, мы считаем возможным рассматривать как один из «изводов» русско-восточной межлитературности взаимодействие русской литературы с Востоком — и не только с его литературой и культурой, но и шире — с восточным национальным миром в целом [5].

Творчество Х. Исмаилова рассматривается нами в парадигме нескольких «особых межлитературных общностей» — русско-узбекской, восточноевропейской и западноевропейской. Процесс формирования транслитературного статуса писателя в рамках мировой литературы открыт, поскольку связи в «особых межлитературных общностях» чрезвычайно подвижны, периодически расширяются, распадаются, формообразуются в иной системе. В постсоветской «межлитературной общности» русская литература может выступать фактором центрации одновре-

менно нескольких типов — для восточных стран она входит в систему европейской межлитературной общности, для западной литературы чаще соотносится с восточноевропейской и средназиатской. Х. Исмаилов на определенном этапе становления своей художественной системы соотносился с русско-восточной (советской узбекской) межлитературной общностью, но, эмигрировав из Узбекистана, находясь долгое время в России и проживая до 1992 года в Лондоне, расширяет билитературную принадлежность до полилитературной и, следовательно, реализует транскультурацию, «связанную с процессом вхождения в состояние транскультуральности» [6. С. 158]. Его творчество развивается в системе нескольких национальных традиций и «особых межлитературных общностей» — узбекской, русской, русско-восточной, западноевропейской. Важно учитывать, что между русско-узбекской и западноевропейскими межлитературными общностями нет общего языка. Вопрос о транслитературном характере Хаида Исмаилова продолжает оставаться гипотетическим и открытым. З. Хегедюшова отмечает, что наличие общего языка в других общностях также увеличивает возможность возникновения двойной литературной принадлежности. В условиях монолингвизма двойную принадлежность определяет психическая склонность, выраженное или хотя бы ощущаемое интеграционное стремление автора [7. С. 67].

П.М. Мирза-Ахмедова акцентирует необходимость концептуализировать не собственно лингвистическую поливалентность, а именно художественно-эстетическую. Процесс усвоения литературной системы предполагает усвоение устойчивых элементов поэтики, поэтической речи и образности, т.е. всей совокупности эстетических форм, которые характеризуют эту систему. Двойная литературная принадлежность — это органическая принадлежность творческой личности, ее творчества или его частей к двум или нескольким литературам [8. С. 79].

Несомненно, что предпосылками двойной литературной принадлежности, «двудомности» писателя является в первую очередь полилингвизм, во вторую — способность в инонациональную лингволитературную систему вписать свою авторскую традицию и обеспечить их комплементарность. Многие исследователи отмечают, что основной темой транслингвальных произведений является тема эмиграции и жизни в иной культурной среде, что и диктует писателю выбор соответствующих языковых средств [3. С. 353].

В творчестве Х. Исмаилова эта тема приобретает набоковский характер — миграция как потеря Сада, своего рода «потерянного рая». Его обретение через слово, культуру и есть форма его возвращения. Одним из таких средств для Х. Исмаилова становится метафикциональность, реализованная в его эстетической системе на разных уровнях текста.

Метафикциональные стратегии транслитературности. Узбекский язык и культура отчетливо «гранулированы» во всех текстах Х. Исмаилова при помощи различных игровых метафикциональных сигналов (фонетических, семантических, образных) и стратегий (композиционных, нарративных, сюжетных). Возможно, что генезис его метапрозы восходит прежде всего к метафикциональным принципам поэтики полифонического романа А. Кадыри и только потом соотносится с современными постмодернистскими установками на метафикциональный

гипертекст. Личностное сознание Хамида Исмаилова определяется национальной картиной мира узбекского народа и детерминирует его нарративные стратегии, локализуемые в метатексте писателя в языке и «внутреннем» культурном тексте (текст в тексте).

Метафикциональность становится важнейшим эстетическим принципом в моно-, би- и транслингвальных текстах, функционально организует единый метатекст творчества Х. Исмаилова и детерминирует характерную нелинейность и процесс ветвления текста в другие тексты как особую форму выражения сознания человека, отъединенного в силу ряда внешних причин от национальной генетической традиции и в то же время постоянно реконструирующего его «мироподобных» текстовых системах. Национальная картина мира, реализованная средствами родного и других языков и литературных систем составляет основу писательской философии «обескорененного» человека.

Принципы метафикциональных стратегий в билингвальном тексте. Наибольший интерес для нас в связи с проблемой транслингвизма и транслитературности представляет билингвальный (русско-английский) текст повести «ГЕОРГИЙ ЧЕГОДАЕВ: Вторая душа или Письмо в Лондон». Метафикциональная мистификация «множащегося» автора (концепированный автор, автор-герой, автор-мистификация и т.д.) усиливает свойственный писателю эффект рефлектирующего самоповествования, поддержанного характерной «гетерогенностью», семантизированной ономастикой «внутреннего текста». Х. Исмаилов репрезентирует во «внешнем тексте» повести письмо Георгия Чегодаева (гетероним, альтер эго автора), переданное ему переводчиком Р. Чандлером (реальное лицо), в котором описана «история поисков» Х. Исмаилова — литературоведа-диссидента, автора доклада о повести А. Платонова «Джан»:

И вдруг в октябре позапрошлого года я узнал, что чуть раньше была какая-то конференция по Платонову в Оксфорде, и некто по имени Хамид Исмаилов выступил там с докладом по «Джану». Вы, наверное, уже поняли, что именно ее я и взял в эпиграфы. И вы, конечно же, поймете почему. В физике все держится на изначальных принципах, как в геометрии на аксиомах [9].

Подобная логика объединяет все (вне зависимости от языка, жанра, литературной принадлежности) тексты Х. Исмаилова в систему единого метатекста, аксиоматически кодирующего национальное узбекское сознание в «некий инвариант единой судьбы» [10. С. 5] в межлитературном пространстве, трансформированный в метафикциональный гипертекст и представленный в нескольких полилингвальных нарративах (по определению писателя, формах сказительства *Nomo narrans*) — на узбекском, русском, английском, французском языках и в иноязыковых самопереводах.

Писатель персонифицирует фантомы сознания своего героя, оживляет их и дает им нарративную самостоятельность, поддержанную билингвальной дискурсивностью. В основной текст «внешнего сюжета» писем на русском языке вписан литературоведческий текст анализа Георгия Чегодаева повести А. Платонова с эпиграфами и «внесюжетными» вставками доклада разыскиваемого Х. Исмай-

лова на английском языке, «анализирующего» те же самые «локусы» текста А. Платонова в системе стилистики эссеистического дискурса, маркированного литературоведческой аналитикой и исповедальностью:

Я технарь и словесам не обучен, но Вы наверняка видели в своей жизни обугленный трансформатор, так вот я чувствовал себя подобной силовой установкой, которая от замыкания перегорела навсегда... I tried, but couldn't imagine this picture as a picture; it is the invention of Platonov himself, and this characteristically Sufi intention to see beyond good and evil, to look through conventional or traditional truths may be read as the main theme of Dzhan. The story's title, "Dzhan" — a word that Platonov himself glosses as "a soul that searches for happiness", could hardly be more Sufi: the soul's search for happiness, for its own perfection, is the ultimate definition of Sufism [10].

В повести «Джан» А. Платонов создает вымышленный экфрасис картины, в образно-символической системе которой зафиксированы мифоконцепты суфизма. Х. Исмаилов создает метафигуральный «экфрасис об экфрасисе» — он разворачивает литературоведческий анализ на английском языке картины А. Платонова, но предваряет это «русскими» воспоминаниями героя о некогда проданной Савицкому (реальный основатель андеграундного «Государственного музея искусств имени И.В. Савицкого») картине с тем же сюжетом-образом. Так суфийская базисная «восточная» составляющая транслитерирована через транслингвизм «двойной модальности» (русский и английский), функционально работающий как основной культурный маркер родной национальной традиции, центрирующей авторское этнометасознание через биязыковую нарратацию. Подобная стратегия расширяет задачи транслингвизма и позволяет говорить о транскulturации (суфизма в систему русской и западноевропейской художественных парадигм), усиленной в тексте повести за счет двойной ономастической номинации «Суфизм»-«Sufism»; использования перевода-посредника лексемы «джан» (вост., узб) — «душа, ищущая счастье» (русский перевод с конкретизирующей семантикой) — "a soul that searches for happiness" (английский перевод второй номинации); аллюзий на многочисленные прецедентные тексты и газетные статьи. Транслитерация метакодов авторского сознания, позиционируемых национальной суфийской философией, сразу в систему двух языков — русского и английского, и двух литератур — в рецептивном поле «русского сознания» А. Платонова и «английского сознания» переводчика Роберта Чандлера, за счет включения символических мифообразов (в том числе — экфрасиса), обладающих этнокультурной коннотацией, в архитектуру полидискурсивного билингвального текста с яркой выраженной «гетерогенной» субъектной организацией реализует многоуровневую транскulturацию.

3. Заключение

Э.Ф. Шафранская подчеркивает, что «писатель, находясь в зоне двух, а то и трех языков (и метаязыков), способен создать в художественной форме модель мира одного народа...» [10. С. 6]. Творчество таких писателей выходит за рамки национальных литератур и приобретает «наднациональный» статус, несмотря на

акцентацию, пусть в иной иноязычной и этнолитературной системах, национального языкового и художественного сознания. Например, Хамид Исмаилов, который пишет на русском, турецком, английском, французском языках, оставаясь в рамках родного языка и культуры, разрушая в системе авторской метапрозы культурные границы и выходя в открытое транслитературное и — шире — транскультурное пространство, таковым и является. Этот подход снимает вопрос о его литературной принадлежности — русского поэта и этнического узбека [11], который в силу своей полидомности пребывает всегда в диссипативном, открытом пространстве мирового транслитературного поля. И в этом заключена его абсолютная металитературность, которая мыслится вне привычных схем художественного транслингвизма.

Список литературы

1. *Дюришин Д.* От единичной литературы — к межлитературности // Особые межлитературные общности — 5. Ташкент: Фан АН РУз, 1993. С. 9–40.
2. *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 94–95.
3. *Лебедева Е.С., Лупачева Т.А.* Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 347–357.
4. *Кабакчи В.В.* Литератор между двух языков и двух культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 70–75.
5. *Каганович С.Л.* Русская поэзия первой трети XIX века и Восток: Комплементарная функция русско-восточной межлитературности: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1997. URL: <https://www.disserscat.com/content/russkaya-poeziya-pervoi-treti-xix-v-i-vostok-komplementar-funktsiya-rus-vost-mezhliteraturno> (дата обращения: 17.10.2019).
6. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
7. *Хегедюшова З.* Двойная литературная принадлежность в межлитературной общности // Особые межлитературные общности — 5. Ташкент: Изд-во «Фан» АН РУз, 1993.
8. *Мирза-Ахмедова П.М.* Проблема билитературности и двойной литературной принадлежности в межлитературном процессе // Особые межлитературные общности — 5. Ташкент: Фан АН РУз, 1993.
9. ГЕОРГИЙ ЧЕГОДАЕВ: Вторая душа или Письмо в Лондон // Собрание утонченных. URL: <http://library.ferghana.ru/uz/cheg1.htm> (дата обращения: 19.11.2019).
10. *Шафранская Э.Ф.* Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова: национальные образы мира. М.: УРСС, 2005.
11. *Костырко С.* Сетевая литература. О романе Алтаэра Магди «Собрание утонченных» и о «статусе кроны» русской литературы. О «виртуальной Фергане». Об Интернете как книгоиздателе // Новый мир. 2000. № 11. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_11/Content/Publication6_4464/Default.aspx (дата обращения: 06.12. 2019).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Гарипова Г.Т. Полилингвильность и транслитературность в контексте метафигиональных стратегий Хаида Исмайлова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78—87. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-78-87

Сведения об авторе:

Гарипова Гульчира Талгатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Research Article

Polylingualism and Transliterality in the Context of Hamid Ismailov's Metafictional Strategy

G.T. Garipova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
87, Str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

The article is devoted to the problem of identifying meta-consciousness of the contemporary writer Hamid Ismailov in the context of contemporary theories of polylingualism and transliterature. The main purpose of the article is to analyze the specificity of Hamid Ismayilov's meta-consciousness in the system of categories polylingualism, translanguism, polyliterarity with an exit to the author's aesthetics of transliterarity. On the basis of the bilingual text "GEORGY CHEGODAEV: the Second soul or a Letter to London" specific markers of Hamid Ismayilov's metaprose are identified, which allow to define him as a writer of polylingual, polyliterarity, whose estesis is predetermined by the East-Russian-Western transculturation. Translingualism is designated not as a conceptual definition of his work, but as a trend of the author's integrated poetics. This approach is in correlation with theory of D. Durisin allows to remove the identification of contradictions.

Key words: Hamid Ismailov, metafictionality, polylingualism, translanguism, poliliterature, transliterarity

References

1. Djurishin, D. 1993. "Ot edinichnoj literatury — k mezhliteraturnosti". *Osobyje mezhliteraturnye obshhnosti* 5: 9—40. Print (In Russ.)
2. Bakhtikireeva, U.M. 2015. "Russkoyazyichie kak aktualnaya mezhdistsiplinarnaya problema". *Sotsialnyie i umanitarnyie nauki na Dalnem Vostoke*. 1 (45): 94—99. Print (In Russ.)
3. Lebedeva, E.S., Lupacheva, T.A. 2019. "Sravnitel'nyj analiz lingvostilisticheskikh osobennostej tvorchestva pisatelej-translingvov". *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. 16 (3): 347—357. Print (In Russ.)
4. Kabakchi, V.V. 2016. "Literator Mezhdou dvuh jazykov i dvuh kul'tur". *Social'nyie i humanitarnyie nauki na Dal'нем Vostoke*. 2 (50): 70—75. Print (In Russ.)

5. Kaganovich, S.L. 1997. “Russkaja poezija pervoj treti XIX veka i Vostok: Komplementarnaja funkcija rusko-vostochnoj mezhliteraturnosti”. Diss. ... Thesis. Web. URL: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-poeziya-pervoi-treti-xix-v-i-vostok-komplementar-funktsiya-rus-vost-mezhliteraturno> (accessed: 17.10.2019).
6. Proshina, Z.G. 2017. Translingualism and its Application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 14(2): 155–170. Print (In Russ.)
7. Hegedjushova, Z. 1993. Dvojnaja literaturnaja prinadlezhnost' v mezhliteraturnoj obshhnosti *Osobyje mezhliteraturnye obshhnosti*. 5: 67–78. Print (In Russ.)
8. Mirza-Ahmedova, P.M. 1993. “Problema biliteraturnosti i dvojnnoj literaturnoj prinadlzhenosti v mezhliteraturnom processe”. *Osobyje mezhliteraturnye obshhnosti*. 5: 79–90. Print (In Russ.)
9. Chegodayev, G. Vtoraja dusha, ili Pis'mo v London in *Sobranie utonchennyh*. Web. URL: <http://library.ferghana.ru/uz/cheg1.htm> (accessed: 19.11.2019). Print (In Russ.)
10. Shafranskaja, Je.F. 2005. *Mifopojetika prozy Timura Pulatova: nacional'nye obrazy mira*. Moscow: URSS, 157 p. Print (In Russ.)
11. Kostyrko, S. 2000. “Setevaja literatura. O romane Altajera Magdi «Sobranie utonchennyh» i o «statuse krony» russkoj literatury. O «virtual'noj Fergane». Ob Internetne kak knigoizdatele”. *Novyj mir*. 11. Web. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_11/Content/Publication6_4464/Default.aspx (accessed: 06.12. 2019). (In Russ.)

Article history:

Received: 18.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Garipova, G.T. “Polylingualism and Transliterality in the Context of Hamid Ismailov’s Metafictional Strategy”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 78–87. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-78-87

Bio Notes:

Gulchira T. Garipova, Doctor of philosophy (in philology) (PhD), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-88-100

Научная статья

Понятие «культурная идентичность» студента коми-пермяка в фокусе лингвометодики

Н.В. Медведева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

Рассматривается понятие «билингвальная личность» в отношении национально-русского билингва, уточняется понятие «культурная идентичность» билингвальной личности студента коми-пермяка в условиях высшего педагогического образования, определяются основания для диагностики культурной идентичности студента-билингва в системе этно- и социокоординат и описываются ее результаты.

Целью исследования является конкретизация понятия «билингвальная личность» студента коми-пермяка; определение показателей его культурной идентичности в системе этно- и социокоординат. Это служит основанием для моделирования обучения и формирования личности будущего учителя русского языка в вузе с позиции современных разработанных в лингвометодике подходов преподавания русского языка в условиях национально-русского билингвизма.

Методами исследования является диагностика культурной идентичности студента коми-пермяка на основе включенного наблюдения, анкетирования, интервьюирования будущих учителей русского языка в условиях высшего педагогического образования, метода шкалирования результатов в процессе обработки статистических данных.

Результаты исследования показывают, что диагностика культурной идентичности билингвальной личности студента коми-пермяка выявляет его идентификационные особенности, определяет, насколько он встроен в русскую культуру, насколько для его коммуникации гармоничен русский язык. Формирование будущего учителя на основе его культурной идентичности определяется целями и задачами подготовки к обучению школьников в билингвальной и бикультурной коми-пермяцко-русской среде. Это, безусловно, требует организации работы в русле современных лингвометодических подходов, усиления когнитивной направленности в освоении русского языка как науки. Формирование коммуникативных результатов билингва коми-пермяка в речевой профессиональной коммуникации на русском языке невозможно без развития когнитивных процессов.

Ключевые слова: культурная идентичность, бикультурная и билингвальная среда, национально-русский билингв, билингвальная личность

© Медведева Н.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

1. Введение

Исследования в современном финно-угроведении включают многочисленные труды по разработке аспектов идентичности финно-угорских народов, в том числе коми-зырян и коми-пермяков: это научные изыскания в области философии, этнологии, археологии, социологии, культурологии, фольклора, лингвистики и др. (Л.А. Белова, Т.Г. Голева, В.Н. Денисенко, Е.В. Ерофеева, А.В. Епанов, М.С. Каменских, А.А. Краузе, Н.Н. Логинова, Н. П. Миронова, В.А. Тишков, А.В. Черных, Ю.П. Шабает, Н.В. Шилов, С.С. Шляхова и др.).

М.С. Каменских, анализируя статистику последней переписи населения (2010 года) в отношении показателей, связанных с языковой идентификацией коми-пермяков, констатирует: «Интересные сведения содержат данные о сохранении коми-пермяками родного языка. На наличие родного языка указали 81049 коми-пермяков (99,9%). Из них родным коми-пермяцкий назвали 53028 (65,4%), 117 указали в качестве родного коми (0,14%), 1 — киргизский (менее 0,01%), 27874 — русский (34,4%), 1 — русинский (менее 0,01%), 22 — немецкий (0,03%). При этом 80183 коми-пермяка (98,8%) указали, что владеют еще и русским языком. Таким образом, 1,2% коми-пермяков в Пермском крае не говорят по-русски. Уровень сохранения родного языка в городской и сельской местностях серьезно отличается. Среди городского коми-пермяцкого населения только 42,36% считают коми-пермяцкий язык родным, а среди сельского населения — 76,7%» [1. С. 229—230].

Целью настоящего исследования является конкретизация понятия «билингвальная личность» студента-билингва коми-пермяка; определяются показатели его культурной идентичности в системе этно- и социокоординат. Это служит основанием для моделирования обучения и формирования личности будущего учителя русского языка в вузе с позиции современных подходов, разработанных в лингвометодике, для преподавания русского языка в билингвальных условиях Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Методами исследования является диагностика культурной идентичности студента коми-пермяка на основе включенного наблюдения, анкетирования, интервьюирования будущих учителей русского языка в условиях высшего педагогического образования, шкалирование результатов в процессе обработки статистических данных.

2. Обсуждение

На активизацию процессов би-, поликультурного и би-, полиязыкового характера в современном российском социуме не могут не реагировать педагогические науки, в частности лингвометодика, занимающаяся разработкой концепций образования с опорой на особенности би-, полиязыковой и би-, поликультурной личности, с учетом ее самоидентификации.

Проблема идентичности в современной науке тесно связана с концепциями языковой личности в разных отраслях лингвистики: лингвокультурологии (А. Вежицкая, В.А. Маслова, В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян и др.), межкультурной коммуникации (А.А. Аминова, У.М. Бахтикиреева, Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин,

С.Г. Тер-Минасова, и др.), социолингвистике и психолингвистике (Л.А. Белова, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, М.А. Лаппо, Е.П. Матузкова, В.А. Тишков, Е.С. Худякова, С.С. Шляхова и др.).

Понятие «языковая личность» определено Ю.Н. Карауловым как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [2. С. 216]. Ю.Н. Караулов выделяет три уровня в структурной модели языковой личности:

— вербально-семантический, единицами которого являются отдельные слова как единицы вербально-ассоциативной сети. Учащиеся овладевают структурно-системными связями изучаемого языка в параметрах системообразующей функции языка, направленной на решение коммуникативных задач;

— лингвокогнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей. Стереотипам на этом уровне соответствуют устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящими свое выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, крылатых выражениях;

— мотивационный, единицы которого ориентированы на прагматику и проявляются «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности» [2. С. 216].

К.З. Закирьянов, давая понятие билингвальной личности, совершенно правомерно утверждает, что она должна обладать теми же характеристиками, «что и моноязыковая личность», но при этом владеть и двумя языками, и двумя культурами. «Билингвальная личность — это не просто личность, овладевшая двумя языками как средством общения и умеющая общаться на этих двух языках, а личность, усвоившая вместе с языковыми средствами две национальные языковые картины мира, две национальные культуры. Если монолингв как языковая личность владеет языком и культурой только одного народа, то билингвальная (двухязыковая) личность владеет двумя системами языков и двумя национальными языковыми картинами мира, а значит, и двумя национальными культурами» [3. С. 501].

Национально-русская билингвальная личность — личность, принадлежащая к двум культурам и говорящая на двух языках, это личность естественного билингва. И тот и другой язык, и та и другая культура «живут» в этой личности.

Е.Л. Кудрявцева в своих многочисленных исследованиях, посвященных в том числе естественным билингвам, пишет: «...ни в коем случае нельзя говорить об одном из языков или одной из культур, составляющих мир естественного билингва, как о “чужих”, даже в политических или методических целях — это нарушает целостность дуальной картины мира билингвально растущего человека; по отношению к билингвизму благоприобретенному (монокультурному человеку со знанием о культуре иного народа) — это возможно и правильно... билингвизм естественный — это способ мышления, мировосприятия, самоидентификации; благоприобретенный билингвизм — это способ общения с представителями иной культуры...» [4. С. 139].

Идентичность национально-русской билингвальной личности определяется триадой социум — культура — язык и синтезируется в сплетении феноменов родного — этнического, государственного — российского, национального — русского. Осознание «встроенности» в билингвальный социум, укрепленности в нем, «носительства» его культурных и языковых черт, «укорененности» в билингвальной почве на основе свободной двуязычной коммуникации, несомненно, будет процессом идентификации. Таким образом, самоидентификация естественного билингва в сторону этнического или русского — это крайне переменчивые его состояния, зависящие от многих факторов. Этническое и русское — культура и язык — те маркеры, которые фиксируются языковыми и культурными «штрихами», нюансами проявления в конкретике жизненных ситуаций.

Поскольку в поле нашего научного изучения находятся естественные билингвы, надо отметить, что к вопросам об определении языковой доминанты необходимо подходить очень деликатно. Исследователи считают, что сложно выделить характеристику того или другого языка с позиции «первый-второй», «родной-неродной», «первый родной — второй родной», потому что велико количество факторов, которые билингвом автоматически «сканируются», прежде чем он начнет коммуникацию на этническом или русском языке, зачастую эту идентификационную определенность билингву позволяют выяснить тончайшие экстралингвистические нюансы, которые делают для него ситуацию общения возможной с позиции выбора той или иной культуры и языка.

Все это свидетельствует о том, что процесс обучения русскому языку национально-русского билингва должен выстраиваться иначе, чем процесс обучения монолингва. Он должен учитывать то обстоятельство, что ученик — это естественный билингв, для которого бикультурная и билингвальная среда — родное пространство, а значит, задачи обучения — развивать в этой бикультурной и билингвальной среде бикультурную и билингвальную (дуальную) (по терминологии Е.Л. Кудрявцевой) личность учащегося, определять ее внутренние ресурсы, собственную мотивацию для обучения и дальнейшей жизненной перспективы, с одной стороны, и создавать условия для формирования личностной позиции в бикультурном социуме — с другой. Каким образом будет применять естественный билингв бикультурный/билингвальный потенциал в жизни, зависит от него самого и от жизненных обстоятельств. Это могут быть обстоятельства, в которых естественный билингв будет гораздо устойчивей, чем монолингв, так как сможет реализовываться в них с позиций разных языков и культур.

Идентификация личности естественного билингва напрямую соотносится с его языковым развитием в процессе обучения языкам — этническому и русскому. В современной лингвометодике концепции обучения билингвов языкам обоснованы разными методологическими подходами: контрастивным [5; 6], аксиологическим [7—9], когнитивным [10], лингвокультурологическим [9; 11—14].

Аксиологический подход постулирует положения о невозможности формирования личности без опоры на ценностные ориентации, без понимания того, как идентифицирует себя человек в среде, в системе материальных и духовных ценностей общества и своего внутреннего мира. Научные идеи развития личности на основе ценностного подхода в лингвометодике определены научной школой

профессора А.Д. Дейкиной. Наряду с аксиологическим А.Д. Дейкина предлагает когнитивный подход в обучении русскому языку билингвов как стратегию: «Когнитивный подход может быть дифференцирован как когнитивно-семантический, когнитивно-функциональный, когнитивно-системный, когнитивно-коммуникативный и др. в зависимости от того, на что обращено особое внимание в познании: смыслы изучаемого в языке, функции языковых явлений, коммуникативные средства языка, внутрипредметные и межпредметные связи компонентов языка и их взаимообусловленность... Когнитивная теория в методике преподавания русского языка ... распространяется не только на теорию языка, она связана и с речью: в культуре языка и в культуре речи важны не только формы, а в большей степени смыслы» [10. С. 18].

В разработке концепций российского билингвального образования когнитивный потенциал билингва и его развитие находятся в сфере актуальных задач обучения [15]. Е.А. Хамраева считает сферу когнитивистики чрезвычайно важной в обучении ребенка-билингва, поскольку она связана с развитием памяти, логики, всех видов мыслительных действий, воображения [5], кроме того, развитие когнитивных процессов у учащегося-билингва позитивно отражается на развитии и совершенствовании его коммуникативной функции.

Работы в русле лингвокультурологического подхода по идентификации билингвальных учащихся основаны на осмыслении потенциала русского языка как интегрирующего феномена в би-, полиэтнической и би-, полилингвальной образовательной среде [14; 16—18]. Так, В.Д. Янченко определяет направления обучения русскому языку в современной многонациональной школе российских национальных регионов: «...обучение в диалоге культур предполагает сопоставление русского языка и культуры с другими языковыми и культурными традициями... обучение в контексте русской культуры позволяет использовать русские тексты, отражающие национально-культурный колорит России... сформировать русскую языковую картину мира» [14].

Результаты

Совершенно очевидно, что факторы языков являются не только маркерами культурной идентификации, но и индикаторами динамики развития личности: носители двух языков и двух культур в условиях обучения могут «уточнять», корректировать самоопределение. Личность студента коми-пермяка существует в системе ценностных оппозиций «моего», «своего» — «другого», «чужого». Выбор позиции в этом ряду зависит от личных установок в отношении «родного» и «другого» — этноса, культуры, языка.

Думается, что система диагностики должна учитывать три группы факторов: факторы билингвальной личности, билингвальной среды и билингвального обучения. Каждый из них многокомпонентен и имеет экстралингвистические и лингвистические составляющие. Межкультурные контакты студентов коми-пермяков в процессе обучения осуществляются в условиях взаимодействия родной коми-пермяцкой и окружающей доминантной русской среды, средством освоения которых являются языки — коми-пермяцкий и русский.

Мы предположили, что культурная идентификация студентов коми-пермяков при акцентуации идентификационных характеристик ценностного характера — языков и культур — будет двухконтурной и будет задаваться системой координат «этнического» и «российского», «русского». Для проверки этого предположения нами осуществлено анкетирование студентов филологического факультета коми-пермяцко-русского отделения всех курсов (1—5 курсы). Всего в анкетировании участвовало 63 человека. Результаты анкетирования были обработаны на основе метода шкалирования: по каждой позиции опроса респондент должен был дать ответ, выбрав показатель от 0 до 8. Вопросы анкеты по выявлению культурной идентичности студентов-билингвов коми-пермяков в системе социо- и этнохарактеристик методом шкалирования представлены ниже.

1. Насколько Вы принадлежите	а) к своему этносу б) к государству Российская Федерация
2. Насколько Вы принадлежите	а) к месту, где Вы родились б) к месту, где Вы теперь живете
3. Насколько Вы принадлежите	а) к людям своей национальности б) к россиянам
4. Насколько Вы владеете	а) коми-пермяцким языком б) русским языком
5. Насколько Вы принадлежите	а) к коми-пермяцкой культуре б) к русской культуре
6. Насколько ценен для Вас	а) коми-пермяцкий язык б) русский язык
7. Насколько ценна для Вас	а) коми-пермяцкая культура б) русская культура
8. Насколько перспективен для Вас	а) для вас коми-пермяцкий язык б) русский язык

На основе ответов наших респондентов, студентов 1-го и 5-го курсов (в сопоставлении), построены диаграммы, в которых обозначились два контура, фиксирующие культурную идентичность респондентов на основе осознания ими принадлежности к «этническому», «коми-пермяцкому» и «российскому», «русскому».

В диаграммах на рис. 1, 2 ряд 1 — синий цвет: контур идентификаций, соответствующий «этническому»; ряд 2 — красный цвет: контур идентификаций, соответствующий «российскому, русскому».

Контур «этнического», составляющий обобщенную идентификацию студентов первого курса, гораздо объемнее, чем контур «российского», «русского». Начиная обучение в университете, первокурсники остро ощущают связь со своим «родным», «коми-пермяцким» — местом, где родились, домом, семьей, родственниками. Поэтому показатели принадлежности к своему этносу (1 синий), к месту, где родились (2 синий), к людям своей национальности (3 синий) являются высокими. Они гораздо выше, чем показатели принадлежности к «российскому», «русскому», находящиеся на этих же осях: принадлежность к государству Рос-

сийская Федерация (1 красный), к месту, где респондент теперь живет (2 красный), к россиянам (3 красный). Свое владение коми-пермяцким и русским языком — позиция 4 — студенты первого курса определяют следующим образом: коми-пермяцкий язык — показатель 6,2; русский язык — показатель 5,8. Насколько ценен для респондента коми-пермяцкий язык (позиция 6) — показатель 6,9; русский язык (позиция 6) — показатель 6,8. Насколько перспективен для респондента коми-пермяцкий язык, русский язык (позиция 8) — показатели синего и красного контура одинаковы — 6,2.

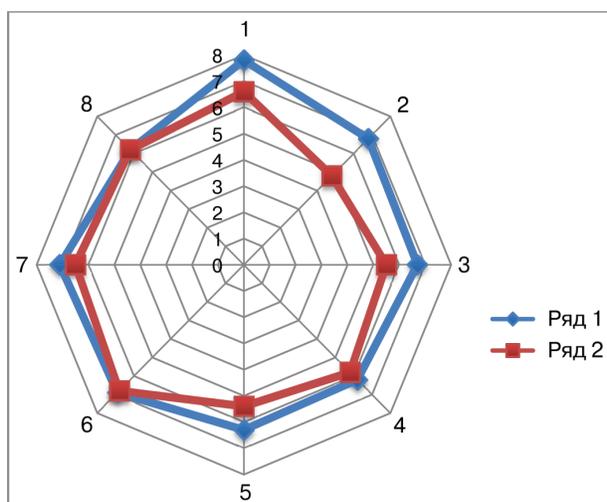

Рис. 1. Культурная идентичность билингвальной личности в системе этно- и социохарактеристик (студенты 1 курса)/
Fig. 1. Cultural Identity of a Bilingual Personality in the System of Ethno-Social Characteristics (1st Year Students)

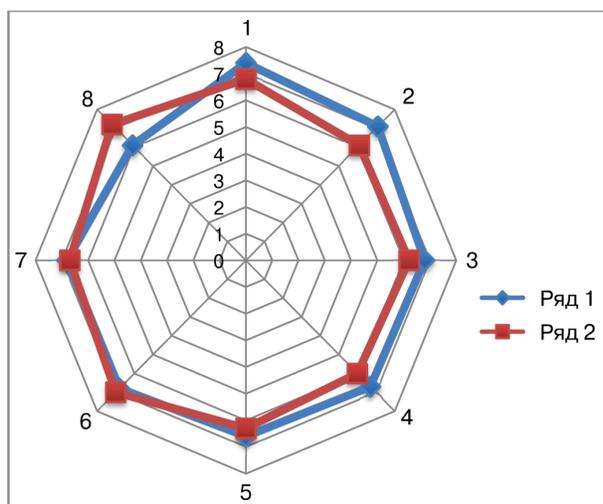

Рис. 2. Культурная идентичность билингвальной личности в системе этно- и социохарактеристик (студенты 5 курса)/
Fig. 2. Cultural Identity of a Bilingual Personality in the System of Ethno-Social Characteristics (5th Year Students)

Позиции 5 и 7 характеризуют идентификации по отношению к коми-пермяцкой и русской культуре: насколько респондент принадлежит к национальной культуре (позиция 5) — 6,3; к русской культуре (позиция 5) — 5,4. Насколько ценна для респондента коми-пермяцкая культура (позиция 7) — 7,1; русская культура (позиция 7) — 6,5.

Область красного контура идентификации «российского, русского» расширяется, показатели у студентов коми-пермяков выпускного 5 курса гораздо выше, чем у первокурсников. Показатели русского языка: позиции 4, 6, 8 приближаются к показателям родного, а иногда превосходят их. Насколько респондент владеет коми-пермяцким языком (позиция 4) — 6,7; русским языком (позиция 4) — 6; насколько ценен для респондента коми-пермяцкий язык (позиция 6) — 6,8; русский язык (позиция 6) — 7; насколько перспективен для респондента коми-пермяцкий язык (позиция 8) — 6,1; русский язык (позиция 8) — 7,2.

Позиции 5 и 7, характеризующие идентичность по отношению к коми-пермяцкой и русской культуре, практически выравниваются: насколько респонденты принадлежат к своей национальной культуре (позиция 5) — 6,6; к русской культуре (позиция 5) — 6,3; насколько ценна для респондента родная культура (позиция 7) — 6,8; русская культура (позиция 7) — 6,7.

Развивающей средой студента-билингва коми-пермяка является учебная билингвальная среда: обучение комиведческим дисциплинам ведется на коми-пермяцком языке, другим учебным предметам — на русском. Для понимания идентификаций в пользу «коми-пермяцкого» и «русского» необходимо говорить о том, что коми-пермяцкий и русский языки в учебной среде являются инструментом познания и развития билингвальной личности.

Не случайно, что при собеседовании со студентами коми-пермяками, проведенном после анкетирования, для того чтобы конкретизировать его результаты, на вопрос «Изменилось ли Ваше общение в вузе на коми-пермяцком языке? На русском языке? Если да, каковы причины, назовите их» среди ответов были следующие:

Для меня ценны оба языка: и русский, и коми-пермяцкий. Мне сейчас сложнее общаться на коми-пермяцком языке. Раньше я думала, что в родном языке нечего изучать, а сейчас я понимаю, что коми-пермяцкий язык является для меня очень интересным, дома я этого не чувствовала. Я начала приобщаться к коми-пермяцкой культуре, участвую в ансамбле и пою песни на коми-пермяцком языке, и получается, что я открываю ценность коми-пермяцкой культуры и языка здесь, на коми-пермяцко-русском отделении педагогического университета.

Косвенные подтверждения тому, что когнитивный потенциал билингвальной личности студента коми-пермяка необходимо развивать, а значит, и укреплять культурную идентичность на базе языков, содержат ответы студентов:

Мне сложнее стало общаться на русском языке. Возможно, потому, что это общение требует от меня другого уровня. У меня нет уверенности в правильности формулировок и форм. Есть стеснение, что что-то могу сказать неправильно по-русски. Есть желание сказать что-то при помощи коротких фраз. Есть желание лучше знать русский язык.

Взаимодействие языков и культур в учебной билингвальной среде позволит формировать у студентов-билингвов более объемный культурный потенциал для развития личности на основе ценностей родной и другой культуры, сопряжения, соединения, соизучения родного и русского языков.

3. Заключение

В качестве резюмирующей части статьи хотелось бы сформулировать наиболее важные выводы. Культурная идентичность билингвальной личности студента коми-пермяка предполагает «самоопределение» в учебной и внеучебной среде, средством функционирования в которой являются языки — коми-пермяцкий и русский. Процессы культурной идентификации дают билингву более конкретное понимание системы культурных ценностей бикультурного социума, осознание необходимости совершенствования билингвальной коммуникации, выстраивание траекторий своего интеллектуального, духовного, эмоционального развития, определение гармоничного сближения двух языков, двух культур как личностных ценностей, что позволит билингву более успешно профессионально и личностно реализоваться в современных условиях.

Список литературы

1. *Каменских М.С.* Этнодемографические процессы у коми-пермяков на современном этапе // Коми-пермяцкий этнографический сборник: труды Ин-та языка, ист. и trad. культуры коми-перм. народа. Вып. X. СПб.: Маматов, 2014.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
3. *Закирьянов К.З.* Два феномена: билингвизм и билингвальная личность // Вестник Башкирск. ун-та. 2012. № 1(1). С. 498—502.
4. *Кудрявцева Е.Л.* Естественный билингвизм как феномен культуры [Электронный ресурс] URL: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova5/pdf_doc/14_kudrjavceva.pdf
5. *Хамраева Е.А.* Когнитивный потенциал русского языка в обучении детей-билингвов [Электронный ресурс] URL: <https://castl.uit.no/phocadownload/khamraeva.pdf> (дата обращения: 06.06. 2019).
6. *Юсупова З.Ф.* Диалог языков и культур в преподавании русского языка в поликультурной аудитории // Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ». Т. 3. СПб.: РОПРЯЛ, 2014.
7. *Дейкина А.Д.* Русский язык как формирующая среда личности в ее духовно-интеллектуальном и эмоциональном развитии // Развитие личности учащихся в процессе обучения русскому языку: духовное, интеллектуальное, эмоциональное: материалы Международной научно-практической конференции (20—21 марта 2014): монография. М.: МПГУ; Ярославль: РЕМДЕР, 2014.
8. *Кулаева Г.М.* Отношение к родному языку как ценностный ориентир и личностный результат изучения русского языка в современной школе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. 2013. № 1 (5). С. 105—110. <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 11.08.2019).
9. *Синячкин В.П.* Современные тенденции развития билингвального образования в России и мире // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 5. С. 11—16.

10. *Дейкина А.Д.* Когнитивная теория методики как стратегическая основа школьного курса русского языка // *Филология в пространстве современных гуманитарных исследований: сб. ст. по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 95-летию Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и 95-летию филологического факультета (24—25 ноября 2016 года)*. Пермь, 2016.
11. *Ганелина Я.А.* Этнокультурная и поликультурная идентичность иностранных студентов: от разобщенности — к гармонии // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность*. 2014. № 1. С. 76—80.
12. *Красных В.В.* Преподавание русского языка в условиях языковой и культурной полифонии: необходимость учета культуры и лингвокультуры в процессе обучения // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность*. 2013. № 4. С. 55—66.
13. *Рождественская Р.Л.* Развитие этнокультурной идентификации личности ребенка средствами краеведения в процессе изучения русского языка // *Научный результат. Серия: Педагогика и психология образования*. 2016. Том 2. № 1. С. 51—56.
14. *Янченко В.Д.* Интегрирующая роль русского языка в полиэтнической образовательной среде // *Каспийский круг: города-побратимы — символ совместного наследия: Сборник материалов международного форума / под ред. И.А. Прихожан, В.И. Супруна*. Волгоград, 2014.
15. *Бахтикиреева У.М.* Проект «Современные тенденции билингвального образования в России и мире»: вместо послесловия // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность*. 2015. № 5. С. 366—374.
16. *Борисова Л.П., Шадрин С.Н.* Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12. С. 221—224.
17. *Десяева Н.Д.* Работа с текстом как средство формирования городской культурной идентичности московских школьников // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 8-2. С. 298—302.
18. *Хаирова И.В.* Формирование основ гражданской идентичности у младших школьников в процессе обучения русскому языку // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 4. С. 161—167.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.07.2019

Дата принятия к печати: 07.12.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Медведева Н.В. Понятие «культурная идентичность» билингвальной личности студента коми-пермяка в фокусе лингвометодики // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 1. С. 88—100. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-88-100

Сведения об авторе:

Медведева Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: basha_n@mail.ru

Concept of “Cultural Identity” of Komi-Permyak Student Bilingual Personality in the Focus of Linguistic Methodology

N.V. Medvedeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya Str., Perm, 614990, Russian Federation

The attention is paid to the concept of ‘bilingual personality’ in relation to national Russian bilingual in the article. The concept of ‘cultural identity’ of Komi-Permyak student bilingual personality in conditions of higher pedagogical education is specified. Foundations for Komi-Permyak student bilingual cultural identity defining are determined in the system of ethno- and social coordinates and its results are described.

The aim of the research is to concretize the concept of ‘bilingual personality’ of a Komi-Permyak student. Indicators of his cultural identity in the system of ethno- and socio-coordinates are defined. This is the basis for modeling the teaching and forming the personality of the future teacher of the Russian language at the university from the perspective of modern approaches developed in linguistic and methodical teaching of the Russian language in the context of national-Russian bilingualism.

The methods of the research are cultural identity of a Komi-Permyak student defining based on the included observation, questioning, interviewing of future teachers of the Russian language in conditions of higher pedagogical education, method of the results scaling in the process of statistical data processing.

The results of the research indicate that bilingual personality cultural identity defining of a Komi-Permyak student reveals his identification peculiarities, determines how he is integrated in the Russian culture, how harmonious the Russian language is for his communication, that undoubtedly should be taken into account in teaching. Future teacher forming on the basis of his cultural identity is determined by the goals and objectives of preparing for training students in bilingual and bicultural Komi-Permyak-Russian environment. This undoubtedly requires organization of work in line with modern linguistic and methodological approaches, cognitive orientation strengthening in the development of the Russian language as science. Komi-Permyak bilingual communicative results forming in speech professional communication in Russian is impossible without cognitive processes development.

Key words: cultural identity, bicultural and bilingual environment, national Russian bilingual, bilingual personality

References

1. Kamenskih, M.S. 2014. “Jetnodemograficheskie processy u komi-permjakov na sovremennom jetape” in *Komi-permjackij jetnograficheskij sbornik: trudy In-ta jazyka, ist. i trad. kul'tury komi-perm. naroda*. Vyp. H. SPb.: Mamatov. Pp. 211—234. Print. (In Russ.)
2. Karaulov, Ju.N. 1987. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*. Moscow: Nauka. 262 p. Print. (In Russ.)
3. Zakir'janov, K.Z. 2012. “Dva fenomena: bilingvizm i bilingval'naja lichnost'”. *Vestnik Bashkirsk. un-ta*. 1(I): 498—502. Print. (In Russ.)
4. Kudrjavceva, E.L. 2011. *Estestvennyj bilingvizm kak fenomen kul'tury*. Jelektronnyj resurs. URL: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova5/pdf_doc/14_kudrjavceva.pdf
5. Hamraeva, E.A. *Kognitivnyj potencial russkogo jazyka v obuchenii detej-bilingvov* [Jelektronnyj resurs] URL: <https://cast1.uit.no/phocadownload/khamraeva.pdf> (data obrashhenija: 06.06. 2019).

6. Jusupova, Z.F. 2014. "Dialog jazykov i kul'tur v prepodavanii russkogo jazyka v polikul'turnoj auditoria" in *Materialy IV Kongressa «ROPRJaL»* / Editors.: K.A. Rogova, G.M. Vasil'eva, D.A. Shhukina i dr. T. 3. SPb.: ROPRJaL. Pp. 106–110. Print. (In Russ.)
7. Dejkina, A.D. 2014. "Russkij jazyk kak formirujushhaja sreda lichnosti v ee duhovno-intellektual'nom i jemocional'nom razvitii" in *Razvitie lichnosti uchashhihsja v processe obuchenija russkomu jazyku: duhovnoe, intellektual'noe, jemocional'noe. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (20–21 marta 2014): monografija*. Moscow: MPGU; Jaroslavl': REMDER. Pp. 12–16. Print. (In Russ.)
8. Kulaeva, G.M. 2013. "Otnoshenie k rodnomu jazyku kak cennostnyj orientir i lichnostnyj rezul'tat izuchenija russkogo jazyka v sovremennoj shkole". *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal (Online). ISSN 2303-9922. 1 (5): 105–110. <http://www.vestospu.ru> (data obrashhenija: 11.08.2019).
9. Sinjachkin, V.P. 2015. "Sovremennye tendencii razvitija bilingval'nogo obrazovanija v Rossii i mire (Predislovie k tematiceskomu vypusku Vestnika)". *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost'*. 5: 11–16. Print. (In Russ.)
10. Dejkina, A.D. 2016. "Kognitivnaja teorija metodiki kak strategicheskaja osnova shkol'nogo kursa russkogo jazyka" in *Filologija v prostranstve sovremennyh gumanitarnyh issledovanij: sb. st. po materialam Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 95-letiju Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta i 95-letiju filologicheskogo fakul'teta (24–25 nojabrja 2016 goda)*. Perm'. Pp. 16–24. Print. (In Russ.)
11. Ganelina, Ja.A. 2014. "Jetnokul'turnaja i polikul'turnaja identichnost' inostrannyh studentov: ot razobshhennosti — k harmonii". *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost'*. 1: 76–80. Print. (In Russ.)
12. Krasnyh, V.V. 2013. "Prepodavanie russkogo jazyka v uslovijah jazykovoj i kul'turnoj polifonii: neobходimost' ucheta kul'tury i lingvokul'tury v processe obuchenija". *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost'*. 4: 55–66. Print. (In Russ.)
13. Rozhdestvenskaja, R.L. 2016. "Razvitie jetnokul'turnoj identifikacii lichnosti rebenka sredstvami kraevedenija v processe izuchenija russkogo jazyka". *Nauchnyj rezul'tat. Serija: Pedagogika i psihologija obrazovanija*. 2(1): 51–56.
14. Janchenko, V.D. 2014. "Integrirovushhaja rol' russkogo jazyka v polijetnicheskoy obrazovatel'noj srede" in *Kaspijskij krug: goroda-pobratimy — simvol sovmeštnogo nasledija: Sbornik materialov mezhdunarodnogo foruma* / Pod red. I.A. Prihozhan i V.I. Supruna. Volgograd. Pp. 84–89. Print. (In Russ.)
15. Bahtikireeva, U.M. 2015. "Proekt «Sovremennye tendencii bilingval'nogo obrazovanija v Rossii i mire»: vmesto posleslovija". *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost'*. 5: 366–374. Print. (In Russ.)
16. Borisova, L.P., and Shadrina S.N. 2012. "Rol' russkogo jazyka v formirovanii obshherossijskoj identichnosti". *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 12: 221–224. Print. (In Russ.)
17. Desjaeva, N.D. 2016. "Rabota s tekstom kak sredstvo formirovanija gorodskoj kul'turnoj identichnosti moskovskih shkol'nikov". *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. 8(2): 298–302. Print. (In Russ.)
18. Hairnova, I.V. 2012. "Formirovanie osnov grazhdanskoj identichnosti u mladshih shkol'nikov v processe obuchenija russkomu jazyku". *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4: 161–167. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 17.07.2019

Accepted: 07.12.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Medvedeva, N.V. 2020. “Concept of “Cultural Identity” of Komi-Permyak Student Bilingual Personality in the Focus of Linguistic Methodology”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 88—100. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-88-100

Bio Notes:

Natalia V. Medvedeva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: basha_n@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-101-107

Научная статья

Трудные случаи в обучении студентов-иностранцев заимствованной лексике (язык СМИ)

Н.Д. Афанасьева, С.С. Захарченко, И.Б. Могилёва

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена одному из важных аспектов обучения русскому языку как иностранному в вузе — работа с материалами СМИ. Авторы отмечают, что преодоление таких языковых трудностей, как разнообразие словообразовательных моделей, экспрессивно-оценочная лексика, употребление многозначных слов, фразеологизмов, недостаточно для адекватного понимания текстов, и поэтому уделяют внимание такой группе лексики, как заимствования. Рассматривая особенности их употребления, авторы отмечают заимствованные и интернациональные слова с различной коннотацией в разных языках.

Ключевые слова: публицистический стиль, средства массовой информации, заимствованные и интернациональные слова, стилистическая окраска

1. Введение

Трудно представить себе подготовку будущих специалистов-международников без работы над материалами средств массовой информации. Поэтому обучение языку СМИ является одним из важных аспектов преподавания русского языка как иностранного. Аутентичность, актуальность, информативная насыщенность делают работу с ними необыкновенно полезной и интересной, отвечающей целям преподавания русского языка как иностранного.

Работа с материалами СМИ вызывает большой интерес у учащихся, хотя она связана со значительными трудностями как для студентов даже продвинутого этапа, так и для преподавателей. Это обусловлено особенностью данной разновидности языка.

Как отмечал ведущий лингвист Г.Я. Солганик, «язык СМИ действует на огромном духовном пространстве, включая в свою орбиту политику, идеологию, культуру (науку, искусство, литературу, религию), экономику, быт. И каждая из этих

© Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

областей функционирования СМИ накладывает отпечаток на их язык, определяя те или иные его особенности» [1].

Само назначение материалов газеты — точно и своевременно информировать читателя о быстротекущих событиях жизни. Именно поэтому в данных материалах присутствует большое количество иноязычной лексики, формируются новые понятия, появляются новые слова и выражения. Особенно это заметно в языке газетно-журнальной разновидности публицистического стиля, так как здесь происходит формирование новых смыслов и языковых средств для обозначения новых явлений в современном обществе, легко прослеживаются все малейшие изменения в семантике слова, в его стилистической окраске. По мнению многих исследователей, без газетно-журнальных материалов невозможно изучение языка в целом, определение его норм и современного употребления лексики. Таким образом, именно материалы СМИ во многом определяют формирование языковой культуры общества [2].

Для того, чтобы научить иностранных студентов читать материалы СМИ (адекватно понимать текст, определять авторскую позицию), необходима большая ежедневная работа. Но обычно внимание преподавателей сосредоточено на преодолении языковых трудностей, связанных с экспрессивно-оценочной лексикой, употреблением многозначных слов, фразеологизмов, пословиц и т.п., которые затрудняют адекватное понимание текстов, а такому пласту лексики, как заимствования, обычно не уделяют достаточно внимания, хотя количество заимствованных слов возрастает, так как в современном обществе усиливается процесс интеграции, существуют тесные экономические, политические, культурные связи. Создается впечатление, что заимствованные слова не могут вызывать затруднения, потому что они знакомы носителям разных языков. Но так ли это? Отчасти это справедливо в отношении слов, которые сохраняют то же значение, что и в языке заимствования. Они могут иметь синонимичные русские аналоги, но часто они необходимы и для того, чтобы коротко и наиболее точно назвать новый предмет или явление (например, «инаугурация», «импичмент») и для того, чтобы придать другой оттенок смысловому значению слова (например, заимствованное «киллер» и русское «убийца»).

Однако обучению заимствованной лексике следует уделять внимание не только в иностранной аудитории, но и при работе со студентами-билингвами, может быть, даже в первую очередь с ними (так как знание русского языка, часто на бытовом уровне, полученное в семье, создает иллюзию полного понимания прочитанного текста с заимствованной лексикой).

2. Обсуждение

Интересно, что заимствованные слова в разных языках очень редко полностью совпадают по своему значению, так как язык отражает картину мира определенной социальной общности. Это объясняется тем, что язык находится в постоянном движении, тесно связан с историей и культурой народа — носителя данного языка, отражает его мировосприятие [3]. Поэтому и заимствования могут отличаться в разных языках полнотой семантического соответствия, различными сти-

листическими оттенками, что мешает употребить слово в определенной ситуации в одном языке в том же значении, в котором оно употребляется в другом. Происходит расширение или сужение значения заимствованного слова, переосмысление его значения (лексическая трансформация), что влечет за собой изменение его сочетаемости. Часто слово получает иную стилистическую окраску. Для точного адекватного понимания учащимися значения слов важно обратить их внимание на те изменения, которым подверглось заимствованное слово.

Примерами расширения лексического значения заимствования является слово «хунта». Оно имеет нейтральную стилистическую окраску в европейских языках и употребляется для обозначения военного правительства, в то время как в русском языке это слово имеет явно негативный оттенок: «Хунта захватила власть в стране». При этом постепенно утрачивается значение военное, и все чаще понятие «хунта» употребляется в СМИ в значении «правительство, пришедшее к власти незаконным путем», и даже возникает словосочетание «военная хунта», что является избыточным в других языках.

В материалах СМИ можно встретить термин «плюрализм» (от лат. *pluralis* — многочисленный, множественный). Если в других языках это название определенного идеалистического учения, то в русском языке этот термин употребляется в значении «многообразие, множественность мнений». Книжное слово «плюрализм» расширяет сферу своего употребления и в газетных статьях получает явно сниженный разговорный оттенок для выражения авторской позиции, отношения к сообщаемому («Крепко мы, конечно, плюрализмом поперхнулись»).

Заимствования часто меняют свое значение и сферу своего употребления и могут использоваться в тех значениях, в которых невозможно их употребление в языке-источнике. Например, английское слово «саммит» (от англ. *summit* — вершина, верх) в языке-источнике означает встречу на высшем уровне — встречу и переговоры людей, представляющих в своих государствах высшую власть. В русском языке оно используется и в этом значении, и в значении «встреча», иногда приобретая комический оттенок (например, «саммит с москвичами», «саммит руководителей предприятий общепита района»).

Примером расширения лексического значения также является слово «аудитория». В отличие от английского языка в русском языке появляется значение «слушатели лекции, доклада и т.п.».

Сужение лексического значения можно отметить в слове «офис», которое в английском языке имеет большее число значений — «должность», «служба», «служебное помещение», «отделение», «комитет» и др., в то время как в русском это слово употребляется в значении «помещение» или «представительство какой-либо фирмы».

Примером изменения значений заимствования является слово «ваучер». Студентам всегда бывают любопытны не только примеры последних изменений в составе языка, но и история появления таких слов. Преподавателям следует обращать внимание на интересные факты изменения заимствований в русском языке. Всегда вызывает неподдельный интерес история слова «ваучер», которое появилось в России в 1992 году во время экономической реформы Е. Гайдара. Слово «ваучер» происходит от английского *voucher* — расписка, поручительство, и

до начала 1990-х годов в русском языке его не существовало. Оно пришло в Россию из словаря американского биржевого жаргона [4], но стало названием приватизационного чека, ценной бумаги для внутреннего рынка, которую выдавало государство для последующего обмена на активы государственных предприятий. Появилось слово, производное от «ваучер», — «ваучеризация».

Очень часто заимствованное слово, начиная функционировать в русском языке, изменяет свою стилистическую окрашенность. Например, слово «нигилист», имеющее латинский корень (*nihil* — ничто), в русском языке после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» приобрело явно отрицательный стилистический оттенок. В русском языке это слово чаще используется для обозначения человека, отрицающего вечные духовные ценности.

Интересна также судьба слова «элита» в русском языке (от латинского *eligo* — избранный). На протяжении последних лет это слово в русском языке меняет свою стилистическую окрашенность, постепенно расширяя сферу своего употребления. Оно было нейтральным («политическая элита», «парламентская элита») в настоящий момент усиливается негативное значение этого слова («олигархическая элита»), что связано с тем, что данное слово отражает семантическое развитие оценочности, связанное с формированием в обществе отношения к тем или иным политическим и идеологическим реалиям и явлениям.

Слово «альянс» в английском и французском языках нейтрально, но в русском оно книжное и часто имеет негативный оттенок, например: «У Украины имеется соглашение с НАТО, и войска альянса могут входить на Украину». Здесь «альянс» используется с явным оттенком неодобрения, осуждения.

В разных языках многие слова, которые имеют сходную форму, приобретают различные значения. Это зависит и от определенного строения языка, и от истории заимствования, и от времени функционирования слов в речи [5]. В русском языке слова употребляются в разных контекстах, их значения и сочетаемость расширяются.

Таким образом, становится очевидным, почему преподаватели русского языка как иностранного считают необходимой специальную работу с заимствованной лексикой. Такая работа особенно важна в аудитории, где обучаются студенты-билингвы, так как преподавателям важно учитывать ментальный лексикон студентов, т.е. ту часть долговременной памяти, в которой находятся и хранятся слова. За видимым владением русским языком подчас скрывается другая языковая картина мира, сформированная вне русской действительности.

Преподаватели РКИ разрабатывают систему упражнений, выполняя которые студенты могут отработать правильное с точки зрения стилистики употребление заимствований в русском языке с учетом их коннотации. Например, получая задание заменить русскоязычные слова заимствованными, студенты сопоставляют такие слова, как «отрицательный» — «негативный», «положительный» — «позитивный», «заключение, окончание» — «финал», «всемирный» — «глобальный» и др. Задания типа «Выберите из ряда слов заимствованное слово, подходящее для данной ситуации», «Прочитайте текст, выделите заимствованные слова», «Прочитайте статью; опираясь на заимствованные слова, определите позицию автора

статьи» обогащают словарный запас студентов, расширяют их потенциальный словарь и лингвистические знания.

Приведем пример — два текста к последнему заданию, предлагаемые студентам на занятии для определения отношения автора к высказываемому.

Текст 1. Сверхидея для континента

Страны-участницы *саммита Ассоциации* государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) обсудили предложение Москвы по формированию евразийского *партнерства*. Эта *идея* была выдвинута *Президентом* В.В. Путиным еще в конце 2015 года. Россия выступила с *инициативой* создания *концепции* развития удаленных *регионов*, так как, несмотря на *тенденцию* к росту товарооборота, темпы его еще недостаточны для достижения *финальной амбициозной* цели. Участники *саммита* отметили, что сверхидеей евразийского *партнерства* будет являться *приоритет* развития *интеграции* и *цифровых технологий*.

Текст 2.

Представители «золотой молодежи», так называемой «*элиты* аристократического общества», *супербогатые*, *супернезависимые*, *суперсвободные*, не готовы вступать в отношения, которые можно назвать *мезальянсом*.

Вопрос об употреблении заимствований в речи на всех этапах развития языка никогда не терял своей актуальности. Заимствования — особый пласт лексики, который образуется и расширяется при усилении взаимодействия языков в связи с укреплением политических, экономических, культурных связей между разными странами.

3. Заключение

Для того чтобы стать высококвалифицированными специалистами, студентам необходимо изучить и освоить многие аспекты русского языка, речевую культуру, понимать заимствованную лексику и правильно употреблять ее. «Человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с тем культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем... Огромная доля информации поступает к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько в умении проникнуть в тайны языка, — отмечают лингвисты У.М. Бахтикиреева и В.А. Маслова [6]. Таким образом, работа с заимствованной лексикой на уроках русского языка как иностранного является составной частью важной работы с лексикой публицистического стиля, без которой невозможно научить студентов ориентироваться в огромном потоке материалов СМИ.

Список литературы

1. *Солганик Г.Я.* Язык СМИ на современном этапе // Мир русского слова. № 2. 2010. С. 21.
2. *Никитина Ю.А.* Проблема обучения студентов-лингвистов пониманию политического дискурса (на примере использования фразеологизмов) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Т. 5. № 4. С. 175—178.

3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово. 2008.
4. Иноязычная лексика в СМИ [Электронный ресурс] URL: <https://works.doklad.ru/view/IOntTVdM04w/2.html> (дата обращения: 27.11.2019).
5. *Морозов В.Э.* Об использовании заимствованных слов // *Русская речь*. 2009. № 1.
6. *Бахтикиреева У.М., Маслова В.А.* Лингвокультурология. Введение. 2-е изд., пер. и доп. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Трудные случаи в обучении студентов-иностранцев заимствованной лексике (язык СМИ) // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 1. С. 101—107. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-101-107

Сведения об авторах:

Афанасьева Нина Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка МГИМО МИД России. E-mail: afan-nina@yandex.ru

Захарченко Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

Могилёва Ирина Болеславовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

Research Article

Difficult Cases in Teaching Foreign Students Borrowed Vocabulary (Language of the Media)

N.D. Afanasieva, S.S. Zakharchenko, I.B. Mogileva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, *Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation*

The article is devoted to one of the important aspects of teaching Russian as a foreign language at the University — work with media materials. The authors note that overcoming such linguistic difficulties as a variety of word-formation models, expressive-evaluative vocabulary, the use of polysemous words, phraseological units, is not enough for an adequate understanding of the texts, and therefore pay attention to such a group of vocabulary as borrowings. Considering the peculiarities of their use, the authors note borrowed and international words with different connotations in different languages.

Key words: journalistic style, mass media, borrowed and international words, stylistic coloring

References

1. Solganik, G.Ja. 2010. “Jazyk SMI na sovremennom jetape”. *Mir russkogo slova*. 2: 21. Print. (In Russ).
2. Nikitina, Ju. 2016. “Problema obuchenija studentov-lingvistov ponimaniju politicheskogo diskursa (na primere ispol’zovanija frazeologizmov)”. *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija*. 5 (4): 175–178. Print. (In Russ).
3. Ter-Minasova, S.G. 2008. *Jazyk imezhkul’turnaja kommunikacija*. Moscow: Slovo. Print. (In Russ).
4. *Inojazychnaja leksika v SMI*. URL: <https://works.doklad.ru/view/IOntTVdM04w/2.html> (data obrashhenija: 27.11.2019).
5. Morozov, V.Je. 2009. “Ob ispol’zovanii zaimstvovannyh slov”. *Russkaja rech’*. 1: 41–47. Print. (In Russ).
6. Bakhtikireeva, U.M., and Maslova, V.A. 2018. *Lingvokul’turologija. Vvedenie*. 2-e izd., per. i dop. Uchebnoe posobie dlja bakalavriata i magistratury. Moscow: Jurajt.

Article history:

Received: 13.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Afanasieva, N.D., S.D. Zakharchenko, and Mogileva, I.B. 2020. “Difficult Cases in Teaching Foreign Students Borrowed Vocabulary (Language of the Media)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 101–107. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-101-107

Bio Notes:

Nina D. Afanasieva is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: afan-nina@yandex.ru

Svetlana S. Zakharchenko is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail:sveta.zakharchenko@gmail.com

Irina B. Mogileva is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-108-111

Эссе

Образы билингвизма в моей монолингвальной жизни (лирические фантазии)

Л.В. Екшембеева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

Билингвизм как явление в социуме многогранно. В определении социолингвистического словаря (academic.ru) выделяются разные виды владения родным и еще одним языком: лингвистический, социокультурный (аккультурация индивида), когнитивный, нейрофизиологический и психологический; групповой и индивидуальный; пассивный и активный; симметричный и асимметричный и много-много других видов и подвидов. А я его увидела в определенных образах и контекстах моей жизни и попыталась их осмыслить, показать, в системе каких картинок и образов билингвизм вошел в мое сознание задолго до научного осознания его сущности.

Очень часто человек, владеющий одним языком, оказывается билингвом поневоле, *контекстным билингвом*. И пусть такое понимание сложно отнести к научному, однако жизнь человека протекает в многообразии социальных контекстов, где пассивный контекстный билингвизм становится нормой. Абсурдная мысль? Да, но это наша реальность. По крайней мере, реальность моего поколения, уже не послевоенного, но живущего в Союзе в шестидесятые годы XX столетия.

Рожденная в интернациональной семье, познавала мир через язык матери — русский язык. Он доминировал в семье. Да и не только в семье — в стране. Однако отдельные образы и ситуации в моем детстве жили благодаря хакасскому языку, языку моего отца.

Тче, чача — так он обращался к своей тетушке, которая ему заменила мать и жила в нашей семье. И мы, дети, ее тоже звали *тетя*, но по-русски. А она нас — *палам*. Таковы реалии! Из разговоров отца с тетушкой мы знали, что такое *ипек, туз, сут; нас ахырча, харын ахырча* и многое другое. Был ли это билингвизм? Вряд ли. Но в конкретных ситуациях понимание и реакция свидетельствовали об успешности общения. Что это как не *контекстный билингвизм*?

© Екшембеева Л.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В начале шестидесятых отца пригласили работать в Манский район Красноярского края. Там, в разных таежных поселках мы прожили около десяти лет. Нарва, Унгут, Лейба, Колба, Баджей, Кияй, Тюлюп, Жержул — вот только некоторые топонимы этого района. И это в российской Сибири! Уже и язык-источник установить за редким исключением практически невозможно! Но все живущие в этом районе не воспринимали эти названия как нерусские. Не зная истинного значения слов, они точно знали, что это и где находится. Может быть, это можно назвать *топонимическим билингвизмом*?

А в поселках жили преимущественно сосланные (бывшие кулаки и неблагонадежные). Это их дома, построенные в 30-х—40-х годах, чтобы выжить в Сибири, и сформировали поселки. Строились по землячествам. Так, в поселке Нарва были Белоруссия, Эстония, Литва. И там жили мои друзья. И мы то играли в Белоруссии, то бегали в Эстонию! В Литве родители брали рассаду экзотических для Сибири растений для огорода. В Унгуте была немецкая слобода, целые улицы и переулки украинцев, забайкальцев, греков, калмыков, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев. «Широка страна моя родная...»!

В шестидесятые годы основным языком общения в школе, магазине, на улице, в клубе был русский язык. Мои ровесники практически все говорили без акцента, но я слышала сильный акцент в речи их бабушек и дедушек и даже некоторых их родителей. И акценты-то были абсолютно разные! Сейчас бы я это не назвала акцентом. В науке есть понятие интерференции и степени освоенности. Вот в этом многообразии языков и акцентов проходило наше детство. В поселке ссыльных это был *билингвизм поневоле*. Но в шестидесятые годы он уже стал акцентом памяти о *политическом насильственном билингвизме*.

Таковы ассоциации из детства, связанные с билингвизмом.

Время учебы в педагогическом институте в Абакане и любовь к танцам, реализованная в студенческие годы в народном ансамбле «Жарки», стало для меня временем *творческого билингвизма*. Особенно в ансамбле. Наш балетмейстер Сара Даниловна Славина, тоже из сосланных, была бывшей балериной Рижского театра оперы и балета. Впервые в культуре хакасского народа она поставила сценические народные танцы по фольклорным сюжетам, создала коллектив, который был участником международных молодежных и творческих фестивалей в Москве в 1958 году и в Кишиневе в 1971. В ансамбле мы все были билингвами, а некоторые и полилингвами: певцы пели на хакасском, русском, украинском, итальянском языках; танцоры выполняли команды балетмейстера на языке балета, созданного французом Раулем Фейе, общались между собой на русском и хакасском языках. Я не говорила на хакасском, но в контексте общения главные смыслы понимала. Возможно, благодаря моему детскому *контекстному билингвизму*.

Контекстный билингвизм остался моей лингвальной сущностью на всю оставшуюся жизнь. Почти 50 лет живу в Казахстане, понимаю по-казахски в определенных контекстах, особенно хорошо дома на кухне! Будучи Главным ученым секретарем университета 8 лет, понимала основное содержание официальных документов на казахском языке.

В науку пришла через *образный билингвизм*. Изучала образ женщины-богатырши в тюркоязычном героическом эпосе хакасов, алтайцев, шорцев, казахов, кир-

гизов. Работала по подстрочникам и научным изданиям. На защиту представила положение об этапах эволюции образа богатырши, о временной и культурной преемственности его поэтической сущности в национальных эпосах, восходящей к хакасской Пора-нинжи, мифической женщине-богатырше. С языками лучше не стало, но приобрела бесценное — образный билингвизм: способность распознавать в процессе общения лингвокультурную основу образов, смыслов, традиций, что делает общение успешным.

Русский язык стал языком профессии на долгие годы. Но без билингвизма и здесь не обошлось! Более 20 лет преподавала и преподаю русский язык как иностранный. Моими студентами были представители народов всех континентов земли, носители разных языков и культур. Общение в аудитории всегда было успешным. И если не языки, то информацию о культуре народа, его традициях познавала в общении со студентами и использовала ее в образовательном процессе. Более того, под моим научным руководством был создан учебный комплекс по обучению казахскому языку иностранных граждан (1997 г. Грант Фонда Сороса). А вдруг это *методический билингвизм*?

И последний образ — *научный билингвизм*. Работая над докторской, изучила научную литературу по когнитивной лингвистике, конечно в переводе, но представленную различными национальными школами Европы и Америки. И если не языки, то их научные идеи и методология помогли мне успешно разработать свою научную платформу. Они воздействовали на меня, и общение наше было успешным: я приобретала новые знания, а ученые — нового единомышленника, как и положено в науке.

Я построила свое эссе на инструментальной сущности билингвизма как способности человека использовать другой язык для успешного общения. Образность билингвальных ситуаций обеспечивает успешность общения. И это основная цель, и язык является только средством кодирования смыслов, обеспечивающих это общение. А успешность общения обеспечивается прежде всего знаниями о мире, о народе, его культуре; знаниями контекста общения, системы образов и традиций, научных знаний и использованием их в личной практике общения. Возможно, именно поэтому родились те образы билингвизма, которые сопровождали меня в моей монолингвальной жизни: контекстный, топонимический, политический насильственный (поневоле), творческий, образный, методический, научный. Критериями их образной репрезентации стали специфика контекста, причины, способы выражения смыслов и, конечно же, сфера использования.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.12.2019

Дата принятия к печати: 09.01.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Екшемебева Л.В. Образы билингвизма в моей монолингвальной жизни (лирические фантазии) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 108—111. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-108-111

Сведения об авторе:

Екшемебева Людмила Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: lvek@inbox.ru

Essay

Images of Bilingualism in my Monolingual Life (Lyrical Fantasies)

L.V. Ekshembееva

Kazakh National University of Al-Farabi
79, Al-Farabi Prospect, Almaty, 050040, Kazakhstan

Article history:

Received: 08.12.2019

Accepted: 09.01.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Ekshembееva, L.V. 2020. “Images of Bilingualism in my Monolingual Life (Lyrical Fantasies)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 108—111. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-108-111

Bio Notes:

Lyudmila V. Ekshembееva is a Doctor of Philology, Professor of Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: lvek@inbox.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120

Эссе

Глобализация и языковая политика

Э.Д. Сулейменова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

Освещаются острые вопросы взаимоотношения глобализации и языковой политики на примере русификации как процесса целенаправленной гомогенизации в языковом отношении в годы советской власти. Виды языковой политики (вернакулизация, монолингвизм, мультилингвизм) рассматриваются как ответ на давление глобализации.

Ключевые слова: глобализация, язык глобализации, вернакулизация, монолингвизм, мультилингвизм

Человечество не раз переживало периоды военно-политической, экономической, идеологической, религиозной, культурной и иной глобализации, часто переходящей в агрессию и последующую экспансию, игнорирующей границы и всякий раз осуществлявшейся под флагом какого-либо языка. Менялись цели, формы, средства и вывески глобализации, но с завидной регулярностью она приводила к изменению карты языков мира: расширялись границы одних языков, исчезали другие, появлялись третьи...

В свое время тюркский каганат решительно изменил этническую и языковую среду громадной территории.

Арабский язык способствовал интеграции мусульманских народов на территории арабского халифата.

Латинский язык, распространившись в пределах Римской империи, привел к появлению новых языков в Европе.

Русский язык в Советском Союзе был проводником советской идеологии и всемерно способствовал русификации громадной страны.

Сегодня мы все больше говорим о глобализации, и ее «лицом» стал английский язык.

Глобализация — это сближение и усложнение взаимосвязей государств и людей, проявляющиеся по-разному. Глобализация неизбежна, она проявляется не только в политике, экономике, технологии, медицине, но и в культуре. Глобали-

© Сулейменова Э.Д., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

зация активна, и ее осязаемое влияние можно увидеть не только в обыденной жизни, но и в меняющемся мировоззрении. Глобализация манипулятивна, и слова, понятия, интерпретация фактов и событий через СМИ, рекламу, шоу, поп-культуру и т.д. транслируют образцы поведения и направлены на изменение сознания человека и общества [1].

На собственном опыте мы убеждаемся, что расстояния между странами стали меньше — и в этом нам помогает все возрастающая скорость передвижения; что бизнес и рынки игнорируют государственные границы — и в Сингапуре, Вашингтоне или Аягузе полки заполнены одинаковыми товарами с инструкциями на английском языке; что Wi-Fi позволяет нам общаться в Сети — и никто, как раньше, не может контролировать информационные потоки; что мы как туристы или «сетевые жители» чаще и чаще в реальной жизни или онлайн вступаем в диалог с представителями «иных» языков, культур, цивилизаций.

Все это неизбежно привело к тому, что изменилось наше восприятие мира, или, иначе говоря, «мир стал субъективно меньше» или просто «мир стал меньше». Таков один из парадоксов глобализации: субъективно мир стал меньше — и это оказывается объективной данностью.

Мы можем считать, что это очень плохо или, напротив, убеждать себя, что это очень хорошо. Можем доказывать неизбежность разрушительных процессов глобализации. Можем рассуждать о том, сколько бед она несет уникальности национальных культур и языков...

Глобализация и проблемы, с которыми она связана, заставляют государства и людей или открыто идти навстречу опасностям, не соглашаясь на компромиссы, или, напротив, приспособившись, искать и находить выгоды в активном противостоянии или пассивном принятии ее последствий. Всякое наше действие оказывается тем самым произвольным или непроизвольным рефлексом на воздействие глобализации, а изменения в языковой политике — в той или иной степени осознаваемым ответом на всепроникающее воздействие глобализации.

* * *

В качестве примера можно сослаться на факты недавней истории, когда «глобализация в отдельно взятой стране» имела «русское лицо», когда русификация, осуществляемая неявно и явно по всем фронтам — экономическому, социальному, демографическому, культурному, образовательному и т.д., проявлялась практически во всех сферах жизни и неизбежно сказывалась на развитии всех языков, вовлеченных в социалистическую консолидацию [2]¹.

Действительно, советская языковая политика в отдельные периоды в меру последовательно и с хорошими результатами поддерживала языки: появились аз-

¹ В советской языковой политике, по А.Е. Кибрику, выделяется период 20—40-х годов (признание самобытности языков, создание письменности и переход в 20-е годы на латинскую, в 30-е годы — на кириллическую графику). Факт перехода на кириллицу знаменовал подчинение всех языков приоритету русского языка, ориентацию на всеобщую русификацию населения СССР. Период до 70-х годов — создание однородного советского общества, пренебрежение к малочисленным языкам. Период конца 80-х годов — борьба за суверенитет и престиж языков, движение за сохранение малочисленных языков и самосознание этносов.

буки и грамматики большого числа языков Севера; были созданы и внедрены единые учебные планы и программы как по русскому языку, так и по национальным языкам автономных республик, краев и областей. При этом вся языковая жизнь громадной страны в соответствии с принципом централизма жестко регулировалась из Москвы.

Особая роль в процессах строительства советского государства, как известно, отводилась русскому языку. С одной стороны, русификация в Советском Союзе носила неявный характер, поскольку даже законов, подтверждающих официальный или государственный статус русского языка, не существовало. С другой стороны, русификация, основанная на необъявленной идеологии моноязычия (точнее, русскоязычия), вполне откровенно провозглашалась в основных документах страны (Конституции СССР, Программах КПСС, постановлениях правительства и др.), научных и учебных изданиях.

Русский язык как главный язык страны успешно развивался и противостоял другим языкам, продолжая расширять и уплотнять свое коммуникативное пространство и демонстрируя всему миру эффективность проводимой политики языковой гомогенизации. Иначе говоря, государство стремилось создать человека с однородной политической, идеологической и культурно-языковой идентичностью. Для этого использовались единые стандарты образования в школе и вузе, требовавшие достаточно высокого уровня владения русским языком специалистами всех профессий, в том числе военными.

Часть казахов, оказавшись в тисках планомерной русификации, подверглись языковому сдвигу, а также «множественности/растеканию идентичностей», «кризису идентичностей» [3]. Реализацию межпоколенной и внутривозрастной языковой трансмиссии в таких случаях взял на себя русский язык [4].

Оказалось, что именно для казахского социума *витальность казахского языка vs. языковой сдвиг* составили особенно жесткую оппозицию, преодолеть которую уже в независимом Казахстане, несмотря на политические успехи, оказалось не так просто: число казахов — представителей разных поколений — не усвоивших по той или иной причине казахский язык и оказавшихся, в свою очередь, не способными передать его своим детям и внукам, продолжает оставаться ощутимым [5].

В пределах большого советского государства происходили глобализационные процессы, сопровождавшиеся агрессивным распространением русского языка и изменением языковых установок старших поколений: исчезали одни языки [6; 7]¹, другие переходили в разряд миноритарных, а языки, получавшие «поддержку» как языки республик, постепенно оказывались на периферии, «обслуживая» исключительно национальную культуру в театре, различных видах литературы (художественной, философской, религиозной, учебной и т.д.), традиционных

¹ Казахстан не избежал исчезновения языков этносов, насильно оторванных в ходе депортации от материнского ареала: более 100 языков высокого риска (от 1 до 300 человек потенциальных носителей), утратив естественные условия сохранения языка (компактное расселение на автохтонной территории, межпоколенную языковую трансмиссию, школы и др.), испытывают давление доминирующих русского и казахского языков и находятся в ситуации *языкового сдвига* (Итоги Национальной переписи населения 2009 года в РК. — Астана, 2010).

промыслах, но практически не используя в политической, экономической, научной, деловой сферах и присутствуя в них зачастую как символ демократичности языковой политики.

За пределами советского государства русский язык уверенно укреплял позиции мирового языка и, как казалось, надолго стал активным участником глобального языкового процесса. Геополитические процессы на территории бывшего Союза резко изменили положение русского языка как в пространственном, так и в статусном отношении, в борьбе мировых языков русский язык (как, впрочем, французский и немецкий языки) не выдержал конкуренции с английским языком. В этой связи интересно категоричное мнение В.М. Алпатова: «В период противоборства двух систем во многих сферах, включая языковую, спорили две модели глобализации. Однако после распада СССР у английского языка конкурентов не осталось» [8].

Сегодня глобализация с «английским лицом» перешагнула границы многих государств и оказывает сильнейшее диффузное воздействие на функционирование языков самых разных регионов. Естественно, что всякое государство стремится в первую очередь защитить свой язык или языки от «победоносного давления» главного языка глобализации. Поэтому подобную политику считают *протекционистской*, поскольку она направлена на «защиту определенных языков с помощью различных преференций, льгот и стимулов» [9].

Однако уже давно существует более приемлемая, распространенная и лишенная оценочности квалификация подобной языковой политики как *вернакулизации*¹. Данный вид языковой политики основан на идее восстановления функций местного (автохтонного, титульного) языка и провозглашении его государственным, официальным языком. К вернакулизации прибегают в странах, получивших независимость или во вновь образованных государствах, использующих язык как один из символов государственности. Ярким примером языковой политики вернакулизации является шквал государственных языков, сопровождавший «парад суверенитетов» постсоветских государств.

Идеология и политика вернакулизации в Казахстане была мотивирована целым рядом причин: помимо противостояния русификации (советского варианта языковой глобализации) и огосударствления языка титульной нации, немаловажными были соображения собственно возрождения (*language revival*) казахского языка во всех коммуникативных сферах и воссоединения казахского этноса, разделенного по владению/невладению казахским языком [10]. Так, политика вернакулизации в Казахстане с самого начала ее осуществления оказалась политикой усиления витальности казахского языка и обнаружила тем самым глубокую и органичную идеологическую связь с политикой *монолингвизма*. И вернакулизация, и монолингвизм возникают как прямой и непосредственный реф-

¹ Самыми распространенными видами языковой идеологии и языковой политики, описанными У. Лабовым, Дж. Эдвардсом, Б. Спольским, Р. Капланом, Дж. Фишманом, Д. Аджером и другими на примере разных стран, являются вернакулизация; моноязычие (монолингвизм, ассимиляция, унификация, гомогенизация); мультилингвизм (языковой плюрализм, плюралингвизм, многоязычие), интернационализация и др.

лекс на действие глобализации. Однако различия между ними весьма существенны, как значительны и их сходства.

Явные и скрытые цели вернакулизации и монолингвизма сводятся к легитимации одного языка в многоязычном обществе и в крайнем своем проявлении приводят к языковой ассимиляции, унификации, гомогенизации страны (термины «языковая ассимиляция», «языковая унификация», «языковая гомогенизация» синонимичны, однако два последних представляют собой эвфемистические варианты более жесткого термина «языковая ассимиляция»).

В государствах с доминирующей языковой идеологией и политикой монолингвизматолько один язык непосредственно ассоциируется с национальной идентичностью и предполагается, что каждый гражданин, независимо от его этнической принадлежности, обязан выучить основной язык государства. Вместе с тем, как ни странно это звучит, идеология монолингвизма основана на идее равенства языков и иллюзии возможностей того, что любой язык, став национальным, официальным, государственным, окажется способным выполнять весь объем функций. Впрочем, присоединимся к рассудительному мнению Э. Хобсбаума, что «в нашем распоряжении сегодня имеются не равноценные, а взаимодополняющие языки, независимо от наличия или отсутствия у них официального статуса».

Поэтому сколько бы ни усиливалась политика вернакулизации и монолингвизма различными мероприятиями со стороны государства и просто носителей языка, глобализующийся мир, трансформировавшиеся тексты (а сегодня вместо традиционного письма это дисплейные тексты с гиперкодами) и давление со стороны главного языка глобализации делают свое дело.

В современном мире под влиянием глобализации, широкого применения информационных и сетевых каналов, стандартов потребления произошли кардинальные изменения в распределении стратегий, языковых средств и возможностей коммуникации.

Кросс-культурная коммуникация также открыла шлюзы для потока заимствований разнообразной, в том числе самой экзотической лексики, даже в тех частях лексикона, которые считались малопроницаемыми.

В других же сферах лексикона, которые всегда были и остаются доступными для заимствований, сегодня наблюдается тотальная интервенция англоязычной лексики, которую невозможно регулировать самым строгим пуристам. И это не только и не столько иноязычная лексика, сопровождающая внедрение компьютерных и техногенных новшеств. В этой области, как известно, создаются словари, издаются справочники и пособия, в которых упорядочиваются и дефинируются заимствованные языковые единицы, даются рекомендации по их употреблению.

Практически без постоянного системного внимания лингвистов остаются мир игрушек и игр (в первую очередь компьютерных), индустрия развлечений, спорт, мода, одежда, продукты питания, кулинарные рецепты, бытовая техника и предметы быта, т.е. все то, что на самом деле окружает повседневную жизнь обычного человека, что заставляет его *желать* и *приобретать*, *использовать* и *выбрасывать*, *носить* и *примерять*, *пробовать* и *есть*, *играть* и *выигрывать*, что включается в

ежедневное общение, которое сегодня стало практически невозможным без новой или обновленной лексики.

Так как же мы сегодня живем и говорим?

Мы можем быть *фрилансерами* или удаленными сотрудниками и работать, не выходя из дома;

торопясь увидеть фильм-новинку, мы пользуемся *сидами* и *пирами* в *торрентах*; хотим пройти осмотр врача, а попадаем на *скрининг* и мучительно долго барахтаемся в нем;

мы давно смирились, что вокруг не жизнь, а сплошные *триллеры*, *эксин* или *фэнтэзи*;

предпочитаем новости из *ютюба* (или *йутюба*, *youtub'a*) и читаем в *айпадах* (или в *ай-падах*, *айподах*), что «китайцы в очередях давятся за новыми *айфонами*»;

все меньше пишем письма, *смс* и даже *емейлы*, а предпочитаем перекидываться сообщениями, фотографиями, документами в *ватсапе* (или *ватсапе*, *уотсапе*) и все реже щебечем в *Твиттере*;

нас убеждают, что важен *толлинг* нефти;

неожиданно для себя попадаем в конвейерную индустрию *спид-дейтинга*;

хотим обновить гардероб, а на нас «высыпают» ворох новых названий старых вещей, и мы уже не можем даже предположить, как будем выглядеть в *платье-трансформере* или *бандажном* платье;

став *киберутопистами*, *сетевыми* жителями и людьми из *Фейсбука*, подписываемся на *ивенты* и посылаем *линки*;

организовываем со студентами *флэшмобы*;

пишем статьи для журналов с высоким *импакт-фактором* и нервничаем из-за *квартилей Скопуса*;

получаем права и обнаруживаем себя в какой-то подкатегории с *мокиками*, *трициклами* и *скутерами*;

не *билборд*, а *демотиватор* убеждает нас «остерегаться американских подделок и покупать китайскую обувь»;

мы хотим выпить кофе, а нам предлагают *макьятто*, *макачино*;

наконец, пробуем *мангостин*, который, как и *рамбутан*, своим внешним видом напоминает *личи*, но при этом внешне *мангостин* больше похож на *маракуйю*, а внутри — на *тамарилло*...

Приходишь в еще большее замешательство от общения с внуками, когда слышишь, что они *лолят* или *рофлятся* с *мемисов*; *чатятся в Телеге*; со своей *тимой* лихо распознают *селебов*, *хаслов*, *хейтеров* и *агрошкольников*; игнорируют *читеров* и *нубов*, зато ценят *хаслов*; запросто *флексят* и любят *чилить*; лихо могут *твитнуть*, *запостить*, *лайкнуть*, *стримить*, параллельно создавая *хайп*, и, главное, на все имеют собственное *ИМХО*¹ и стремятся его громко озвучить.

¹ Mail.ru в ответ на многочисленные вопросы об ИМХО сообщил, что слово приобрело грамматические признаки существительного среднего рода и свободно склоняется, а также активно участвует в словообразовании (*имхоизм*, *имхошный*, *имховый*, *имхошник*...) <https://otvet.mail.ru/question/86798425>

Языком глобального общения стал английский, и пуристическое регламентирование иноязычных «притоков» в разные части повседневного лексикона оказалось в некоторых названных выше областях практически невозможным.

Это происходит с русским языком.

Казахский язык, как и все крупные языки, оказался также открытым и весьма восприимчивым к овладению английскими обозначениями, которые пришли с конкретными артефактами и концептами нового мира. Казахский язык активно функционирует в молодежной среде и молодежном дискурсе, особенно активно впитывая и поглощая новые языковые формы и значения англицизмов.

Новые условия функционирования и казахского, и русского языков стали отчетливее разделять поколения. Старшее поколение все больше отдалается от молодежи, которая легко и непринужденно погружается в мир интернета и свободно пользуется его всевозможными услугами.

На вызовы глобализации стремится реагировать языковая политика, и это в первую очередь проявляется в ее пластичности.

Стали заметными предпочтения в выборе видов языковой политики: на первое место в национальных государствах вышли вернуакулизация и монолингвизм, поддерживаемые *языковым пуризмом*, или *неопуризмом* новой глобализационной эры.

* * *

Все более обоснованными становятся призывы к вовлеченности разных стран в поликультурный и междивизиационный диалог, ведь только так можно преодолеть непонимание между народами и сохранить уникальные языки и культуры.

Точно так же стали очевидными своевременность и необходимость не только детального анализа всех названных процессов, но и введения в качестве обязательной дисциплины на всех гуманитарных факультетах курса «Социоллингвистики» для адекватного понимания активных глобализационных процессов, установления диалога культур и воспитания этнической и языковой толерантности.

Список литературы

1. *Huntington S.Ph.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. P. 22—49; <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
2. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Универсальное, типовое и специфическое в языке. Москва, 2001.
3. *Сулейменова Э.Д.* Языковой сдвиг (languages hift) и «поворот» языкового сдвига (reversing languages hift); Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Макросоциоллингвистика. Алматы, 2011.
4. *Сулейменова Э., Акберди М., Койшыбаева Г.* Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии. Алматы: Қазақ университеті, 2016.
5. *Suleimenova E.* The vitality of the Kazakh language and language planning // Turcologica 102. Kazakh in post-Soviet Kazakhstan. Ed. by R. Muhamedova. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2015. P. 11—26.
6. *Сулейменова Э.* Языковая политика и динамика языковой ситуации в Казахстане // Russian Language Journal. 2009. Vol. 59. Washington.

7. Сулейменова Э.Д. Экзогенные и эндогенные языки диаспор Казахстана // Этноязыковая ситуация в Казахстане и судьбы репрессированных народов: сб. материалов круглого стола, посвященного ингушскому народу. Астана, 2007.
8. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков. URL: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>
9. Дятленко П. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 3.
10. Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика. Алматы: Қазақ университеті, 2011.
11. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 41.
12. Дисплейный текст: от рун на камне к е-чернилам // Русское языкознание: теория и лингводидактика: материалы международной конференции под эгидой МАПРЯЛ. Алматы, 25–27 сентября 2013.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сулейменова Э.Д. Глобализация и языковая политика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 112–120. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120

Сведения об авторе:

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: esuleim@gmail.com

Essay

Globalization and Language Policy

E.D. Suleimenova

Kazakh National University of Al-Farabi
79, Al-Farabi Prospect, Almaty, 050040, Kazakhstan

An attempt is made to illuminate the acute issues of the relationship between globalization and language policy on the example of Russification as a process of purposeful homogenization in language terms during the years of Soviet rule. Types of language policy (vernacularization, monolingualism, multilingualism) are considered as a response to the pressure of globalization.

Key words: globalization, language of globalization, vernacularization, monolingualism, multilingualism

References

1. Huntington, S.Ph. 1993. “The Clash of Civilizations?” *Foreign Affairs*. 72 (3): 22—49; <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>.
2. Kibrik, A.E. 2001. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya*. Universal’noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke. Moskva. Pp. 67—71. Print. (In Russ.)
3. Suleimenova, E.D. 2011. “Yazykovoi sdivig (language shift) i ‘povorot’ yazykovogo sdiviga (reversing language shift); Arkhetip ‘gadkogo utenka’ i yazykovaya identichnost’”. *Makrosotsiolingvistika*. Almaty. Pp. 101—123; 180—191. Print. (In Russ.)
4. Suleimenova, E., M. Akberdi, and Koishybaeva G. 2016. *Vybor yazyka i korrelyatsii yazykovoi transmissii*. Almaty: Қазақ университети. Print. (In Russ.)
5. Suleimenova, E. 2015. The vitality of the Kazakh language and language planning. *Turcologica* 102. Kazakh in post-Soviet Kazakhstan. Ed. by R. Muhamedova. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. Pp. 11—26.
6. Suleimenova, E. 2009. “Yazykovaya politika i dinamika yazykovoi situatsii v Kazakhstane”. *Russian Language Journal*. 59. Washington.
7. Suleimenova, E.D. 2007. “Ekzogennyye i endogennyye yazyki diaspor Kazakhstana” in *Etnoyazykovaya situatsiya v Kazakhstane i sud’by repressirovannykh narodov: sb. materialov kruglogo stola, posvyashchennogo ingushskomu narodu*. Astana. Pp. 6—30. Print. (In Russ.)
8. Alpatov, V.M. *Globalizatsiya i razvitie yazykov*. Web: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>
9. Dyatlenko, P. 2007. “Yazykovaya politika i yazykovyye reformy v gosudarstvennom i natsional’nom stroitel’stve”. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 6(3). Print. (In Russ.)
10. Suleimenova, E.D. 2011. *Yazykovyye protsessy i politika*. Almaty: Қазақ университети. Print. (In Russ.)
11. Khobsbaum, E. 2005. “Vse li yazyki ravny? Yazyk, kul’tura i natsional’naya identichnost’”. *Logos*. 4(49): 41.
12. Displeinyi tekst: ot run na kamne k e-chernilam. *Russkoe yazykoznanie: teoriya i lingvodidaktika. Mater. mezhd. konf. pod egidoi MAPRYaL*. Almaty, 25—27 sentyabrya 2013 Pp. 6—8.

Article history:

Received: 18.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Suleimenova, E.D. 2020. “Globalization and Language Policy”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 112—120. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120

Bio Note:

Eleonora D. Suleimenova is a Doctor in Philology, Professor, Kazakh National University of al-Farabi. E-mail: esuleim@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Полилингвистичность и транскультурные практики» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.lgb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчета из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявления.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование**. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлекцией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати, индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация) («REFERENCES»). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть: 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах (не больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library)).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике приводится в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков, в отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> размещена программа транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Полилингвильность и транскультурные практики» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: ptpj@rudn.ru

Доп. адреса: sinyachkin-vp@rudn.ru; bakhtikireeva-um@rudn.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal “Polylinguality and Transcultural Practices” welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

Submission Requirements

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at
<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya St., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Polylinguality and Transcultural Practices"

E-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru; bakhtikireeva-um@rudn.ru

We look forward to your submissions!

Требования к оформлению статей

<p>О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ</p>	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается в первую очередь структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. P. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p>	
<p>КНИГА ОДНОГО АВТОРА</p>	<p>Список литературы</p> <p><i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.</p>	<p>References</p> <p>Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ</p>	<p><i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.</p>	<p>Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.</p>	<p>Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)</p>
<p>ГЛАВА В КНИГЕ</p>	<p><i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.</p>	<p>Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip". In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ</p>	<p>Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.</p>	<p>Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.</p>	<p>Chiksentmihaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)</p>
<p>ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)</p>	<p>Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)</p>
<p>СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ</p>	<p><i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>	<p>Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh". RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

<p>ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)</p>	<p>Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given.</p> <p>For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p>
<p>IN THE TEXT (PLACEMENT)</p>	<p>Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].</p>
<p>REFERENCE LIST</p>	<p>GENERAL PRINCIPLES</p>
<p>ORDER</p>	<p>As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially:</p> <p>1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA.</p> <p>IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen, etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.</p>
<p>PUNCTUATION</p>	<p>Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.</p>
<p>BOOK</p>	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)